

ОГОНЁК
№ 31 АВГУСТ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. У входа в павильон «Северный Кавказ».

На первой странице обложки: Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. На площади Колхозов высится здание павильона Московской области. На переднем плане — фонтан «Каменный цветок».

На последней странице обложки: На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке представлены молочные фермы трех передовых колхозов — «12-й Октябрь», Костромской области, «Горшиха», Ярославской области, и «Новая жизнь», Архангельской области. Работники этих ферм проявляют большой интерес к достижениям своих соседей в животноводческом городке выставки и охотно делятся опытом. **На снимке:** гости из Ярославской области пришли посмотреть рекордистку костромичей. На переднем плане (слева направо): телятница В. С. Федорова, Герой Социалистического Труда доярка фермы «Горшиха» О. П. Сергеева, зоотехник колхоза «12-й Октябрь» А. М. Лищенко и заведующий фермой колхоза «Горшиха» И. И. Абросимов.

Фото С. Фридлянда и Е. Умнова.

ОГОНЁК № 31 (1416) 1 АВГУСТА 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

25 июля руководители партии и правительства Советского Союза товарищи К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев и Н. Н. Шаталин посетили Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Руководителей партии и правительства сопровождали и давали объяснения председатель Главного комитета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов и директор выставки академик Н. В. Цицин. На снимке: руководители партии и правительства на территории выставки.

Фото Б. Кудоярова.

ШКОЛА ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА

Удивительное чувство испытываешь с первых же минут путешествия по этому городу-саду, поднявшемуся, словно в сказке, среди знакомых московских кварталов. Рижский вокзал, звонки трамваев, трубы заводов, серая лента шоссе на Ярославль — и вдруг тишина, прохладные тени на дорожках, залитые солнцем асфальтированные площади и окутанные водяной пылью фонтаны.

Высоко в небе покачивает своими метелками бамбуковая роща. Неподалеку между деревьями голубеет «ледяной» айсберг. Гудит наполненный пчелами мичуринский сад. Оранжевыми фонариками горят за стеклом теплицы крупные апельсины. Осторожно выглядывает сибирский пятнистый олень с крохотным детенышем. Неподвижно стоят пальмы, опустив долу свои тяжелые листья, и по колосьям созревающей ржи медленно проходят тени проплывающих облаков. А в центре этого сада, где все, казалось, смешалось и перепуталось, вокруг фонтанов и площадей вздымаются в таком же сказочном разнообразии белоснежные дворцы с гигантскими куполами, башенками, шпилями.

Не скоро приходишь в себя, очутившись в этом городке чудес, не сразу осмотришься и обживешься. Но с первых же шагов улетучиваются представления о том, что все богатства шестнадцати республик сосредоточены в шестнадцати павильонах. Да, вот они стоят на площади Колхозов будто плечом к плечу, эти павильоны, но, кроме них, в зелени деревьев поднимаются вокруг еще шестьдесят павильонов и двести тридцать одно так называемое специальное и подсобное помещение. На прошлой выставке их было куда меньше!

Невольно вспоминается далекий кировский колхоз «Красный Октябрь», широкий двор центральной усадьбы и длинный рубленый амбар. Левое его крыло, сложенное лет двадцать назад, потемнело от дождей и непогоды, средина, прикрепленная к старому помещению железными скобами, была посветлее, а весь правый край горел на солнце свежеструганными, только что уложенными бревнами.

— Не успеваем достраивать это зернохранилище! — со сдержанной улыбкой говорит председатель колхоза Петр Алексеевич Прозоров. — Два раза его достраивали, а сейчас брось лишний центнер зерна — просыплется обратно... Будем еще достраивать!..

Чудесная взаимосвязь существует между бревенчатыми колхозными амбарами и дворцами-павильонами выставки. Это оттуда, из колхозных закромов, доставлены сюда мешки с зерном и тугие, крепко перевязанные снопы.

Руководители партии и правительства осматривают высокопродуктивных животных, экспонированных на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Главный зоотехник Павильона овцеводства Александра Петровна Лобачик рассказывает о новой алтайской породе овец.

«Встретимся на выставке в Москве!» — так прощались друг с другом комсомольцы, уезжавшие на целинные земли Сибири, Казахстана и Поволжья. Время такой встречи недалеко, и есть для нее большие основания. Пусть еще совсем мало представлены на выставке материалы о жизни и работе новоселов,— они их скоро привезут сами с тех передовых позиций, где разворачивается великое сражение за хлеб. Вот Рузаевская МТС Кокчетавской области Казахстана. Фотографии людей, машин, вспаханной земли. Четыре года назад здесь было поднято под посевы 4 603 гектара, весной нынешнего года — 11 842 гектара, а всего в 1954—1955 годах... Но тут стоит обратить внимание на единство двух годов — нынешнего и грядущего: эти два года можно встретить во всех павильонах, на всех стендах, и они-то, соединенные воедино, делают всю выставку устремленной вперед. Так вот в этом и в следующем году рузаевские механизаторы освоят более 40 тысяч плодороднейших черноземов. Кустанайский совхоз увеличит посевы зерна за счет целины на 10 тысяч гектаров. В этом году по республике уже поднято 1,5 миллиона целинных и залежных земель, а в резерве — еще 18,5 миллиона таких земель. Резерв не малый! Но не мала и армия: на целинных землях Казахстана расположены 1 699 колхозов, 283 МТС, 216 совхозов, в том числе 92 новых совхоза. В эти населенные пункты прибыло из разных концов страны 59 844 специалиста сельского хозяйства, прибывают и всего прибудут в 1954 году 51 374 трактора в пятнадцатисильном исчислении, более 20 тысяч тракторных плугов, около 13 тысяч комбайнов. И это только на одном участке!

Павильон Белоруссии, стенд колхоза имени Гастелло, Минского района. Средний урожай зерновых на всей площади — 21 центнер с гектара. Павильон «Северный Кавказ». Бригадир тракторной бригады Усть-Лабинской МТС Краснодарского края Михаил Клепиков собрал на своем участке по 29 центнеров с гектара яровой пшеницы. Сколько их, таких цифр, за которыми годы труда, борьбы, дерзаний!

Самый большой на выставке павильон — Механизации и электрификации сельского хозяйства. С волнением входишь в этот величественный дворец техники. Не день и не два нужно для того, чтобы обойти все его залы, осмотреть многие сотни действующих машин, готовых в любую минуту выйти на поля.

Есть у этого павильона своя, отличная от всех других особенность. Если во все остальные павильоны экспонаты пришли из колхозов, совхозов, МТС, то здесь собраны машины заводов Минска, Челябинска, Харькова, Сталинграда и многих других городов. Чувством гордости полнится сердце, когда думаешь о том, что все собранные тут машины сделаны у нас, на наших заводах, руками наших советских рабочих.

Привычными в нашей жизни стали три буквы: «МТС». Но что это за ЛМС, которую мы встречаем в одном из павильонов? Оказывается, это лугомелиоративная станция. Своими машинами она осушает болота, сеет и убирает хлеб, косит травы, расчищает и засевает луга. В Павильоне Туркмении мы узнаем, что на землях республики работают 9 МЭС — машинно-экскаваторных станций. Здесь тракторы вместе с экскаваторами роют и расчищают поливные канавы, помогают орошать хлопковые поля. На

Оттуда, с ярославских и холмогорских лугов и животноводческих ферм, прибыли стада коров. Это там, на полях Туркмении и Узбекистана, был собран хлопок, который подобно снежным курганам возвышается в центре павильонов республик.

Великая правда о нашей колхозной и совхозной земле разместилась на бесчисленных стендах выставки. Необозримы богатства этой земли: все, что растет, цветет и созревает, собрано здесь. И кто знает, сколько раз работники выставки, устанавливая экспонаты, мечтали «достроить», «растянуть» свой павильон хотя бы еще на один лишний квадратный метр, чтобы показать труды и успехи еще одного района!..

Выставка открывает большой и замечательный мир нашей действительности, показывает великую заботу Коммунистической партии и Советского правительства о создании обилия сельскохозяйственных продуктов в нашей стране, является замечательной школой передового опыта и достижений ученых и практиков сельского хозяйства, борющихся за максимальное использование каждого гектара нашей земли.

На каждом шагу открывается что-то новое, ранее невиданное — новая машина для квадратной посадки рассады, пшенично-пырейный гибрид, цветы, выращенные юннатами севера. Великим уважением наполняется сердце и к колхозникам сельскохозяйственной артели «Рассвет», Могилевской области, отвоевавшим 400 гектаров у болот, и к труду туркменских хлопкоробов, у которых 93 процента всех посевных площадей — поливные земли.

Но, странное дело, чем больше чудес открывает перед тобой эта выставка-сад, тем со все большей силой охватывает тебя чувство беспокойства — не просмотреть бы самого главного.

В этой связи стоит вспомнить кировский колхоз «Красный Октябрь» и его председателя Петра Алексеевича Прозорова. В павильоне «Картофель и овощи» посетителей выставки встречает молодая светловолосая женщина. Это дочь председателя колхоза Лидия Прозорова, в недавнем прошлом студентка Тимирязевской академии, а теперь агроном.

— Многое, что вы увидите здесь, появилось в колхозах после сентябрьского Пленума ЦК КПСС...— говорит она, начиная объяснения.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка этого года, так же как и предыдущая, довоенная, широко, наглядно и правдиво рассказывает о том огромном победном пути, который прошло наше сельское хозяйство под руководством Коммунистической партии за годы Советской власти. Выставка современна в самом глубоком смысле этого слова, потому что она рассказывает не только о прошлом, но и о настоящем, свершающемся сегодня во всех краях нашей великой державы. Выставку отличает еще одна, пожалуй, самая главная и примечательная черта: устремленная в будущее, она рождает мечты об этом будущем, зовет к новым успехам.

Есть на выставке небольшой и совсем как будто незаметный клочок земли. Кажется, его целиком перенесли с какого-то колхозного поля: мерно шелестят, покачиваясь под ветром, высокие колосья; таким знакомым простором веет от этого поля, что невольно останавливаешься и прислушиваешься: не подаст ли свой голос жаворонок?! Но стоит присмотреться к колосьям — и сразу же поймешь: нет, они не с одного поля. Одни из них — высокие, с головой укрывающие человека, другие — низкие, не выше колен. Одни — уже спелые, желтые, хоть подгоняй к ним комбайн, другие — густозеленые. Одни, как стрелы, смотрят в небо, другие клонятся к земле. Словом, что ни делянка, то новый сорт. Это тихое, притаившееся между дворцами-павильонами поле — живая коллекция пшеницы, ржи, ячменя и овса: «Одесская», «Ульяновка», «Крымка местная», «Приазовская», «Вятка», «Харьковская», «Иркутская», «Якутянка». Эта коллекция — воплощение большой и трудной борьбы нашего народа за хлеб, за богатые урожаи, борьбы, в которой рядом с академиками, научными институтами, государственными селекционными и опытными станциями принимали участие рядовые колхозники. И недаром рядом с пшенично-пырейным гибридом академика Н. В. Цицина скромно покачивает колосом «Безостая Шкода» — пшеница, выведенная в кубанском колхозе «Красный путь» старым опытником Г. Т. Шкодой.

В таком многообразии зерновых культур и сортов — приметы нашей страны и нашего времени.

Широким, невиданным еще наступлением пшеницы на новые земли, борьбой за высокие урожаи этой культуры отмечен первый год после сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

одном из стендов Казахской ССР широким планом показана работа Байкадамской МЖС Сары-Суйского района, Джамбулской области. МЖС — это машинно-животноводческая станция. Она обслуживает 11 колхозов, раскинувшихся на площади в 185 тысяч гектаров: роет колодцы на пастбищах, косит травы, заготавливает корма и, по существу, является центром жизни этого большого района.

Все дальше в поля, леса, горы, туда, где нужна помощь хлеборобу, животноводу, строителю, уходят тракторы и машины, вторгаясь во все процессы сельскохозяйственного производства. Но и в привычных для нас МТС происходит тот же процесс. Вот на стендах своеобразный бригадный ток: зерноочистительные машины, сложные молотилки, погрузчики и разгрузчики зерна, передвижные и стационарные зерносушилки. Весь процесс обработки зерна полностью механизирован и электрифицирован.

Вот стенды машин, предназначенных для механизации трудоемких процессов на животноводческих фермах. Но, может быть, лучше всего их посмотреть в натуре, благо совсем неподалеку от Павильона механизации и электрификации сельского хозяйства на 40 гектарах расположены настоящие фермы, коровники, свинарники — целый животноводческий городок! Впрочем, нельзя ограничиваться только этим городком, рассказывая о нашем колхозном и совхозном животноводстве, представленном на выставке. Оно показано почти во всех павильонах, на сотнях колхозных и районных стендов. Великая программа, провозглашенная партией на сентябрьском и февральско-мартовском Пленумах ЦК КПСС — обеспечить все население нашей страны продовольствием по научно обоснованным нормам,— вызывает кипучую энергию людей в самых отдаленных местах страны. Количество молока, мяса и других продуктов, которые нужно получать теперь с каждых 100 гектаров пашни, лугов и пастбищ, чтобы всего было вдоволь, стало новой и обязательной колхозной нормой, показателем и мерилом. Многие колхозы, представленные в павильонах Украины, Киргизии, Латвии, Эстонии, Литвы, Грузии, уже подошли или подходят к этой норме.

Но все-таки как ни ярки, красочны и убедительны стенды, цифры, фотографии в павильонах «Животноводство», «Свиноводство», «Коневодство», «Крупный рогатый скот», «Птицеводство», живые экспонаты намного расширяют наше представление об этом огромном мире. Вот словно белая поземка выметнулась на зеленый лужок — то куры русской белой породы. Куры как куры, а несут, оказывается, более трехсот яиц в год. Переваливаясь и вытягиваясь в цепочку, идут утки, за ними неподалеку гуси. Сколько же их? Барковские, солнечногорские, тулузские, шадринские, тамбовские, калужские, тульские, холмогорские...

Это, так сказать, представители «легкого веса». За ними следуют «средневики» — более 800 овец и коз 70 пород и помесей и более 300 свиней 12 разных пород и породных групп. Конь Сатир из колхоза «День урожая», Арзамасской области, принадлежит к другой категории. Он так и именуется — «советский тяжеловоз». Когда ему было четыре года, он вывез груз весом в 15 453 килограмма — подстать пяти трехтонным машинам. Впрочем, часто эти весовые категории явно нарушаются. Не иначе, как к тяжелому весу, надо причислять хряка Самоучку из совхоза «Венцы-Заря», Краснодарского края. Хряк весит... 530 килограммов.

Кому приходилось бывать на молочно-товарных фермах колхоза «Горшиха», Ярославской области, тот сможет здесь, на московской земле, еще раз встретиться с его питомцами. И снова выступает самая характерная особенность выставки — правда жизни. Тут все так же, как и в колхозе,— те же коровы, те же типовые помещения, та же механизация. И словно к себе на ферму прибыло на выставку стадо коров из далекого холмогорского колхоза «Новая жизнь». Хозяйка фермы этого колхоза депутат Верховного Совета СССР Елизавета Яковлевна Вашукова надаивает от каждой закрепленной за ней коровы по 5 226 килограммов молока в год.

Все это, повторяем, не уникальные факты. На выставке видишь лучшее, но и типичное для нашей колхозной действительности. Величественная программа крутого подъема сельского хозяйства открыла новые дороги для каждого колхоза и совхоза, для расширения их хозяйств, роста их производительных сил. Долгие годы один из старейших колхозов Украины, колхоз имени Буденного, Одесской области, которым вот уже около 30 лет руководит Макар Анисимович Посмитный, славится высокими урожаями зерновых культур. На выставке колхоз показывает свои достижения уже и по молочному животноводству, и по овцеводству, и по свиноводству. Каждый гектар земли в этом колхозе дает доход до 2 тысяч рублей.

...Мерно шумят, взлетая на высоту пятиэтажного дома, серебряные струи фонтанов на площади Колхозов; неумолчно кружится ветрячок на вершине метеорологической станции; остывают накаленные за день стены типовых зданий МТС; кончилось кормление зеркальных карпов в пруду; через дорожки протянулись тени. Но почему-то не хочется покидать города-сада.

Сколько событий в нашем сельском хозяйстве произошло за минувшие 15 лет, между двумя выставками, сколько чудесных изменений в судьбах людей! На этих вот стендах демонстрировала свою свеклу знатная звеньевая-пятисотница М. В. Гнатенко. Сейчас она аспирант Всесоюзного научно-исследовательского института сахарной свеклы и уже за новые успехи, за выращивание новых урожаев этой культуры,— снова участница выставки.

Первые свои опыты показал здесь 15 лет назад полевод колхоза «Заветы Ленина» Терентий Семенович Мальцев. Сейчас в павильонах «Земледелие» и «Урал» показаны широким планом новые замечательные работы Т. Мальцева, лауреата Сталинской премии, руководителя научного учреждения.

Сколько их, старых ветеранов нашего сельского хозяйства, возмужавших и окрепших, показывают свои замечательные работы в области сельского хозяйства! А рядом с ними поднялась молодая поросль пытливых, ищущих людей, беззаветно работающих на полях родной страны. Великую романтику и благородство их труда показывает выставка.

Академией народного передового опыта называют нашу Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. И по праву называют, ибо все это пришло от жизни и новыми, широкими дорогами уйдет в жизнь и будет способствовать быстрейшему подъему всех отраслей нашего великого социалистического сельского хозяйства.

Илья КОТЕНКО

На участках экспонатных посевов зерновых культур академик Н. В. Цицин познакомил руководителей партии и правительства с выведенным им и его сотрудниками сортом пшенично-пырейного гибрида № 1, урожай которого на демонстрационном участке ожидается до 70 центнеров с гектара.

Фото Б. Кудоярова.

Руководители партии и правительства Советского Союза осматривают Павильон механизации и электрификации сельского хозяйства Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

МАШИНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Академик В. А. ЖЕЛИГОВСКИЙ

Сверкая стеклом и сталью, высоко в августовском небе парит купол, венчающий Павильон механизации и электрификации сельского хозяйства, где разместилось множество машин.

Перед стеклянным фасадом, лишь слегка обрамленным бетоном, на двух симметричных площадках установлены 6 тракторов «Сталинец-80». И сразу же за огромными, но легкими створками стеклянных дверей раскрывается центральная часть павильона, где посетители вновь видят тракторы.

Десятка два «неутомимых вездеходов» различной мощности, приспособленных для всех видов полевых работ, то приземистых, на широких гусеницах, то высоких и стройных, на легких резиновых баллонах, то цепких, на колесах с шипами, по праву открывают величественный парад машин. Нелегкая работа выпадает на долю каждого из них: за сезон протянуть борозду длиною почти в 10 тысяч километров, борозду, которая могла бы соединить Москву с Владивостоком.

Едва заканчиваешь осмотр этих шеренг, как взгляд привлекает вереница машин, расположенных на двух ярусах вдоль центрального зала. Редко в этой массе сверкающего металла и причудливых форм мелькнет машина, виденная на прошлой выставке. А если и встретится, то ее конструкция претерпела столь значительные изменения, что машина сделалась почти неузнаваемой, как, впрочем, и сам павильон. По сравнению с 1939 годом площадь его выросла в три раза, более чем в три раза увеличилось представленное в нем количество машин, и теперь, чтобы обойти все 26 залов этого дворца сельскохозяйственной техники, надо совершить прогулку в 4,2 километра.

Левый ярус отведен механизации зернового хозяйства. Пятикорпусные плуги с поблескивающими лемехами; лущильники, которые круглыми стальными дисками рыхлят почву после уборки урожая; многорядные сеялки, ротационные мотыги, разрушающие почвенную корку, — вот представители многотысячной армии, ведущей борьбу за урожаи на советских полях и развернувшей теперь наступление на 13 миллионах гектаров целинных земель.

На противоположной стороне галереи стоят машины необыкновенно легкой, почти ажурной конструкции, похожие на многометровые вышки. Они должны убрать копны сена и сложить их в стога, механизируя трудоемкие процессы заготовки кормов, процессы, в которых еще сравнительно недавно ручной труд играл первостепенную роль.

Ощетинившись семью стальными пиками, повис на раме трактора стогометатель. На поле, подходя к копне, он легко подхватывает ее, поднимает вверх на высоту двухэтажного дома и плавно укладывает на растущий стог. Такому «семирукому великану» нипочем уложить до 10 тонн сена в час, за день он воздвигнет целую гору.

Неподалеку расположились зерносушилки. Своим горячим дыханием они просушивают струящееся по их внутренним переходам зерно.

Завершая парад машин, красуются комбайны — ветераны полей. Первые такие машины, сочетавшие в себе умение выполнять последовательно все работы при уборке хлебов, пришли на поля, едва трактор заменил конную тягу. Насколько такая универсальная машина производительнее других конструкций, видно на следующем примере: лишь за период уборки зерновых культур в 1952 году комбайны сберегли труд 10 миллионов человек, если бы они работали на уборке урожая в течение месяца, применяя жатки, сноповязалки, подвозя урожай к механическим молотилкам на автомашинах. Самые крупные из этих «умных» машин расположились в купольном зале, который так высок, что мог бы, словно колпаком, накрыть пятнадцатиэтажный дом.

Почетное место отведено там и карте Советского Союза — самой большой карте на выставке. Ее площадь равна 150 квадратным метрам. На ней золотыми кружочками горят около 9 тысяч точек — 9 тысяч машинно-тракторных станций.

На любой из них встретишь большинство только что осмотренных машин, но представление о технической вооруженности будет далеко не полным, если не увидишь залов, о существовании которых не сразу и догадаешься: так незаметно скрыты они в общей конструкции павильона.

...За дубовой дверью неожиданно открывается внутренняя лестница. Резкий поворот — и перед нами анфилада залов, разделенных ажурными порталами. Сквозь огромные окна от потолка до пола льется свет, делая все здесь еще более необычным. Тут разместился новый многочисленный отряд машин, которых и в помине не было на прошлой выставке. На эти машины возложена нелегкая задача — справиться со всеми трудоемкими процессами возделывания технических и пропашных культур: сахарной свеклы, картофеля, конопли, хлопка... Все операции, начиная от посева, культивации, подкормки до уборки урожая, должны выполняться этими машинами. Чем заменить при этом глаз человека и сноровку руки, чтобы каждая последующая машина «увидела бы всходы», не потравила бы их, не свела на нет работу предыдущей? Лишь сочетание передовой агротехники с конструкторскими «находками» привело к решению задачи.

Взять хотя бы, к примеру, комплекс машин для возделывания картофеля. Он приспособлен к самому прогрессивному в агротехническом отношении квадратно-гнездовому методу посадки. Как известно, картофельные клубни при этом методе должны каждый раз попадать в строго предназначенные для них места, образуя на поле правильные квадраты. Задача казалась очень трудной.

Ведь картофелесажалка может выдержать лишь направление рядов. А как же разместить места посадки внутри ряда?

На помощь пришло сравнительно нехитрое приспособление. По ходу машины натягивается так называемая мерная проволока с узелками, расположенными на одинаковом расстоянии один от другого. Небольшой рычажок, связанный с механизмом картофелесажалки, скользит по этой натянутой проволоке, и каждый раз, как в него попадает очередной узелок, автоматически включается спуск и новая порция проросших картофельных клубней выбрасывается в тут же приготовленную для нее бороздку. Так проволока стала своеобразным поводырем «слепой» машины.

Вот теперь, когда нанесены четкие маршруты, другие машины могут безопасно для растений идти по этим полям, не опасаясь повредить всходы. Культиваторы смело вдоль и поперек обрабатывают поля, подрезая сорняки и взрыхляя почву, однако бережно обходя кусты картофеля, словно они обнесены невидимой загородкой. А когда наступит время и созреет картофель, этим же маршрутом след в след пройдет картофельный комбайн и выкопает картофель, избавляя человека от тяжелой работы, совершая ее во много раз быстрее.

Любая из этих машин увеличивает производительность труда в 8—10 раз, намного повышает урожайность различных культур. Затрата мускульной силы ограничивается поворотом рукоятки или нажатием рычага. Зато у каждого из работающих освобождается внимание, чтобы более детально изучить процесс, уловить малейшие неиспользованные возможности его совершенствования.

Не перечислить всех машин, представленных на выставке. От мощного кустореза, врезающегося огромным клином в зеленую чащу, идущего в ней напролом, до самых различных комбайнов, от канавокопателя, прокладывающего путь воде, до «нежной» доилки, от «великана» стогометателя до механического «повара» — кормоприготовительной машины — вот как широк размах первоклассной техники, позволяющей механизировать основные работы, и прежде всего работы в зерновом хозяйстве и животноводстве.

О численности машин в социалистическом сельском хозяйстве можно судить по данным, приведенным в постановлении июньского Пленума ЦК КПСС: «МТС и совхозы к уборке урожая 1954 года будут иметь более 350 тысяч комбайнов, около 33 тысяч льнотеребилок и льнокомбайнов, 11 тысяч свеклокомбайнов, более 24 тысяч хлопкоуборочных машин, около 10 тысяч картофелеуборочных комбайнов, большое количество зерноочистительных машин и механизмов».

Теперь наше сельское хозяйство, как ни в одной другой стране, обильно насыщено техникой. Выставка убеждает в том, что почти для каждого вида работ существует специальная машина. Выставка показывает, как советские ученые, инженеры, техники, конструкторы в творческом содружестве с тружениками полей осуществляют комплексную механизацию сельскохозяйственного производства.

Достижения творцов отечественных сельскохозяйственных машин подготовлены школой академика В. П. Горячкина, создавшего теорию и расчет таких машин. До сих пор эта теория является единственной в мире и почти не освоена в капиталистических странах. Она служит компасом проектировщикам, заменяя строгими законами и точными расчетами трудоемкие и длительные, часто уводящие в сторону, эмпирические поиски рациональных образцов. Вот почему в СССР конструкции сельскохозяйственных машин являются наиболее целесообразными, а сроки их создания — самыми короткими в мире.

Многочисленные институты, среди которых в первую очередь справедливо отметить Всесоюзный институт механизации сельского хозяйства и Всесоюзный институт сельскохозяйственного машиностроения, трудятся над проектами новых машин и решением новых проблем.

Сегодня, когда машины уже сменили труд людей на основных сельскохозяйственных работах, следует подумать о новом, уже чисто инженерном проектировании всего сельскохозяйственного производства в целом. Необходимо учесть, что каждой машине предстоит не только справиться с возложенной на нее работой, но еще полнее сочетать свои действия со всеми другими машинами, участвующими с ней в едином производственном процессе.

Мало было придумать поезда, которые перевозили бы пассажиров под землей, и лестницы, доставляющие их на поверхность. Если бы обе эти задачи решались оторванно одна от другой, то поезда наверняка выбрасывали бы на станции гораздо больше пассажиров, чем эскалаторы могли бы поднять их наверх.

Аналогичная диспропорция может возникнуть и при большой насыщенности сельского хозяйства механизмами. Для работы на поле с максимальной производительностью недостаточно, чтобы сеялка допускала культивацию посевов и уборку урожая комбайном. Здесь уже возникает необходимость в более совершенном построении всего производственного процесса, когда, например, конструкция свеклоуборочного комбайна позволит непрерывно подходить машинам, принимающим урожай прямо из бункера комбайна. Избегнуты будут лишние задержки и затраты труда, связанные с перегрузкой корнеплодами.

Среди прочих машин в павильоне представлен и электротрактор — пример использования самого дешевого вида энергии, которой, безусловно, принадлежит завтрашний день в сельском хозяйстве. Однако, чтобы заменить электромотором двигатель внутреннего сгорания, почти безраздельно царящий на наших полях и съедающий уже теперь больше половины всех добываемых в стране нефтепродуктов, конструкторам и ученым предстоит еще немало потрудиться.

Что же тормозит продвижение электроэнергии на колхозные поля? Трудность питать током движущийся трактор или любую другую самоходную машину. Пока это совершается при помощи очень длинного электрического кабеля. Он то наматывается на большую катушку — барабан, то разматывается, укладываясь на земле, неизменно затрудняя движение трактора. Да и «жизнестойкость» такого кабеля очень ограничена: он быстро выходит из строя, изнашивается. Заменить эту конструкцию более целесообразной — вот важнейшая задача сельских электрификаторов.

В павильоне глаз невольно задерживается на рациональной и легкой конструкции навесных машин. Характерная их особенность — легкость рамы и у многих отсутствие колес. Опираются такие машины на землю своими рабочими органами: плуг — лемехами, лущильники — своими стальными дисками. Поворот рукоятки в кабине тракториста — и навесная машина, повинуясь силе поршней, легко отделяется от земли, поднимаясь вверх.

Почти наполовину меньше металла расходуется на навесную машину по сравнению с прицепной. И если учесть, что все тракторы страны за сезон совершают пробег в 10 миллиардов километров, то станет ясным, как много бесполезной работы затрачивается на провоз каждого лишнего килограмма металла. Следовательно, задача конструкторов заключается в том, чтобы максимально облегчать вес конструкций сельскохозяйственных машин.

Много машин демонстрируется в павильоне. Но мысль ученых, инженеров постоянно ищет новых, более совершенных и производительных конструкций.

И тут невольно сразу встает вопрос о скоростях. Современная техника теоретически вполне допускает значительное увеличение рабочих скоростей сельскохозяйственных машин. Но, оказывается, пахать со скоростью, большей чем пять — шесть километров в час, используя современную конструкцию плугов, невыгодно и нецелесообразно. Уже при небольшом превышении этой скорости пласты почвы будут летать по воздуху.

Что же, отказаться от мысли увеличить скорость? Отнюдь нет. Ведь металлы тоже долгое время обрабатывали на малых скоростях, считавшихся предельными, пока более детальное изучение свойств металлов, сплавов и форм резцов не позволило далеко позади оставить эту границу. Чтобы решить всю сложную проблему, нужно значительно расширить наши сведения о технологических особенностях почвы, о ее «причудах», о закономерностях процессов сельскохозяйственных работ.

Грандиозен парад машин на выставке. Однако он ни на минуту не должен заслонять человека — творца этих машин. Каждая из них рождена вдохновенной мыслью и напряженным трудом огромного коллектива инженеров, рабочих, конструкторов и ученых.

Старший агроном отдела овощеводства Управления растениеводства выставки Анастасия Ивановна Спиридонова угощает руководителей партии и правительства дыней — «Подмосковная лебедевская».

Фото Б. Кудоярова.

ПШЕНИЦА ЗОЛОТАЯ

Н. ДРАЧИНСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

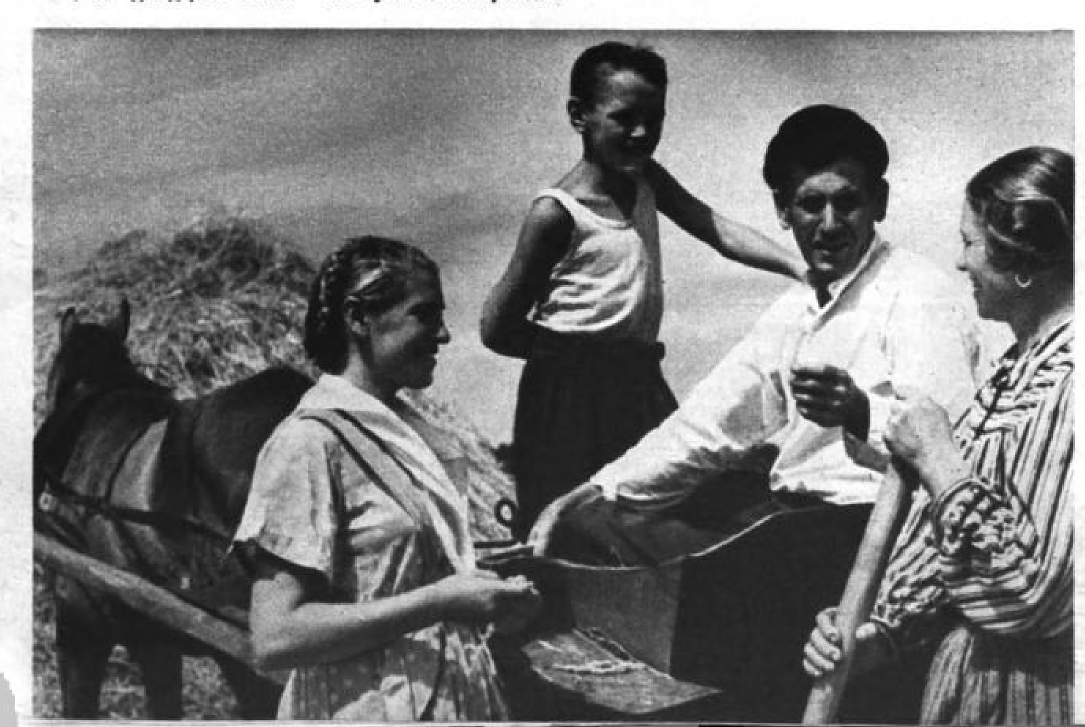
Хороши поля в Либкнехтовском районе на Ставропольщине! От края до края, сколько глазом охватишь, разметнулись золотые нивы, вправленные в зеленые рамы лесополос. Любовно возделанная хлеборобами земля из года в год дает здесь обильные и устойчивые урожаи — 120—150 пудов зерна с гектара. А в народе не зря говорится, что хлеб — всему голова. На основе зернового хозяйства поднялись и другие отрасли колхозного производства. За эти успехи весь район в целом, две МТС, два колхоза и 197 лучших людей утверждены участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Мы в одном из передовых хозяйств района — колхозе имени Сталина. Сельхозартель и десятки ее лучших хлеборобов завоевали почетное право участвовать во всесоюзном смотре достижений социалистического земледелия. Редко кого застанешь в селе в горячую пору жатвы, тем более — участников выставки. Все в поле. Даже парикмахер, лишившийся постоянной клиентуры, забрал свои инструменты и укатил в степь. Село притихло, обезлюдело, будто задремало под лучами расточительного южного солнца.

Отправляемся в поле, где поют моторы и жаворонки, где люди завершают свою нелегкую и славную борьбу за хлеб. Там мы знакомимся с участниками выставки, колхозниками и механизаторами Богословской МТС.

Во второй полеводческой бригаде вместе с Дмитрием Даниловичем Вороной трудится все его семейство: жена Марфа Петровна и дочь-десятиклассница Рая. Сюда же пришел восьмилетний Витя и упросил отца взять его с собой покататься,— ведь бригадиру приходится постоянно разъезжать на своей двуколке по полям. Дмитрий Данилович и Марфа Петровна — участники выставки. Всем семейством собираются они поехать в Москву после уборки урожая. А урожай выращен хороший, хотя бригадир и не очень доволен:

— Обязались собрать по тридцати центнеров с гектара. До тридцати, пожалуй, не дотянем, но двадцать семь — это уже в закромах.

Участница выставки звеньевая Рая Яковенко дала слово вырастить в этом году по 50 центнеров семян подсолнуха с гектара при плане 13,5. Посев был произведен квадратно-гнездовым способом. Трижды культивировала Рая свой участок, дважды пропалывала. Сейчас она работает на очистке зерна, но часто забегает на свой участок. Подсолнухи уродились хорошие!

Всякий раз, когда на току выходит очередной номер стенной газеты, возле нее толпится народ. Судя по выражению лиц, газета получилась острая, кое-кому досталось...

↓ Бригадир Сергей Абрамович Пасева — человек, известный на Ставрополье. Прославился он своими высокими урожаями и даже читал лекцию студентам Ставропольского сельскохозяйственного института. Более двадцати пяти лет бригадирствует он в колхозе, на этой земле. Знает на ней каждую трещинку, каждый бугорок. Есть у Сергея Абрамовича одна заветная мечта: вырастить урожай по триста пудов с гектара. Давно он вместе с агрономом Иваном Даниловичем Кривошеиным выводит новый сорт озимой пшеницы. Что еще будет, покажет время, но сейчас известно, что с небольшой площади в 72 сотых гектара они уже получили более 250 пудов отменной пшеницы. Вот и сейчас мы видим их на массиве толкующими о своих делах.

Не усидел дома и Филипп Романович Балацкий. Ему уже девятый десяток, он на пенсии, однако теперь встревожился: первый раз в колхозе без него хлеб убирают. Не вытерпел и пошел на ток. Осмотрел все придирчиво, остался доволен и нашел себе здесь занятие с маленькой Людой Здыбель.

→ Тем временем на току бригады хозяин механизмов Игнат Иванович Ефимцев шутя выговаривает возчику Виктору Сердюкову:

— Ты почему, Витя, возишь зерно все к одной и той же сортировке, нарушаешь равномерную загрузку механизмов? И чего тебе так полюбилась эта сортировка? Или, может, тут обслуживающий персонал какой особенный?..— сказал он и хитро посмотрел на Любу Николаенко.

Виктор вспыхнул и погнал лошадей на поле к комбайну.

ПШЕНИЦА ЗОЛОТАЯ

Здесь собрались три старых приятеля: бригадир тракторной бригады Михаил Федорович Плотников, комбайнер Николай Савельевич Антипов и директор Богословской МТС Максим Денисович Байбарак. Богословской МТС в ноябре исполнится двадцать пять лет. К юбилею станция широко представлена на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Три старейших ее работника вместе начинали создавать МТС. Еще в 1923 году, по постановлению комсомольцев коммуны, были проданы быки и на вырученную сумму приобретен заморский трактор «Фордзон». Первым трактористом тогда и стал нынешний директор Максим Байбарак.

В дни уборки дорога каждая минута. Бригадная повариха Маша Шевченко доставляет обед прямо к загонке. Пока комбайнер обедает, машиной управляет штурвальный. Затем комбайнер заменяет тракториста, но косовица не прекращается.

— А что, Павел Григорьевич, когда на выставку поедем? — спрашивает тракторист В. Васьков.

— Кончим здесь уборку, а потом поедем в Сибирь. Вот по пути, наверно, и на выставке побываем,— отвечает комбайнер Дуганец.

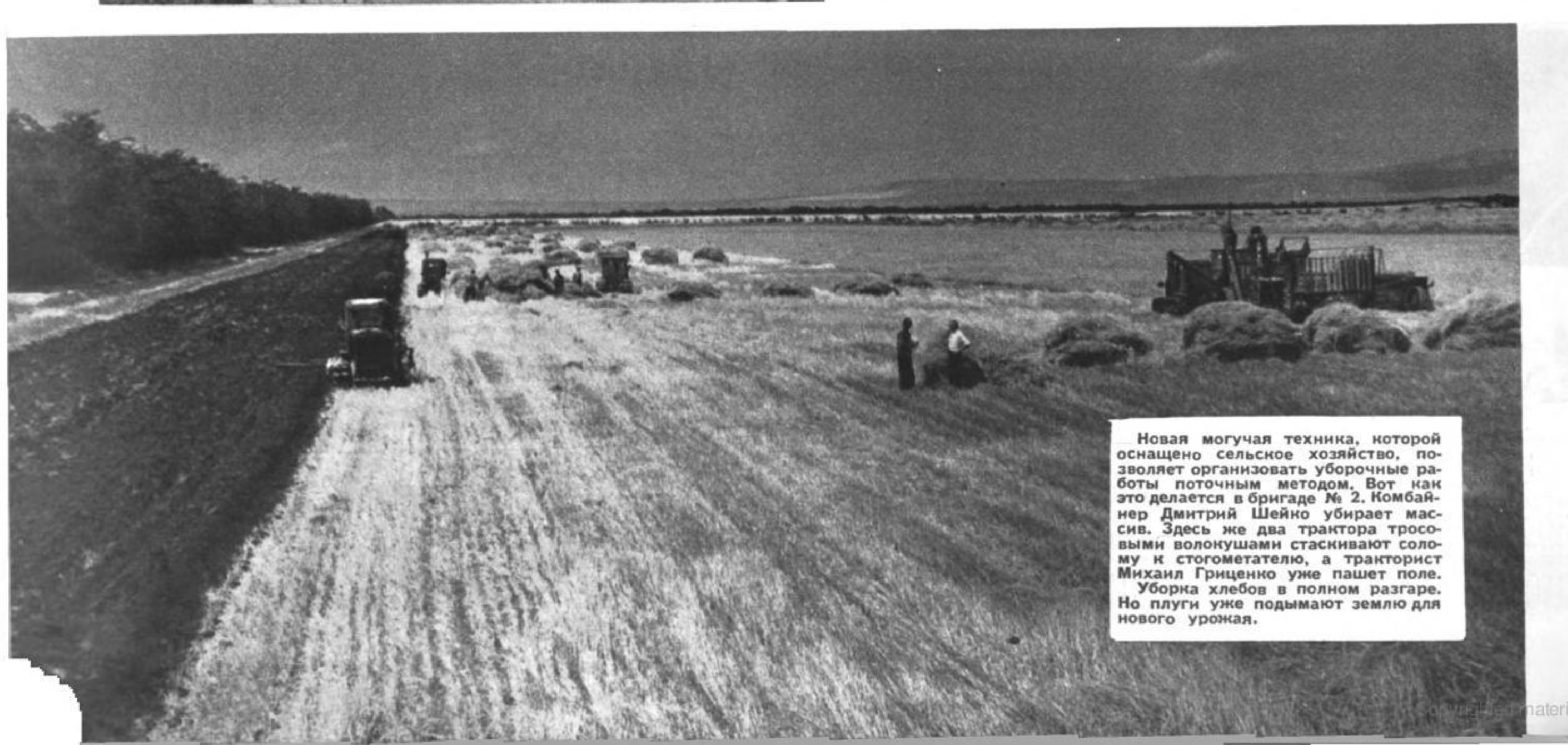
— Ну, а кому сегодня вручат переходящий красный вымпел? — интересуется повариха.

— Это будет известно утром.

А утром радиостанция МТС передала сообщение всем бригадам, что переходящий вымпел и премия присуждены комбайнеру Григорию Николаевичу Еременко.

Про Еременко говорят: «Наш рационализатор». Внутренность машины он переделал по-своему. Агрегат работает четко и безотказно. Зерно отлично очищается и, минуя ток, доставляется прямо на элеватор. Дирекция предлагала ему новый комбайн, но он отказался: не успеет реконструировать до уборки...

На одном из участков полегли хлеба, жать их очень трудно. Эту работу и поручили Григорию Еременко. Он не только косил с минимальными потерями, но и показал рекордную выработку. Секретарь партийной организации Ф. Петух и председатель рабочего комитета Н. Козин вручили ему почетный вымпел.

Новая могучая техника, которой оснащено сельское хозяйство, позволяет организовать уборочные работы поточным методом. Вот как это делается в бригаде № 2. Комбайнер Дмитрий Шейко убирает массив. Здесь же два трактора тросовыми волокушами стаскивают солому к стогометателю, а тракторист Михаил Гриценко уже пашет поле.

Уборка хлебов в полном разгаре. Но плуги уже подымают землю для нового урожая.

Братья Каменских. Слева направо: Владимир, Николай, Герман, Алексей, Евгений.

Пять братьев Каменских

Верещагино — узловая станция Свердловской железной дороги. Круглые сутки не смолкают здесь гудки паровозов. Около ста пассажирских и товарных поездов следует на восток и запад. Рядом — корпуса паровозного депо. Более сорока лет проработал в нем слесарем, а затем мастером Михаил Степанович Каменских. Шестерых сыновей воспитал он. Пятеро из них связали свою жизнь с железнодорожным транспортом.

Первым у реверса паровоза стал старший из братьев, Алексей. Было это 26 лет назад. Вскоре его примеру последовал Владимир. Подрастая, становились помощниками, а потом и машинистами Николай, Герман, Евгений... Теперь пять братьев Каменских работают в депо Верещагино. Четверо водят поезда, а Владимира вот уже три года подряд рабочие депо избирают председателем местного комитета профсоюза железнодорожников; он, по единодушному мнению братьев, находится «на самой хлопотливой должности».

В парткоме узла группа железнодорожников окружила машиниста со значком лауреата Сталинской премии на кителе. Николай Каменских вернулся из Москвы, с XI Всесоюзного съезда профсоюзов, делегатом которого он был. До этого Николай участвовал во Всесоюзном совещании актива работников железнодорожного транспорта в Кремле. Приехал он, полный новых впечатлений, планов. И теперь в парткоме коммунисты накоротке обсуждают темы докладов и бесед, которые должен провести Николай среди рабочих и служащих Верещагинского железнодорожного узла.

Вскоре мы увидели Николая Михайловича на путях у мощного паровоза «ФД-25-77». На паровозе надпись — «Комсомольский».

Пять лет назад бригада паровоза под руководством старшего машиниста Николая Каменских сделала за сутки 534 километра, а вскоре довела суточный пробег локомотива до рекордной цифры — 767 километров, почти вдвое перекрыв существовавшие нормы.

Так родилось движение пятисотников. На всех дорогах страны машинисты перенимали опыт новатора, учились водить тяжеловесные составы по уплотненным графикам, увеличивали пробеги локомотивов, экономили топливо, перевозили тысячи тонн груза сверх нормы.

В марте 1950 года за освоение и внедрение передовых методов труда на железнодорожном транспорте машинисту паровоза депо Верещагино Николаю Михайловичу Каменских была присуждена Сталинская премия.

Паровоз «ФД-25-77» примечателен еще и тем, что на нем выросла целая плеяда отличных машинистов. Длительное время помощником водителя локомотива здесь был Герман Каменских, ныне один из лучших машинистов депо. Теперь комсомольский паровоз водит Евгений Каменских — самый младший в потомственной семье железнодорожников.

...Нелегок участок от Перми до Болезино, на котором приходится водить поезда Евгению и Герману. Здесь, в преддверии Урала, профиль пути то и дело меняется: крутые затяжные подъемы перемежаются с уклонами и такими сложными кривыми, что, оглянувшись назад, машинист редко видит хвост поезда, насчитывающего иногда до сотни вагонов. Большое искусство требуется, чтобы провести тяжеловесный состав в этих условиях. Но братья всегда успешно справляются с заданием.

...Высокий седоватый человек с орденом Ленина на кителе внимательно выстукивает движущие механизмы паровоза. Это старший в семье Каменских — Алексей. Он и Николай последние два года водили пассажирские поезда. Теперь братья снова переходят на товарные. Алексею возвращают его старый паровоз, на котором он в свое время водил тяжеловесные поезда, достигая высокого среднесуточного пробега.

Уже с детства гордится профессией своих отцов — машинистов-новаторов — молодое поколение Каменских. Сын Владимира Игорь, закончив семилетку, поступил в железнодорожное училище и скоро будет помощником машиниста.

Сыновья Германа Коля и Владик — еще пионеры. Но даже в дни каникул они не утерпят, чтобы не забежать в физический кабинет школы: приятно повозиться с большой моделью паровоза, точной копией машины, которую водит их отец.

...На окраине поселка за последние годы выросло много красивых индивидуальных домиков. Рядом стоят три коттеджа Каменских: Николая, Алексея и Германа. В одно из воскресений выдался особенно погожий денек. Николай вывел из гаража свою «Победу». На «Москвиче» прикатил Евгений. На двух машинах братья вместе с семьями отправились в лес, на живописные берега Лысьвы. Не забыты волейбольная сетка, мяч, удочки...

А. ГРИГОРЬЕВ

В воскресный день.

Фото И. Богданова.

Люблин, 22 июля. На центральной трибуне Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Юзеф Циранкевич, первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Болеслав Берут, Н. А. Булганин, Председатель Государственного Совета ПНР Александр Завадский, маршал Польши Константин Рокоссовский.

Всенародные торжества в Польше

22 июля весь польский народ и его друзья за рубежом праздновали десятилетие Польской Народной Республики. 21 июля Центральным Комитетом Польской объединенной рабочей партии и Советом Министров ПНР в Варшаве в здании Государственного Польского театра было созвано торжественное заседание. В Люблине, городе, который одним из первых был освобожден Советской Армией и частями Войска Польского, состоялись парад и демонстрация трудящихся.

На торжествах в Польше присутствовал член Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, первый заместитель Председателя Совета Министров Союза ССР, маршал Советского Союза тов. Н. А. Булганин.

Делегация крестьян из Келецкого воеводства принимает участие в демонстрации.

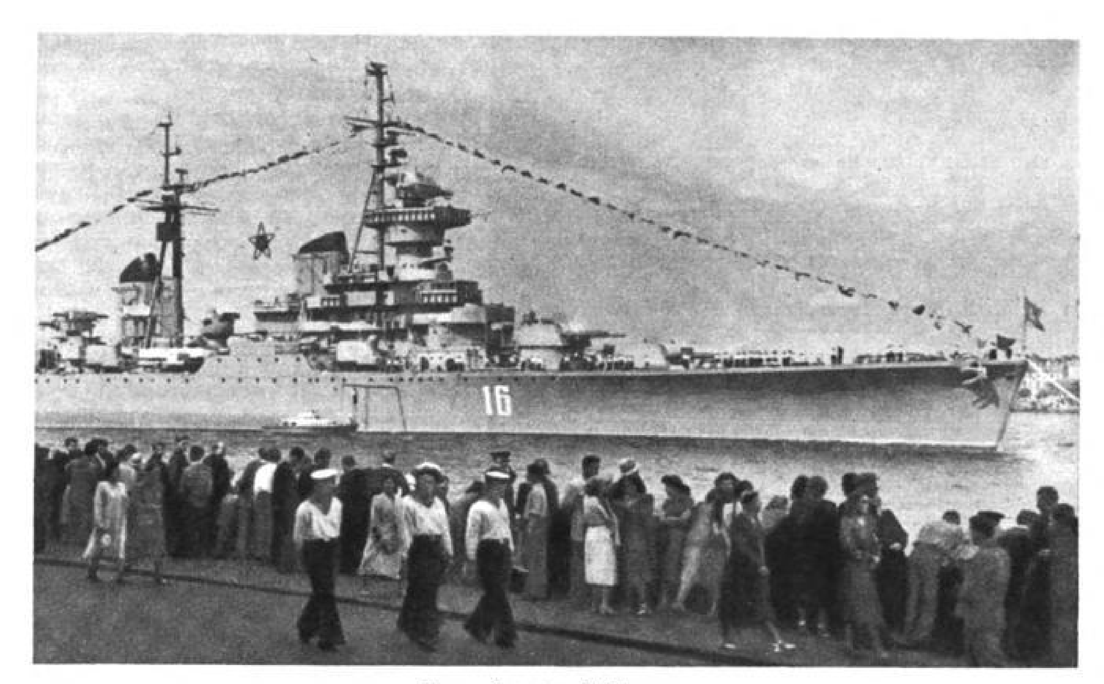

Перед трибуной проходит молодежь Сталиногрудского воеводства (Силезия).

Жители Люблина на сельскохозяйственной выставке, открывшейся около восстановленного Люблинского замка.

Фото польского фотоагентства и В. Славного.

На набережной Невы.

Фото Н. Ананьева.

ПРАЗДНИК НА НЕВЕ

Утром с моря подул ветер, и сквозь поредевшие облака выглянуло солнце. Засверкал позолотой шпиль Адмиралтейства, затрепетали на кружевных решетках мостов повисшие над Невой красные флажки. А посредине широкой реки, между мостами, выстроились крейсеры, эсминцы, подводные лодки...

С башни Петропавловской крепости донесся мелодичный звон часов. Праздник Военно-Морского Флота начался морским парадом кораблей. Белоснежный катер принимающего парад Главнокомандующего Военно-Морскими Силами СССР адмирала флота Н. Г. Кузнецова в сопровождении двух других катеров отходит от набережной и направляется к легендарному крейсеру «Аврора». На Неве гремят орудийные залпы салюта. Катер подходит к крейсеру. Высоко на его мачте виден боевой орден Красного Знамени. А на орудийной башне сверкает медью мемориальная запись, напоминающая о тех днях 1917 года, когда громом своих пушек «Аврора» возвестила миру Великий Октябрь.

Катер идет дальше по Неве, вдоль строя кораблей. Он проходит мимо учебных судов нахимовцев, вдоль крейсеров, эсминцев, бронекатеров... На бортах судов стройными рядами стоят матросы и офицеры. В ответ на приветствие и поздравления Главнокомандующего слышится мощное, раскатистое матросское «ура».

Катер направляется к крейсеру. Поднявшись на борт по парадному трапу, Н. Г. Кузнецов обращается с речью к участникам парада и трудящимся Ленинграда.

...Парад окончен. И сразу же из-под Литейного моста показались выстроившиеся в кильватерные колонны катера. У них на буксирах акваппанисты. Нева запестрела голубыми и розовыми шапочками. Начался большой водноспортивный праздник. Издали не было заметно ни тросов, ни дощечек, на которых стояли матросы. Создавалось впечатление, будто они бегут по воде за катерами. Вслед за этим начались шлюпочные соревнования. Потом пошли академические суда. Оставляя позади себя высокие пенящиеся волны, промчались морские охотники и торпедные катера.

Когда вечером со всех кораблей, стоявших на Невском рейде, прогремел мощный салют и разноцветные ракеты озарили набережные Ленинграда, праздник Дня Военно-Морского Флота был в самом разгаре. На Кировских островах, в Центральном парке культуры и отдыха продолжалось народное гуляние.

К. ЧЕРЕВКОВ

Выставка роз и летних цветов

Выставки цветов стали у нас традиционными. К сожалению, они открыты только несколько дней, так как жизнь срезанных цветов коротка.

Напоенная фантастической смесью запахов, летняя выставка этого года в Москве мало отличается от прежних. Как всегда, трудно оторваться от великолепного стенда Главного ботанического сада Академии наук СССР с нежнейшими розами, изысканными орхидеями, удивительными по окраске душистыми горошками, которые не определить обычными словами «красный», «алый» или «пурпурный». Как всегда, выставили лучшие свои растения юннаты Дома пионеров, заводы, конторы зеленого строительства, комбинаты декоративного садоводства и т. д.

На выставке мало новых разновидностей растений; поражают обилием форм и сочетанием нежнейших оттенков только новые георгины Л. Мироновой, М. Задонской и некоторых других.

Но есть на цветочном параде этого года и нечто новое и значительное. Это стенды домоуправлений, образцы растений озелененных дворов. О том, каких успехов можно добиться в превращении дворов в настоящие места отдыха, легко судить по опыту дома 14/42 по Сущевскому валу. Здесь высажено 363 дерева (среди них много плодовых), 9 200 кустарников и 7 тысяч корней цветов. Показателен также дворовый сад на Малых Кочках, 7.

Самой ранней весной зацветают московские бульвары, площади, парки. После «премьеры» — выступления ранних тюльпанов и нарциссов,— все лето сменяют друг друга прекрасные цветы вплоть до осенних гладиолусов, хризантем, астр...

И. УРАЗОВ

→ Озелененный двор на Сущевском валу, 14/42.

Фото Г. Санько.

Гастроли шведского хора

В Москве и в Ленинграде с успехом прошли выступления шведского народного хора.

Слаженность звучания, хорошая техника (хор поет без сопровождения), своеобразие репертуара привлекли слушателей.

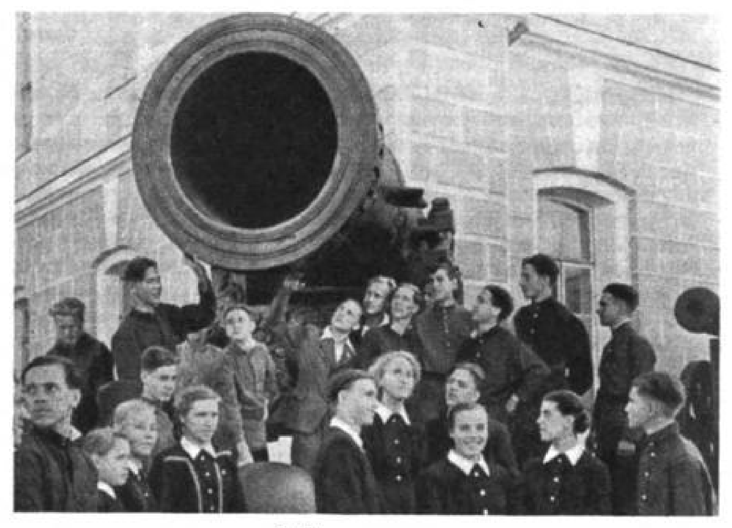
В программе — старинные хоры Орландо Лассо и Томаса Морли, произведения современных композиторов Хуго Альвена, Августа Сёдермана и других, шведские народные песни. Руководитель хора Лилле Брур Седерлунд — дирижер, композитор.

Концерт шведского хора. Выступает солист Эрик Бакман.

Фото В. Капустина (ТАСС).

ВЕЧЕР В КРЕМЛЕ

У Царь-пушки...

Фото Ф. Кислова.

Ярко освещены залы Большого Кремлевского дворца. Звучит музыка, слышатся веселые песни, смех.

Выпускники училищ трудовых резервов Москвы и Московской области празднуют свое вступление в ряды рабочего класса. Позади — годы упорной учебы, волнения последних экзаменов; впереди — трудовая деятельность на заводах и фабриках.

Многие из них впервые в Кремле. Они спешат осмотреть замечательные памятники древнего русского зодчества. То тут, то там можно увидеть юношей и девушек в синих форменных костюмах, внимательно выслушивающих объяснения экскурсоводов. У некоторых в руках блокноты; они спешат записать все виденное, чтобы потом поделиться впечатлениями с друзьями. Грановитая палата, Теремной дворец, Успенский и Благовещенский соборы, Оружейная палата, Царь-пушка и Царь-колокол — все это надолго запомнится им.

С успешным окончанием учебного года поздравил молодых рабочих секретарь МК ВЛКСМ М. И. Халдеев. Лауреат Сталинской премии сталевар московского завода «Серп и молот» В. К. Михайлов и директор Московского автозавода имени Сталина А. Г. Крылов говорили, что на заводах с нетерпением ожидают молодых специалистов.

На трибуну поднимаются выпускники ремесленных училищ.

— Самоотверженным трудом мы ответим на заботу Советского государства и Коммунистической партии о нас! — говорит Виктор Баринов, выпускник ремесленного училища № 6.

Закончился вечер, но не хочется покидать стены Кремлевского дворца. В вестибюле звучит музыка и звонкие голоса поют:

От Москвы до самых
до окраин,
С южных гор до северных
морей...

Н. КУДРЯВЦЕВА

В ОДНОЙ МТС

З. ХИРЕН

Фото А. Новикова.

Напротив усадьбы Шебекинской МТС — небольшой уютный парк, в тени под деревьями — скамейки, несколько беседок, но в парке ни одного человека. Неподалеку катит свои тихие воды река Нежеголь, ее берега тоже пустынны. Народ в поле, на токах, в мастерских. Идут последние приготовления к уборке урожая.

От самого северного колхоза до южного, граничащего с Харьковщиной, более семидесяти километров. Три реки пересекают эти земли. Многие пашни упираются в густые леса, рощи. Всюду, куда мы приезжаем, встречаются люди из машинно-тракторной станции. Тут агрономы, механики, трактористы, комбайнеры. Не только на полях, но и на фермах, на стройках трудятся сельские механизаторы. В павильоне Центрально-черноземной полосы на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке посетители увидят многих из них, узнают, как из года в год этот небольшой уголок нашей Родины оснащается новой, все более мощной сельскохозяйственной техникой, как, умело используя ее, советские люди добиваются высоких урожаев пшеницы, сахарной свеклы, овощей. Шебекинская МТС — участница выставки.

Трактористки Анна Васина и Дарья Коробейникова.

Рассказ об этой МТС можно было бы начать с двух приятельниц, изображенных на нашей фотографии, с повествования о дружбе трактористок Анны Афанасьевны Васиной и Дарьи Федоровны Коробейниковой, дружбы, зародившейся более десяти лет тому назад, должно быть, в такой же знойный день, как сегодня. Только тогда не волновались нивы, не было тихих стежек, по которым гуляют сейчас подруги. Поля поросли бурьяном, были изрыты окопами, траншеями, повсюду зияли глубокие воронки, того и гляди, свалишься. Где-то близко еще ревели орудия, горели «тигры» и «пантеры»: завершалась знаменитая битва на Курской дуге. В незабываемую ту пору две подруги и взялись за рычаги трактора. Первыми вспахали заброшенную землю, первыми засеяли ее. Война продолжалась. А директор Шебекинской МТС Георгий Ильич Шаповалов уже собирал свое трактористское войско. Сделать это было не так просто. Тогда-то на рычаги тракторов, на штурвалы комбайнов и легла женская рука. В тридцатых годах зародилась в Шебекине целая династия механизаторов сельского хозяйства. И вот в трудный час на смену мужьям и братьям пришли женщины, среди них были и знакомые уже нам две подруги.

Может быть, правильнее было бы их сфотографировать, когда, скажем, Анна Афанасьевна поднимается к себе на трактор, а Дарья Федоровна, только что сойдя с него, садится на велосипед. Это, наверное, больше соответствовало бы обычной обстановке, потому что работают они на одном тракторе вдвоем. Велосипед у них общий. И даже в этой, казалось бы, мелочи угадываются особенности их отношений, их согласия и дружбы. Подруги, например, добились, чтобы им платили за работу поровну. Сперва были возражения: зачем поощрять уравниловку? Потом учетчик бригады все проверил, подсчитал, и вышло так, что заработок у подруг действительно большей частью одинаковый. Да и без этого все знали, что работают они добросовестно, не было случая, чтобы они друг другу сдали неисправный трактор или плохо обработанную землю. Когда Анна Афанасьевна поехала в Харьков за новым дизелем, Дарья Федоровна сильно волновалась. «Как там моя Нюра?» — повторяла она десять раз на день. Наконец Васина вернулась. Коробейникова, встретив ее на околице села, расцеловала, и новый трактор на полевой стан повели вдвоем. Когда общее собрание колхозников решило премировать лучшего тракториста, были названы две фамилии. Ничего тут поделать нельзя было — пришлось вместо одного подарка покупать два.

— Где работают Васина и Коробейникова, — сказал нам вечером председатель колхоза имени Сталина Иван Романович Руденко, — туда ни мне, ни директору МТС, ни бригадирам, ни агрономам наведываться нечего: эти трактористки сами с усами, знают, чего ждет от них народ.

Не раз в эти дни слышали мы подобные слова по адресу работников машинно-тракторной станции. В соседнем колхозе имени Андреева нам показали любительский снимок. Зимний пасмурный день. Возле огромной, запорошенной снегом скирды соломы стоит молодой человек в полушубке, ушанке, валенках. Это бригадир тракторной бригады Михаил Матвеевич Скориков. Мы его сразу узнали, хотя сейчас он одет совсем иначе, по-летнему. Обычно в колхозе тратилось много времени на доставку соломы с поля на животноводческие фермы. Чтобы перевезти одну скирду, требовалась чуть ли не сотня подвод. А расстояния достигали пятнадцати — двадцати километров. И вот Скориков при помощи волокуш и тросов стал передвигать скирды целиком. Все они оказались рядом с фермами. Это было вдвойне приятно, к весне поля были свободны. А главное, освободилось много рук для других работ.

Скориков показал нам свой полевой стан. Возле добротного дома посажены были молодые деревья. Бригадир пригласил в столовую, в читальню.

— Как видите, колхозники тоже неплохо о нас заботятся. Откровенно говоря, — сказал он, — страда для нас, трактористов, началась еще зимой, как раз в то время, когда мы скирды перетаскивали. Бывало, прежде уже с первых чисел декабря люди покидали усадьбу МТС и уходили домой. Так уж принято было, что зимой трактористам в колхозе делать нечего. А ведь неправильно, работы на селе оказалось столько, что совестно и подумать, как это прежде мы ею не интересовались. Весной народ увидел, что могут сделать механизаторы. Мы оборудовали новые фермы, устанавливали автопоилки, вывозили в поле навоз, — словом, дела хватало...

Тут же бригадир рассказал нам о том, как, выполняя решения июньского Пленума ЦК КПСС, их машинно-тракторная станция с особенной тщательностью готовилась к нынешней уборке урожая.

Со многим из того, о чем рассказывал Скориков, мы успели до этого познакомиться. Часто, показывая нам новую ферму, новую теплицу, поля кукурузы и картофеля, колхозники повторяли: «Это у нас по образцу Подмосковья», «Это мы позаимствовали на Украине». Дело в том, что в ту же зиму работники МТС и колхозов побывали в передовых хозяйствах и, вернувшись, многое из увиденного осуществили у себя.

Теперь уже многие колхозы Шебекинского района сами принимают экскурсии, делятся с товарищами тем, что еще недавно для них самих было новинкой. Как раз в то время, когда мы здесь были, в Белгороде, на пленуме областного комитета партии, секретарь обкома демонстрировал кукурузу, выращенную в торфоперегнойных горшочках, раннюю капусту,

огурцы, помидоры. Все эти экспонаты были доставлены в Белгород из Шебекина.

...Сегодня с утра на усадьбу МТС въехала новенькая «Победа». Из нее вышли двое: худенькая светловолосая девушка и широкоплечий, немного сгорбившийся мужчина в белом пиджаке, больше похожем на поварскую куртку. То были председатель колхоза имени Ватутина Василий Павлович Ломакин и агроном МТС Екатерина Захаровна Мозговая, работающая у него в колхозе. Колхоз имени Ватутина долгое время был одним из самых отстающих в районе; обслуживала его соседняя МТС. Но чуть ли не каждый год шебекинцам приходилось брать колхоз на буксир. Кончилось дело тем, что решили: колхоз имени Ватутина будет обслуживать Шебекинская МТС.

— Для нас это — общественное поручение: мы должны вытянуть колхоз имени Ватутина, — говорил на партийном собрании директор МТС Георгий Ильич Шаповалов.

Выбрали для этого колхоза самых лучших работников, ветеранов МТС. Коммунист Алексей Матвеевич Таценко работал участковым механиком, его назначили бригадиром тракторной бригады. Петр Илларионович Вдовиченко тоже был участковым механиком, а сейчас поехал комбайнером. Заминка произошла с агрономом. В колхозе прежде работал молодой специалист, но председатель с ним не поладил. В это время агроном сахарного завода Екатерина Захаровна Мозговая подала заявление с просьбой послать ее в колхоз. Директор МТС колебался. Ему хотелось послать более опытного человека. Поначалу Мозговой поручили подготовить торфоперегнойные горшочки. Председатель колхоза, выслушав ее, угрюмо ответил:

— Мне указания не нужны, вы практическую помощь окажите.

— Хорошо, — ответила Мозговая, — требуется помещение, люди, материал.

Помогали ей не очень охотно. Пришлось обойти все село, пока отыскалась подходящая хата. Колхозницы, которых выделили для изготовления горшочков, посмеивались:

— Для чего это?

— Налепим, а потом в яр выкинем!

Работа не останавливалась. Мозговая поручение выполнила. Тогда-то и решено было послать ее в тот же колхоз постоянным агрономом.

Вместе с правлением Екатерина Захаровна разработала план размещения культур, а перед самым севом Ломакин заупрямился и все отменил.

— Как я сказал, так и будет, — заявил он Мозговой, когда та прибежала к нему.

— Нет, — ответила девушка, — будет так, как требует агротехника!

Ломакин и слышать ни о чем не хотел. Пришлось обратиться за помощью в МТС. Приехал главный агроном. Председателя убедили, что он поступил неправильно. Был принят план Екатерины Захаровны. Недавно кто-то шутя спросил у Ломакина:

— А что, если Мозговая уйдет из колхоза?

— Не отпущу, — ответил он.

— А если все же заберут?

— Ни за что не отпущу! — ответил с обычной угрюмостью Ломакин.

И теперь всякий раз, когда Екатерину Захаровну вызывают в область или район, Ломакин ее предупреждает:

— Смотрите, не вздумайте уходить, до обкома дойду, а не отпущу.

...Достав из кармана большой клетчатый платок, Георгий Ильич Шаповалов тщательно вытирает лицо и бритую голову. На этой станции он проработал почти четверть века. Георгию Ильичу скоро исполнится шестьдесят. Только что вернулся он из колхоза. Сейчас почему-то вспомнил, как в прошлом году на курорте доктор, провожая его домой, сказал: «Вам, Георгий Ильич, надо держаться подальше от солнца». «Как это так?» — удивился Шаповалов. «Очень просто, обзаведитесь зонтиком». «Но я ведь директор МТС. Представляете себе: директор с зонтиком!» — весело смеется Шаповалов.

...В это время к нему подходят инженер, агроном, секретарь партийной организации. Начинается деловой разговор: завтра в поле выйдут комбайны...

Начинается деловой разговор... Директор МТС Г. И. Шаповалов, секретарь партийной организации А. Е. Поляков, главный агроном П. В. Исаев, главный инженер Н. Н. Чефранов.

На полевом стане. В центре — М. М. Скориков.

Экспонаты колхоза

...Почтальон Маруся Самохвалова принесла телеграмму: «Начинайте отправку экспонатов».

Первым и самым хлопотным экспонатом оказался бык Руслан, который весил тысячу триста килограммов. Руслану срочно заказали новую амуницию (и не только потому, что направляли его в Москву: бык поправился за год на сто килограммов и не влезал в старую «одежку») и повели по утренней прохладе на станцию. Ну и повозились же с ним на погрузке! Уговоры и понукания не действовали, смельчаки попытались буквально «взять быка за рога», — не тут-то было. Наконец Руслан все же оказался на колесах.

Сопровождать Руслана приехали Петр Павлович Поленов и его сын Дмитрий — они вырастили отличного быка, слух о котором распространился далеко за пределы Воронежской области.

На шестой день прибыли в Москву, на Сельскохозяйственную выставку. Разгрузились, осмотрелись и написали первое письмо землякам в колхоз имени Чапаева. «Наш Руслан, — сообщали Поленовы, — находится в полном благополучии. Температуру ему выверили: нормальная. Место для быка отыскали хорошее. А прозывают его здесь «бык-гора». Сами же живем в номерах, со всеми удобствами, шлем вам приветы и ждем на выставку. Здесь собрано очень сильное богатство со всех концов страны».

...Высокие своды Павильона Центрально-черноземной полосы. Налево от входа, за двумя колоннами из снопов, — стенд колхоза имени Чапаева, Калачеевского района, Воронежской области. Картины, фотографии, цифры рассказывают об успехах полеводов, животноводов, механизаторов. Хозяйство у чапаевцев многоотраслевое, обширное: три тысячи гектаров посевов, две с половиной тысячи голов скота, около восьми тысяч птиц. А потом — сады, пасека, виноградник, полезащитные лесные полосы, девять искусственных прудов, в которых разведены зеркальные карпы. Пруды занимают пятнадцать гектаров — целое колхозное море. И урожаи здесь хорошие: свыше 18 центнеров озимой пшеницы и свыше 20 центнеров озимой ржи с каждого гектара.

Перед стендом на гладких деревянных кружках — снопы пшеницы, ржи, проса. Это экспонаты, выращенные на участке бригадира Василия Иосифовича Портяного. А сам Василий Иосифович смотрит с фотографии, где он запечатлен вместе с бригадиром тракторной бригады Калачеевской МТС Александром Сергеевичем Борисовым: они удостоены почетного права быть персональными участниками выставки.

Недолго осталось ждать дня, когда оба бригадира, закончив жатву, приедут на выставку. А может статься, что уже и закончили, опередив, как обычно, график, и уже сидят в поезде, который с каждой минутой приближает их к Москве...

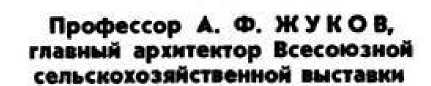
В. РУДИМ

— Вот он, наш Руслан! — похваляется Дмитрий Поленов.
Фото В. Кузьмина.

Интервью «Огонька»

ГОРОД

Профессор А. Ф. ЖУКОВ, главный архитектор Всесоюзной сельскохозяйственной выставки

Всесоюзная выставка — это не только демонстрация достижений сельского хозяйства страны. Это творческий отчет лучших наших архитекторов, художников, скульпторов, прославленных народных мастеров, молодых зодчих, ваятелей, живописцев. Здесь нашли применение разнообразные природные строительные материалы, которыми так богата наша страна, образцы советской строительной промышленности...

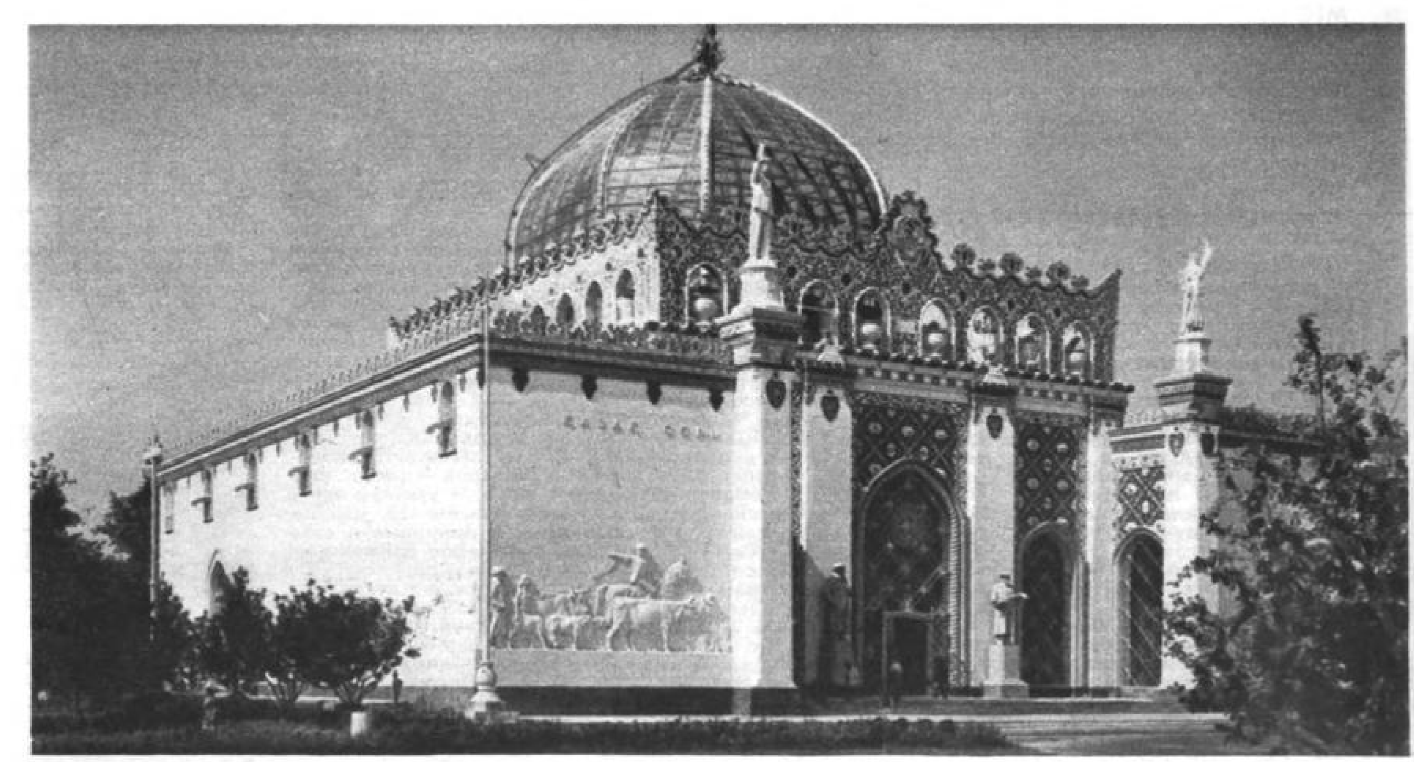
Демонстрация того, что создал советский человек,— наглядный рассказ о людях, которые своим патриотическим трудом умножают славу и богатство Родины, вдохновили и привлекли многих художников. Утвержденный правительством генеральный план строительства сооружений выставки стал основой наших работ. Со всех концов страны поступали к нам предложения, проекты, эскизы, образцы произведений народных мастеров... Множество специалистов участвовало в конкурсах, выбрано лучшее, и теперь о результатах может судить любой посетитель.

Все, что сделано здесь, подчинено одной задаче, одной идее: как можно лучше и полнее показать достижения работников сельского хозяйства, плоды их труда, успехи нашей страны. В павильонах большие светлые залы — в них много воздуха, простора. Все они расположены на одном уровне, и посетителю не приходится утомлять себя лестницами. Внутренняя планировка проста и ясна — никаких лабиринтов, коридоров. Стенды размещены на уровне глаз, экспонаты расположены свободно; фотографии, панорамы, цифры, пояснительные тексты — все дано в пропорциях, наглядных и удобных для обозрения. Образ архитектурного ансамбля — планировка, место здания в ансамбле, сочетание его с пейзажем, соотношение масштабов, убранство — все продиктовано назначением и содержанием выставки и каждого ее сооружения в отдельности. Авторы проектов — архитекторы Ю. Щуко, Г. Захаров, Р. Кликс, С. Полупанов, А. Таций, Ф. Рехмуков и другие.

Чтобы наглядно представить себе весь ансамбль, обратимся сначала к макету.

У макета выставки А. Ф. Жуков (справа) и архитектор Р. Р. Кликс.

Вот главная композиционная архитектурно-планировочная ось. Она начинается от центрального входа у Ярославского шоссе и заканчивается у прудов. Два величественных здания — Главный павильон и Павильон механизации и электрификации сельского хозяйства,— воздвигнутые в начале и в конце магистрали, организуют пространственное решение всего ансамбля. Здесь на площади в 61 гектар находится центральный раздел выставки — 35 самых крупных и значительных сооружений: павильоны союзных республик, ведущих краев и областей, автономных республик РСФСР. Место каждого павильона, его габариты

Павильон Казахской ССР.

Водяная феерия

Тысячи струй — тонких, как игла, и толщиной в лебединую шею — режут воздух и со звоном падают в бассейны. На аллее, ведущей к Главному павильону ВСХВ, из воды устроена целая колоннада: 14 фонтанов — по 7 с каждой стороны — бьют вверх на четырехметровую высоту.

Перед Главным павильоном расположен фонтан «Дружба народов». В центре на высокий ступенчатый постамент поднят громадный сноп. Вокруг него стоят 16 — по числу союзных республик — скульптурных женских фигур. Этот фонтан имеет 800 струй.

А чуть дальше, перед павильоном Украины, играет красками фантастический «Каменный цветок». Он сделан из смальты — цветного стекла. Это самый мощный фонтан выставки. Он состоит из тысячи струй, бьющих на разную высоту и образующих несколько уступов. Каждую секунду в воздух выбрасывается 2 тысячи литров воды. В час это составляет 7 200 тонн.

Посредине одного из прудов над водой поднимается золотой спелый колос пшеницы. И, словно усы на настоящем пшеничном колосе, колеблются на ветру тонкие водяные струи. Их шестьдесят восемь. Фонтан так и называется — «Колос».

Кроме больших, есть на выставке еще много маленьких фонтанов и каскадов.

О грандиозности водометных сооружений говорят хотя бы такие цифры: общая мощность электромоторов, обслуживающих фонтаны, составляет 2 100 киловатт. Каждый час фонтаны выбрасывают вверх 25 тысяч тонн воды. Такое количество воды потребляет в сутки современный город со 125-тысячным населением.

Сказочно красива водяная феерия вечером, когда включаются прожекторы и оживлая вода начинает играть семи цветами радуги.

О. МИХАЙЛОВ

ДВОРЦОВ

решаются во взаимосвязи с другими, не только примыкающими к нему или стоящими напротив, но и с дальними сооружениями, архитектурные детали которых просматриваются в просветы портиков, арок. Зеленый массив, словно багет, обрамляет каждое здание и все вместе.

Вот Павильон механизации и электрификации сельского хозяйства. Его значение определило и масштаб, архитектурный облик, положение в генеральном плане. Он замыкает перспективу, открывающуюся у главного входа. Передний план этого павильона решен в форме эллинга. Фасад с застекленной аркой 23-метровой высоты обрамлен башнями-устоями. Объем здания — 318 тысяч кубических метров. Площадь залов — 18 тысяч квадратных метров. Для того чтобы осмотреть экспозицию, надо пройти более 4 километров. Заканчивается павильон огромным залом, увенчанным мощным куполом высотою в 60 метров и диаметром — 45. Стальной каркас, держащий всю эту огромную массу стекла, кажется невесомым — настолько точно рассчитаны его сечения, габариты. Сдержан, деловит тон архитектуры, воплощенной в гранит, стекло, сталь.

От этого павильона главная архитектурная ось веером расходится в различные уголки выставки. Центральный луч идет к прудам, за которыми простирается зона отдыха: здесь ресторан, кафе, торговые павильоны, зеленый театр на 3,5 тысячи зрителей, кинотеатры, эстрады, беседки.

Белое кольцо — троллейбусный путь — опоясывает большую часть выставки. Его протяженность — 6 километров. Тоненькие змейки, испещряющие макет,— это асфальтированные дороги. Их пересекают, бегут рядом, разветвляясь, другие дорожки, аллеи, тропинки...

А между ними большие и маленькие фигурки затейливой формы, словно плод богатой фантазии искусного мастера-костереза. 307 беленьких фигурок — это 307 павильонов и различных сооружений; общий объем их — свыше 2 миллионов кубических метров.

А теперь пройдем по выставке, познакомимся с результатами долгих раздумий у этого макета. Как в ответственнейшем шахматном матче, сидели мы, архитекторы, скульпторы, художники, за этим столом часами, а то и сутками, обсуждая, куда лучше всего поставить ту или иную «фигуру», определяя всевозможные комбинации, позиции...

Триумфальные ворота. Предвыставочная площадь. Здесь возникает первое знакомство с выставкой. Это определило облик и размер главного входа — грандиозной арки-пропилеи высотой в 24 метра, на аттике которой установлена большая скульптурная группа: колхозница и тракторист с поднятым вверх снопом. Эта эмблема выставки видна издалека.

Золотая звезда Героя Социалистического Труда и снопы пшеницы, как символ богатства и плодородия, венчают шпиль Главного павильона, который открывает ансамбль. Павильон отличается от других величиной (его объем — 120 кубических метров, площадь залов — 4 500 квадратных метров, высота со шпилем — 97 метров). Уступчатая трехъярусная композиция выполнена в лучших традициях русской архитектуры. Над тремя прямоугольными ярусами возвышается 35-метровый позолоченный шпиль. Сооружение это решено лаконично и в то же время величественно; в нем отражены мощь страны социализма, пафос героического труда.

В павильоне — простые, монументальные интерьеры. Строгой затененной лоджией, широкими маршами лестниц выходит он на площадь Колхозов.

Радостное, праздничное впечатление оставляет это яркое, многоцветное поле. Струи фонтанов, словно пущенный чьей-то рукой гигантский серпантин, взвиваются над цветочными партерами, словно выложенными яркой мозаикой. Деревья, совершившие порой сложные и длинные переезды, дополняют национальный колорит павильона республики, соревнуясь своими кронами с ажурными шапками светильников. Все это вместе с развевающимися на ветру алыми стягами создает впечатление гигантского красочного панно, в глубине которого в окружении каштанов, тополей и роз возвышается Павильон Украинской республики.

Автор этого проекта стремился в архитектуре здания отобразить хлебные богатства Украины, высокую ее техническую базу, показать национальные особенности культуры.

Место, которое занимает здание,— одно из важнейших на выставке. Оно как бы закрепляет композиционную ось площади Колхозов, на которой расположились павильоны многих республик.

В углублениях керамических стен размещены золотистые колосья. Перед фасадом — две колонны с украинским орнаментом, выполненным из смальты. Монументальные скульптурные группы передовиков фабрик, заводов и полей образно раскрывают союз рабочего класса и крестьянства. Над входом в павильон возвышается арка изобилия, символизируя гостеприимство и богатство украинского народа.

Мы выходим из здания, и вновь открывается перед нами площадь Колхозов, окруженная павильонами республик. Здесь цветистая майолика мастеров Узбекистана и Казахстана, керамика Белоруссии и Украины, резные деревянные скульптуры карельских умельцев — все это, проступая в белых массивах зданий, делает ансамбль особенно парадным. Сверкает золотом и майоликой дворец Казахской республики. В нарядном, богато декорированном Павильоне Узбекистана умело воплощены традиции национального зодчества. На крыльях фасада размещены панно: Большой Ферганский канал и ГЭС на реке

Павильон Грузинской ССР.

Фрагмент фасада Павильона механизации и электрификации сельского хозяйства. →

Вводный зал Павильона юннатов.

Чирчик. Каскады падающей воды переходят в искусственные водоемы. Хлопок мы видим в капителях и базах колонн, в орнаменте, на карнизах и стендах. Хлопку посвящен весь центральный зал экспозиции. Одна из стен решена сплошным орнаментом. Легкий лепной узор хлопка со вставленными в него цветами из стекла создает впечатление прозрачности, ажурности. Меж белых колонн — узкие простенки, заполненные натуральным хлопком. Все это делает зал особенно праздничным, светлым, привлекательным.

Рядом — павильон Карело-Финской республики.

Издавна славится в республике деревня Гамсельга — заповедник древнего народного зодчества. Дома там с деревянными фронтонами, покрытыми богатой резьбой. Вот оттуда и взят прототип павильона. Смотришь на него и словно читаешь с любовью написанную книгу о республике... Карелия — страна озер, и легкие чайки на фронтоне напоминают вам об этом; Карелия — страна лесов, и стройные елки подтверждают это, а за ними деревянный барельеф-панно рассказывает о хозяйстве республики.

Могучий фронтон покоится на шести колоннах красного гранита, увенчанных бронзовыми капителями. Массивные дубовые двери портала крупного, глубокого рисунка. Все здесь основано на народном творчестве республики. И символом слияния народного и профессионального искусства высится огромная скульптура старого певца «Калевалы» (работа С. Т. Коненкова).

В павильоне Дальнего Востока автор стремился, чтобы его высокие прочные зубчатые стены напоминали стены крепости, символизировали силу и несокрушимость рубежей нашей страны. Зубчатая стена декорирована золотистыми колосьями. Такая деталь должна раскрыть особый характер нашей границы, где советские воины оберегают мирный и радостный труд народа.

Павильон Земледелия. В его интерьерах красочно и образно выполнены каждая диаграмма, каждый экспонат. Живопись сливается с архитектурой и дополняет ее. Во вводном зале, в глубине стены — озвученная дикторским текстом диорама, в которой одна сцена сменяется другой.

Открывается занавес. Бесконечные просторы полей. На горизонте серебристая лента Волги. Небольшой отрезок земли вспахивает на тощей лошаденке крестьянин. Видны бедные, покосившиеся избы, колоколенка.

Вторая картина: современная колхозная деревня с прочными и красивыми постройками, с первоклассной техникой на полях. Сооружения Волго-Донского канала изменили пейзаж. Там, где были ковыльные луга, теперь необъятные поля пшеницы.

И, наконец, третья картина. Посетители заглядывают в недалекое будущее колхозной деревни. Разрослись усадьбы. Фруктовые сады раскинулись на больших пространствах. На полях работают электромашины. Так, средствами искусства художественно убедительно рассказана история обычной русской деревни и показан ее завтрашний день.

Экспозиция — основное в павильоне, и именно она должна диктовать решение и внешних архитектурных форм и интерьеров. Эта мысль положена и в основу павильона «Ленинград и Северо-Западные области». Внутреннее оформление его осуществлено так, что посетитель, входя в залы Коми АССР, областей Ленинградской, Вологодской, Архангельской, Калининградской, Мурманской, узнает их и без надписей.

Архитекторы и оформители зала Ленинградской области использовали наследие зодчих эпохи расцвета русской архитектуры. Новгородские фрески, искусное плетение вологодских кружевниц, резьба по кости и дереву народов Севера — все это нашло применение в оформлении.

РСФСР представлена на выставке двенадцатью зональными павильонами. Исторические и культурно-бытовые особенности, характер сельскохозяйственного производства в каждой из зон ярко отображены в художественно обобщенных архитектурных образах. Сдержанна и в то же время богата архитектура Главного павильона Российской Федерации. Красивый входной портик, нарядно убранный вестибюль-лоджия... Первый зал, посвященный теме «Народы России построили социализм», рассказывает о Российской Федерации в целом. Окружающие его залы говорят о выдающихся достижениях РСФСР в сельском хозяйстве, промышленности, науке и культуре.

Павильоны «Ленинград», «Животноводство», «Земледелие». Эти наименования известны нам по выставке 1939 года. Но тогда выставка была временной и сооружения рассчитаны были на один сезон. Сейчас, когда выставка создана как постоянная, все сооружения монументальны по своим архитектурным формам, капитальны по материалу и конструкциям, теплофицированы. Большая часть зданий подверглась коренной реконструкции. Но наиболее ценное из того, что было на старой выставке, сохранилось. Это Армянский, Азербайджанский, Грузинский павильоны.

Легкие пропорции, стройные портики грузинского павильона запомнились посетителям с предыдущей выставки. Но за эти 15 лет изменилась природа вокруг. Возле грузинского павильона «выросла» бамбуковая роща, недавно завезенная, а перед его фасадом разрослась колоссальная финиковая пальма — самая большая пальма в Советском Союзе. В 1939 году она стояла здесь, еще никого не поражая своими габаритами. За пальмой, как и за лимонными и мандариновыми деревьями, заботливо ухаживали все эти годы в оранжерее павильона. И вот сейчас огромные языки листьев пальмы удачно дополняют архитектуру.

Все здесь напоминает о Грузинской республике: круглые ступенчатые дарбазские своды боковых галерей; белые орнаментальные плиты с вставленными в них зеркалами, составляющие стену фасада; маленькие балкончики — элементы старинного грузинского зодчества; высокие, как стебли бамбука, белые колонны дворика...

Неподалеку от Павильона Грузии площадь расширяется. На ней — три павильона прибалтийских республик, образующих единую группу. Их архитектура лаконична, убранство сдержанно. В то же время каждый из трех павильонов индивидуален и ярок.

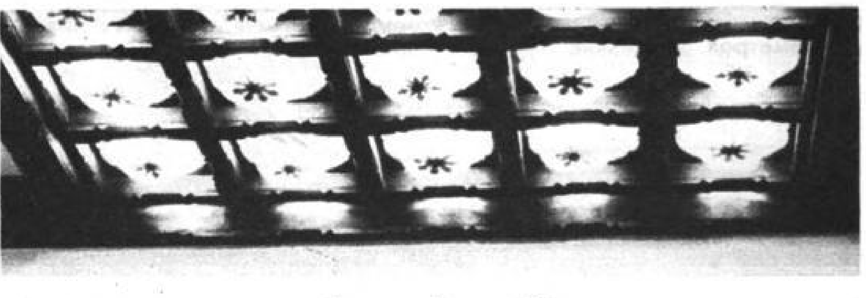
Холодноватый мрамор колонн портика эстонского павильона гармонично сочетается с блеском майоликового ковра, украшающего стену входного портала. Лирична и приветлива архитектура литовского павильона — об этом говорит и внешний и внутренний облик здания. На матовофисташковой стене интерьера расположены по верхнему ярусу барельефы из сверкающей майолики.

Красочный, веселый портик Павильона Латвии. В оконных проемах витражи, созданные рижским художественно-производственным комбинатом «Максла». Художники и народные мастера сделали эти композиции на стекле настолько искусно, что сразу же получили другой заказ — витражи входного портала украинского павильона на тему воссоединения Украины с Россией.

Любой художник, работающий на выставке, на своем опыте познал, что это большая школа и для зрелых специалистов, а молодых она учит мастерству. Немало достойных произведений архитектуры, скульптуры, живописи создала здесь молодежь.

Павильон, предоставленный юным участникам выставки — юннатам,— проектировали самые молодые архитекторы — аспиранты Московского института архитектуры. Солнечный свет, проникая через купол, застекленные фонари и большие окна, заливает залы, золотится лучами на экспонатах, созданных юннатами. Их павильон — это как бы во много раз уменьшенная сельскохозяйственная выставка: здесь залы растениеводства, техники, животноводства, оранжереи...

Сказочный город дворцов и рощ как своеобразный район вливается в общий ансамбль Москвы, убедительно и ярко показывая экономический и культурный подъем Страны Советов.

Майолика в Павильоне Литовской ССР.
Фото Е. Умнова и С. Фридлянда.

Высоко в голубое поднебесье вознеслась золотая звезда над трехъярусным зданием Главного павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. К нему ведет аллея фонтанов.

Над колоннами главного входа установлена бронзовая скульптурная группа — фигуры колхозницы и тракториста — эмблема выставки. Гордо поднят над головой сноп с тяжелыми колосьями пшеницы.

Живописна панорама ↓ площади Колхозов на выставке. Особенно нарядной эта площадь выглядит вечером, когда огни сверкают на высоких столбах, а спрятанные в зелени прожектора заливают павильоны ярким разноцветным пламенем.

В тихой воде круглого бассейна отразились массивные колонны, розовые стены и стеклянные проемы окон Павильона животноводства.

Высокое квадратное здание занимает павильон Водного хозяйства. Здесь показано, как передовые колхозы осваивают земли, орошаемые водами прудов, озер, больших и малых рек.

Прекрасен увенчанный круглой резной башенкой павильон Украины, выполненный по мотивам национального зодчества. Здесь демонстрируют свои у
прославленные мастера высоких урожаев, новаторы животноводства. Справа — фрагмент этого павильона.

Окруженное зеленью, возвышается грандиозное здание павильона Механизации и электриф

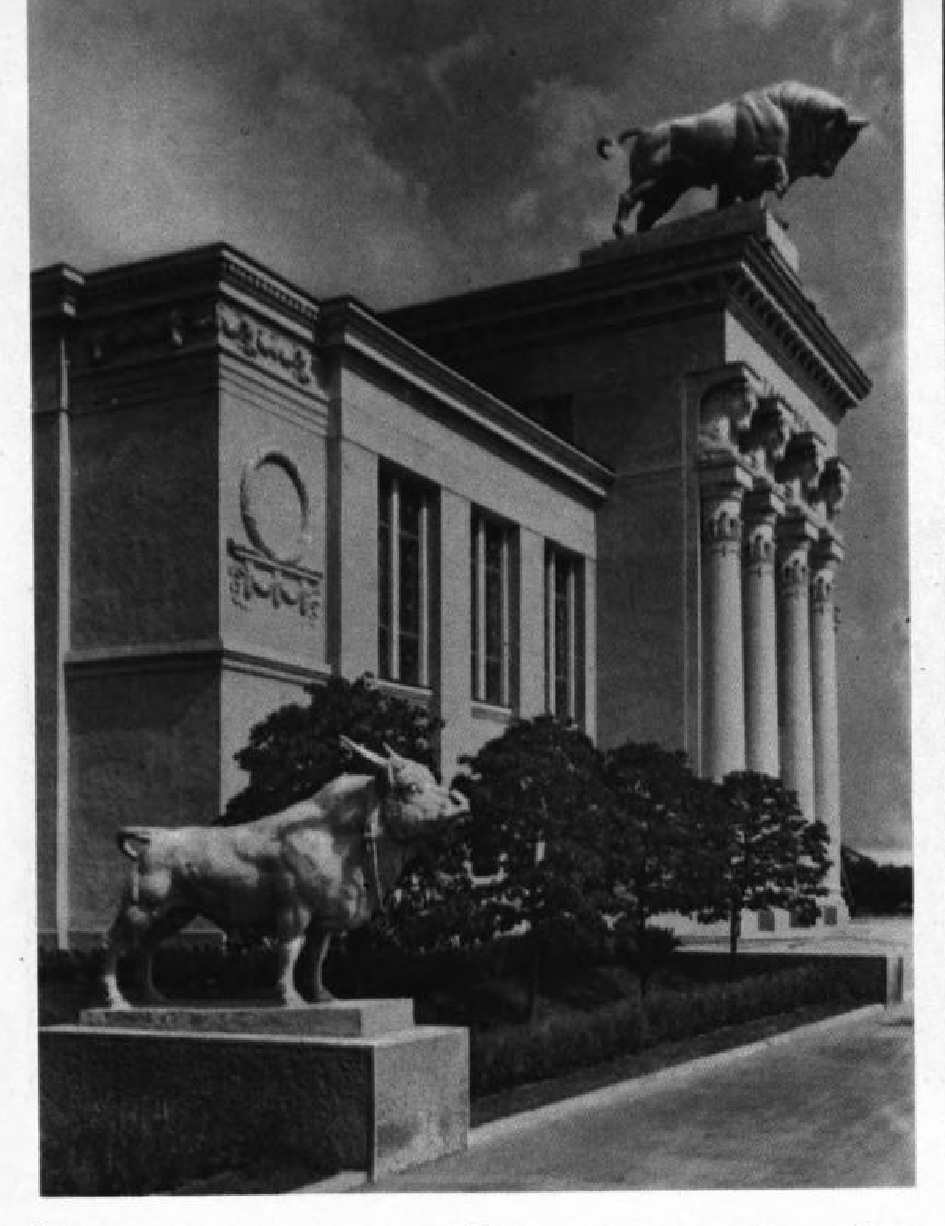

спехи и достижения

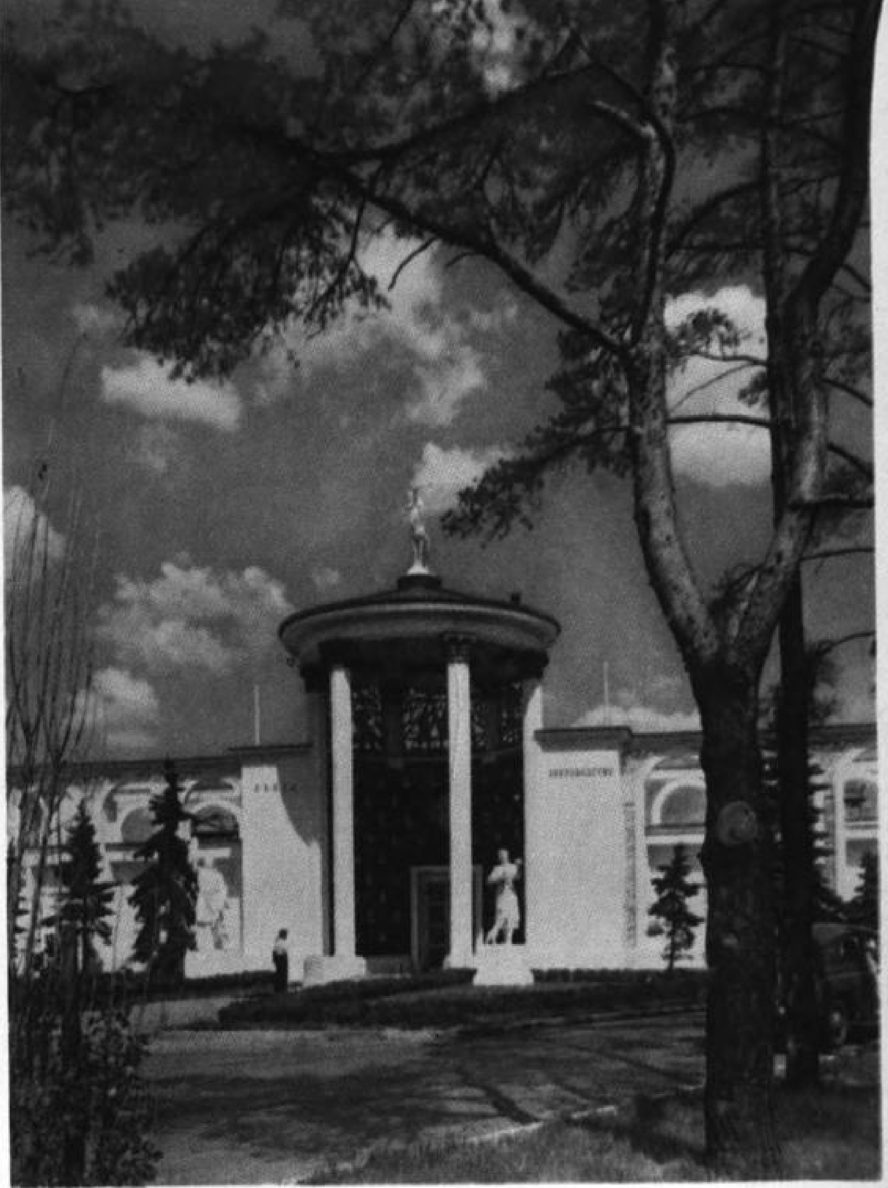

Сквозная колоннада украшает павильон Белоруссии, расположенный на площади Колхозов.

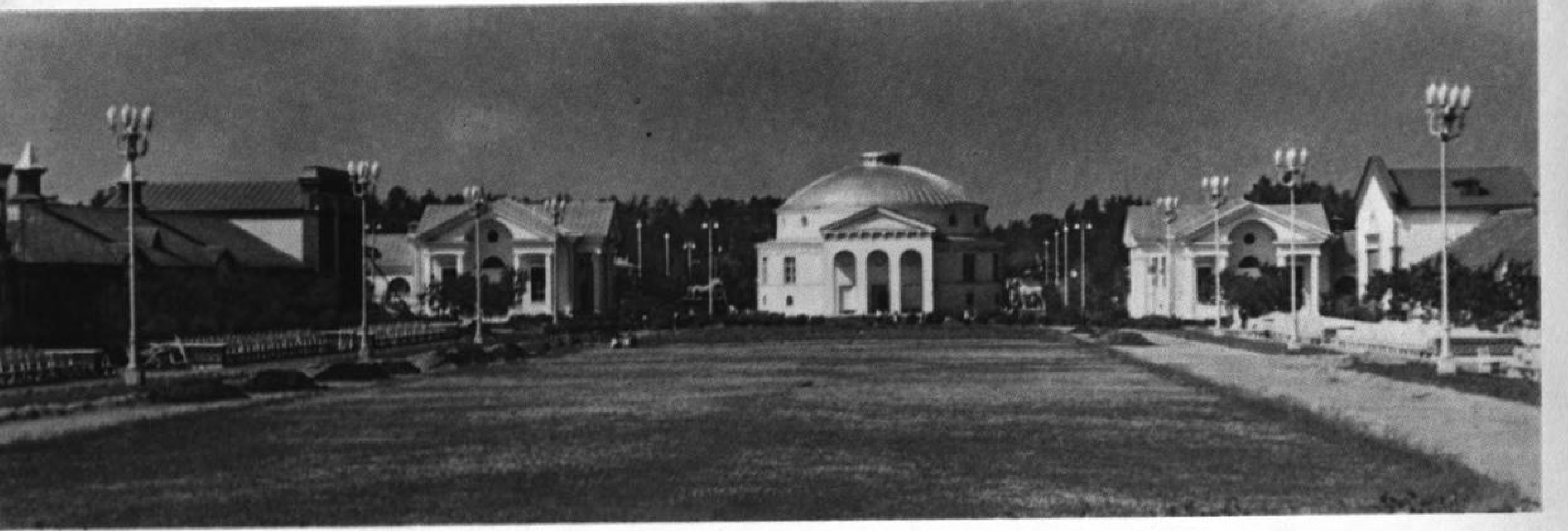
икации сельского хозяйства. В его светлых залах просторно даже самым большим машинам.

Над зданием торгового павильона Главмяса установлена фигура быка. Таких могучих быков можно увидеть на фермах выставки.

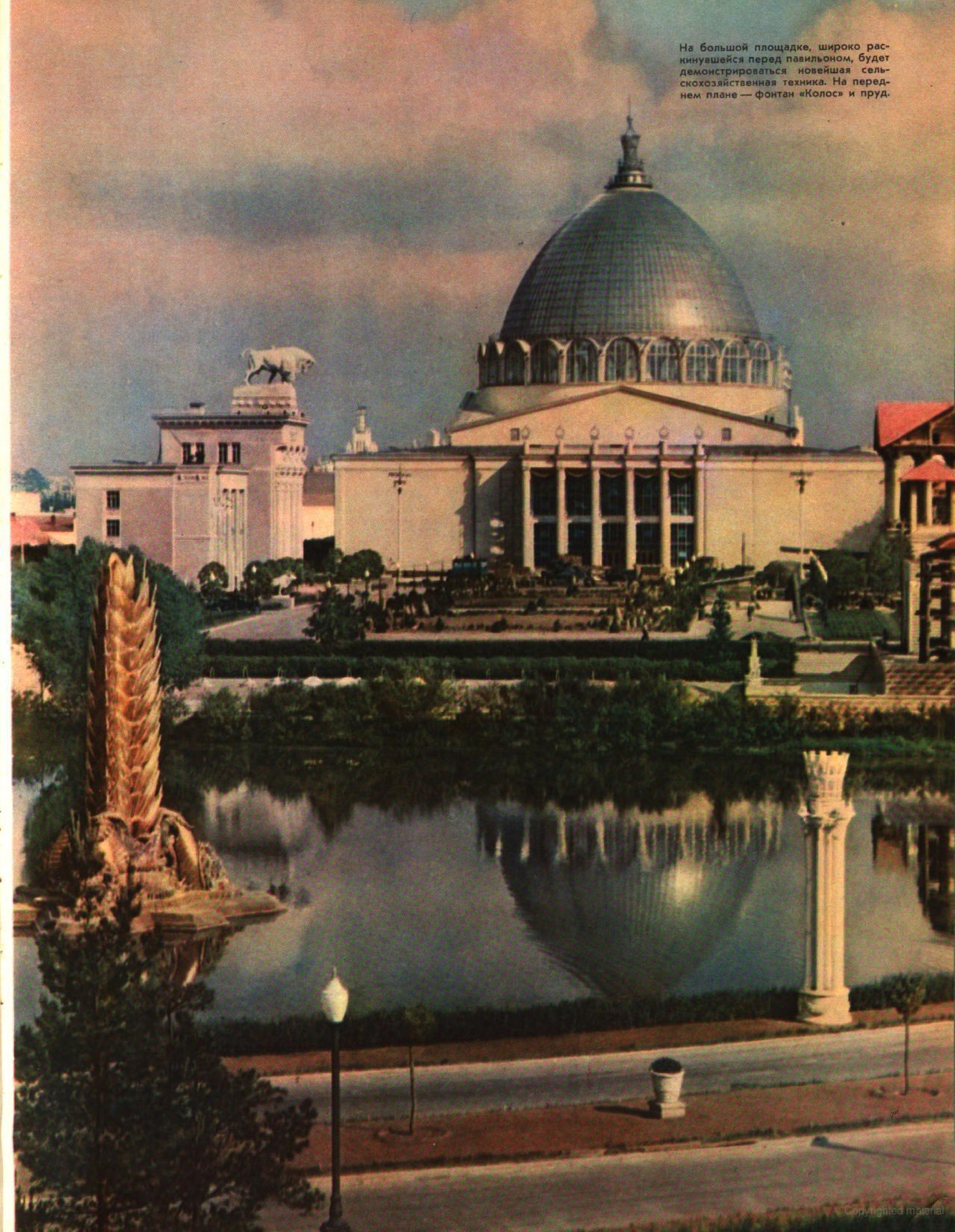
Посетители павильона Охоты и звероводства познакомятся с теми переменами, которые произошли в наших лесах, где появились невиданные ранее звери, переселенные сюда человеком. В павильоне представлены колхозные зверофермы чернобурых, черносеребристых и платиновых лис.

В манеже и на выводном кругу посетители выставки увидят колхозных тяжеловозов и рысаков.

Экскурсанты с интересом осмотрят образцовые постройки животноводческой фермы и ее обитателей.

На большой площадке, широко раскинувшейся перед павильоном, будет демонстрироваться новейшая сельскохозяйственная техника. На переднем плане — фонтан «Колос» и пруд.

В павильоне «Сибирь» открывается великолепная картина богатств этого края, знаменитого пшеницей, тучным скотом, могучими реками.

Фото С. ФРИДЛЯНДА, Е. УМНОВА, И. ГАНЮШКИНА.

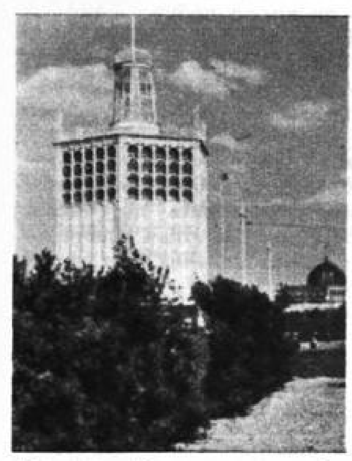
Торговый павильон Главтабака привлекает внимание своей красочностью и нарядностью.

«Служба урожая»

На зеленой лужайке под палящим солнцем ртуть в градуснике поднялась выше 30°. А какова сейчас температура почвы?

Нагибаясь к земле, экскурсовод-метеоролог поднимает торчащие из травы почвенно-вытяжные термометры. На глубине в 40 сантиметров ртуть стоит на делении 21,8, на глубине 3 метра 20 сантиметров еще ниже — там всего 7,7 градуса тепла.

Листва на кустарниках не шелохнется, раскаленный воздух кажется абсолютно неподвижным. Но поднимем голову вверх — и мы увидим, как на вершине стальной мачты быстро вращаются металлические полушария, как

Павильон Гидрометеослужбы на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

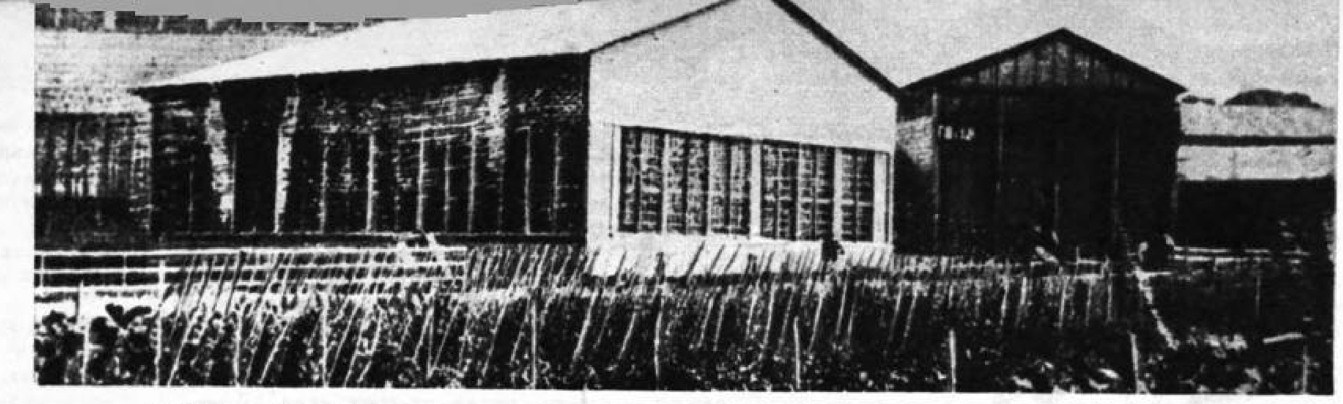
то в одну, то в другую сторону поворачивается флюгер. Там на высоте все время движутся воздушные потоки.

Разнообразные приборы, установленные на площадке, регистрируют всё, что происходит в воздухе, на земле, в глубине почвы. Солнечная радиация, температура и влажность воздуха, выпадение осадков, скорость и направление ветра, испарение с поверхности почвы и растениями и промерзание почвы тотчас отражаются на лентах самописцев и в журналах наблюдателей. На демонстрационной площадке Павильона «Гидрометеослужба» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки представлено всевозможное научное оборудование, применяемое метеорологами и гидрологами в нашей стране. Все эти приборы созданы советскими конструкторами, построены на отечественных заводах.

В просторном, увенчанном высокой башней павильоне на стендах собран обширный материал. Вот большая красочная карта, показывающая, сколь разнообразен климат нашей Родины. Плакаты и схемы, макеты и диорамы рассказывают о службе погоды в сельском хозяйстве в различных районах страны. На отгонном животноводстве в степях Казахстана, на хлопковых полях Ферганы, на чайных плантациях Грузии — всюду работают ученые, помогая своими наблюдениями и прогнозами труженикам колхозной деревни.

Глубокую патриотическую гордость внушают экспонаты, показывающие приоритет русской и советской сельскохозяйственной метеорологии. Посетители знакомятся с трудами А. И. Воейкова и П. И. Броунова, с изданным в апреле 1921 года ленинским декретом, согласно которому при Опытном отделе Наркомзема РСФСР была создана метеорологическая часть — «Служба урожая». В десятки и сотни раз возросла с той поры сеть научных учреждений, составляющих эту «службу урожая».

С. МЕСЯЦЕВ

Павильон животноводства и птицеводства выставки 1923 года выглядел более чем скромно.

ТРИ ВЫСТАВКИ

1923... 1939... 1954... Три всесоюзные сельскохозяйственные выставки — три вехи в жизни Советской страны. Стоит вспомнить о первых двух — это поможет нагляднее представить и пройденный путь и значение выставки этого года.

* * *

Август 1923 года. На месте, где теперь раскинулся Центральный парк культуры и отдыха имени А. М. Горького, открылась Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка.

Молодому Советскому государству шел тогда шестой год. Оно только что приступило к восстановлению разоренного народного хозяйства. Надо было показать состояние сельского хозяйства и подсказать путь к социалистической перестройке деревни.

Эмблемой выставки был «Сеятель» — скульптурная фигура крестьянина, могучей рукой разбрасывавшего зерно.

Крестьянин был редкостью среди экспонентов всех прежних выставок, даже самой крупной Всероссийской выставки, устроенной в 1913 году в Киеве. На новую выставку — советскую — он пришел как главный участник, как хозяин. Крестьяне приехали сюда со всех концов огромной страны: не только из ее центральных районов, но и из Средней Азии, из Закавказья, с Урала, из Забайкалья, из Якутии. Это была первая массовая выставка.

Без прикрас показывала она состояние сельского хозяйства. Посетитель воочию видел, насколько ограничены возможности крестьянина-единоличника. Экспонаты рассказывали о низкой урожайности, сокращении посевных площадей, засоренности полей, о чересполосице, мучившей земледельцев.

Широкие перспективы раскрывали первые производственные крестьянские объединения. Их насчитывалось немного, они еще терялись в море мелких единоличных хозяйств, но самым фактом существования своего, первыми успехами они утверждали новые формы земледельческого труда.

Слово «колхоз» тогда еще не было произнесено — оно вошло в наш быт несколько лет спустя.

Никто не знал тогда и слова «МТС» — оно родилось лишь через шесть лет. Но мысль о машинной технике как рычаге переустройства деревни и в то время крепко владела умами крестьян, хотя о сложных машинах они знали только понаслышке.

* * *

Прошло более пятнадцати лет. Наступил 1939 год. В московское небо высоко поднялась башня, увенчанная скульптурным изображением тракториста и колхозницы, держащих над головой тучный сноп пшеницы. Скульптурная группа эта была эмблемой новой выставки, которая стала всенародным смотром побед социалистического земледелия. Фигуры тракториста и колхозницы напоминали, что в стране произошли гигантские преобразования, что народ, создав могучую индустрию, технически перевооружил сельское хозяйство, что колхозный строй покончил с нищетой и раздвинул горизонты деревенской жизни.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка демонстрировала силу победившего колхозного строя, преимущества самого крупного и самого передового в мире сельского хозяйства.

Не было до этого выставок с таким большим числом участников: около 156 тысяч передовиков сельского хозяйства заслужили почетное право быть ее экспонентами. Миллионы колхозников и колхозниц, механизаторов и работников совхозов соревновались за это право.

В нашей стране тогда было шесть с половиной тысяч машинно-тракторных станций. Почти все крестьянство нашей страны уже объединилось в колхозы — их насчитывалось 240 тысяч. Число совхозов достигло почти четырех тысяч. На полях работало более полумиллиона мощных тракторов, 165 тысяч комбайнов, свыше 200 тысяч грузовых автомобилей.

Посетителя поражал размах выставки. По общему объему своих сооружений — 900 тысяч кубических метров — она в восемнадцать раз превосходила выставку 1923 года.

На конвейерах и площадках одного только Павильона механизации демонстрировалось больше 330 марок машин отечественного производства, в том числе 73 новые машины.

* * *

И вот открывается Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 года. Она расположена там же, где была выставка 1939—1940 годов.

Но сейчас здесь все выглядит по-иному: больше размер территории, больше сооружений и экспонатов. Построено 76 павильонов, 231 здание. Она лучше оборудована и украшена. Но не в этом главное ее отличие от своих предшественниц.

Нынешняя выставка отражает новую, неизмеримо более высокую ступень, на которую в послевоенные годы поднялась страна. Выставка убедительно свидетельствует о том, что борьба за крутой подъем сельского хозяйства стала поистине всенародным делом.

А. ШТЫЛЬКО

Павильон механизации выставки 1939 года. ↓

СТЕПЬ

Рассказ

Виталий **ВАСИЛЕВСКИЙ**

Рисунки О. Верейского.

Илья Ильич Звонцов, кандидат филологических наук, после смерти жены затосковал.

Осенью, когда начался учебный год, Илья Ильич случайно узнал, что в Марковском учительском институте открылась вакансия профессора кафедры языка и литературы.

В окрестностях Маркова прошло детство Ильи Ильича.

«Поеду», — решил он.

В министерстве и обрадовались, что учебная программа в глубинном, расположенном в ста двадцати километрах от железной дороги институте будет выполнена, и удивились, что Илья Ильич с легким сердцем покидает столицу.

И в конце студеного, бесснежного октября он, отправив книги малой скоростью, сопровождаемый холодным, но искренним напутствием сына и пылкими, но неискренними сожалениями невестки, выехал в Марково.

Минут за пять до отхода поезда на вокзал пришел профессор Казанский, давний приятель Ильи Ильича, ехидный, злой старик, и, прикоснувшись бородой к бороде Звонцова, заворчал:

— Зря надумал, Илья! Впрочем, может, ты прав. Нельзя всю жизнь ездить троллейбусом номер пять. Пора изменить маршрут... Пиши!

Соседи по купе, уральские инженеры, всю дорогу с непонятным Илье Ильичу упоением играли в преферанс, а он, подперев кулаками вялые белые щеки, щеки горожанина-книголюба, которому сумрак библиотеки милее, чем солнечный летний полдень, смотрел в окно.

Неуютная стояла пора! На деревьях не осталось листьев, кора от непереставаемых дождей потускнела, почернела, и казалось Илье Ильичу, что березы и липы нетерпеливо дожидались снегопада, чтобы принарядиться.

Пятидесятитрехлетнему, с установившимися привычками, свыкнувшемуся с размеренной жизнью человеку нелегко провести трое суток в вагоне: то от окна пахнет холодом, то загремят в коридоре чьи-то тяжелые шаги, то сосед среди ночи закурит...

Вытянувшись, упираясь ногами в тонкую стенку, закинув руки за голову, он долгими ночами смотрел на темный потолок, по которому изредка проносились отблески станционных фонарей.

В эти ночи Илья Ильич вспоминал жену, и злые слезы утяжеляли его ресницы.

Странное дело — он видел сейчас жену не такой, какой она была перед кончиной, а в сиянии золотистых волос, смеющуюся, и благодарил ее за то, что она принесла ему не только семейное счастье, а безраздельно свою судьбу, всю себя.

А потом наплывали, как зарницы станционных фонарей, воспоминания о большеголовом мальчугане, жившем сорок пять лет назад около села Марково. Теперь Илья Ильич не узнавал в нем себя, точно мальчик был не он сам, а кто-то другой.

Но течение его жизни было известно Звонцову. Он помнил, как мальчик окончил начальную школу, как отец, фельдшер, забеспокоился: пора отправлять единственного сына в город, в реальное, а расставаться с ним боязно.

И старик перевелся в уездный город Б.

В то время семьи переезжали не так, как сейчас, не налегке. Везли с собою и шкафы, и бочки с соленьями, и муку — «бог весть какие цены в городе!», — и тюфяки, и кадушки с медом.

Перед отъездом отслужили молебен, со всех концов деревни собрались провожающие, целовали мальчика, жалостливо вздыхали о сироте (мать умерла, когда ему было шесть месяцев), а он, похудевший, словно после скарлатины, с возбужденно блестящими глазами поражал их черствым, отчужденным видом и угрюмо протискивался сквозь толпу к тарантасу.

Когда лошади тронулись, из-за плетня высунулась босоногая с бледным от волнения лицом девочка, но он не оглянулся.

И какое было счастье мальчику проснуться в тарантасе, откинуть кожаный, темный от росы, как бы дымящийся от испарений фартук, и увидеть подпрыгивающую шлею на отлакированном пóтом крупе пристяжной и кажущийся от быстрой езды неподвижным железный обод переднего колеса, взвихривающего пыль, и услышать еще по-ночному дремотное лепетание колокольчиков!..

У спящего рядом отца пыль забила усы и бороду, припорошила ресницы...

К вечеру дорога исподволь втянулась в уральские предгорья, и все чаще и чаще мальчик, поднимая глаза, видел не просторное небо, а остроугольные могучие скалы, упрямо рвущиеся из трясины сосновых лесов.

А когда стемнело, он услышал, как торжественно, громко, полнозвучно прогудел паровоз на станции Сулея, и горное эхо принялось швырять то туда, то сюда его крепнущий голос; лошади шарахнулись; Илюша почувствовал, как озноб колючим холодком пополз по спине; отец и кучер сняли картузы и перекрестились.

Уездный торговый городок встретил их грохотом: по улицам, вымощенным крупным булыжником, гремели возы, цокали извозчичьи пролетки, в воздухе плыла тягучая медь церковных и монастырских колоколов.

Первое время, особенно ранним утром, мальчик стеснялся гулять по городу: каждый шаг его лакированных, с подковками сапожек звенел в камнях, и Илюша чувствовал, что деревенская тишина, тишина и спокойствие детства исчезли безвозвратно, как сновидение.

Мальчик был низкорослый, худенький, и, когда шел в реальное в форменной шинели, в фуражке с желтым кантом, его зачастую останавливали прохожие:

— Сколько ж тебе лет, малыш?

— Девять, — смущаясь, отвечал Илюша, стараясь повыше поднять плечи, которые оттягивал тяжелый ранец.

«Да, приятель, ты был совсем неплох! — думал Звонцов. — А если ты сделал в жизни меньше, чем ждали от тебя и отец и учителя, то ведь всегда можно найти оправдание. Война, мол, помешала!»

И верно, в годы войны в сожженном вражеской бомбой доме погибла докторская диссертация Ильи Ильича.

* * *

Над перроном станции Сулея нависла крутая скала; ветер сдул с нее снег, обнажил красное мясо глины; на самой макушке росла упругая, как хлыст, сосенка, ветви ее трепетали, звенели под ударами горного вихря.

Перрон был залит жидкой грязью, а столичный житель отвык от галош и сейчас остановился в растерянности. Руки Звонцова заныли от чемоданов. Он сделал несколько шагов, его толкнули, но не извинились; пробежали, шлепая по лужам, две женщины, сгибаясь под огромными, в желваках картофелин мешками, — билеты они держали в зубах.

Илья Ильич усмехнулся и вошел в вокзал.

У самого входа сидела на сундучке девушка с искаженным от отчаяния лицом и плакала. О чем? Звонцов постеснялся подойти и прошел мимо.

Теперь гора за вокзалом была закутана кошмой серой, клочковатой тучи. С неба сыпалась сухая снежная крупа, таяла в лужах, в грязи, лишь на деревьях, на перилах крыльца, на шапках и плечах прохожих, на крыше стоявшей у вокзала «Победы» лежали рыхлые хлопья.

Шофер распахнул дверцу и вопросительно взглянул на Илью Ильича, — значит, в институте получили телеграмму, встретили.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, профессор! — выпрыгнув из кабины, сказал шофер. Это был худощавый, узкоплечий паренек с выпуклой грудью и мускулистыми, даже сквозь кожанку это было заметно, руками. — Разрешите, уложу чемоданы. Сейчас тронемся, только Софья Михайловна подойдет!

— А кто это?

— Наша директорша. Да вот она...

На крыльце появилась женщина крупного тела в беличьей шубе.

Подойдя к машине, Софья Михайловна не поздоровалась, как ожидал Илья Ильич, не попросила прощения, что не встретила у вагона, а тревожно посмотрела на заляпанные штиблеты Звонцова и свистнула.

— Ну, ну!.. Вот что, — решила она, — садитесь рядом с шофером, у мотора теплей, а я вам свои валенки...

На ней были валенки с галошами.

— Нет, нет, ни за что! — протестующе сказал Звонцов; чахлая, клинышком бородка его запрыгала.

Но женщина уже сидела на заднем месте и стягивала валенки.

— Илья Ильич, милый, не могу я вас больным привезти, садитесь к Славке, я себе ноги в одеяло заверну.

— В Кигах я у Столярова валенки возьму, — сказал Славка торжественным тоном.

— До Кигов сорок три километра, — улыбнулась Софья Михайловна.

Положив руки на спинку переднего сиденья, наклонившись вперед, она сказала над самым ухом Звонцова:

— Что ж, Илья Ильич, не заскучаете в родных краях?

— Да ведь жить-то везде можно, — пожал плечами он.

— Жить-то можно... Не везде можно быть счастливым!.. — помедлив, осторожно сказала Софья Михайловна.

Машина, погружаясь по спицы в грязь, выбралась на шоссе. Постояли у шлагбаума, подождали, когда проползут, сотрясая землю, товарные вагоны с мокрыми от растаявшего снега стенками. У сидевшего на тормозной площадке проводника было такое несчастное, сизое от стужи лицо, что Илья Ильич зашевелил пальцами в валенках, с наслаждением чувствуя, как по ногам поднимается приятно расслабляющее, клонящее к дремоте тепло.

За поворотом дорога прижалась к реке; здесь была стремнина. Ай не замерзал и зимою... Темная вода неслась бесшумно, без единого всплеска, и лишь у моста, напарываясь на быки, клокотала, расшвыривая ноздреватую пену.

Звонцова потряхивало на ухабах. Сквозь щель в стекле пронзительно, словно флейта, насвистывал встречный ветер. Софья Михайловна задремала: видно, на станцию ехали ночью, не выспалась... Река исчезла в сосновом бору, чтобы, промчавшись по равнине, повстречать их еще раз уже в самом Маркове.

Пристально всматриваясь вдаль, шофер гнал машину со все возрастающей скоростью, рассекая по-зимнему плотный воздух.

Илье Ильичу не хотелось спать, хотя предыдущую ночь он проворочался на полке до рассвета. Он закрыл глаза, опасаясь словоохотливости шофера, и принялся мечтать, как, устроившись на новом месте, пойдет пешком в деревню искать отцовский дом. Нет, он не войдет в него, а лишь заглянет в окошко... Там чужие люди, чужая семья, и даже на стене, наверное, не осталось зарубок, которыми отец год от года, аккуратно в день рождения Ильи, измерял его рост.

Машина остановилась перед колхозной чайной; у коновязи стояли телеги; навоз дымился; трещали воробьи. От резкого толчка Софья Михайловна проснулась, виновато засмеялась, протирая кулачками глаза.

— Я за валенками, Софья Михайловна, — сказал шофер.

— Беги!

Илье Ильичу показалось своевременным начать с директором деловой разговор. Он покашлял в расстегнутый воротник шубы и спросил:

— Что ж, педагогический коллектив института... сильный?

Софья Михайловна подбирала слова неторопливо и осмотрительно:

— Случается, приезжают неудачники и карьеристы... Разумеется, к вам это не относится! — добавила она.

— Относительно неудачников понимаю. Я сам, вероятно, неудачник, — сказал Звонцов. — А карьеристы?

— Марка хорошая: преподаватель сельского вуза... — голос Софьи Михайловны звучал насмешливо. — Прочитал пятьсот лекций в полевых станах — общественник, значит! Вот любой ученый совет в Казани или Свердловске и раскис. Но костяк крепкий! Светлые головы, — сказала она, подумав.

Славка принес валенки разной масти: один черный, другой белый; оба обшитые резиной от футбольной камеры.

— Вот так гряземдавы! — восхитилась Софья Михайловна, вытаскивая ноги из сложенного конвертиком одеяла.

Она предложила позавтракать. Илья Ильич согласился. В чайной на них пахнуло банным жаром, в лицо ударили клубы влажного чада.

Шоферы и возчики со свистом хлебали чай. За буфетной стойкой возвышалась дородная, с многоярусным подбородком женщина.

— Софье Михайловне почтение! — любезно встретила она вошедших. — С прибавлением семейства, как видно! Да вы сюда, сюда...

Она провела Звонцова и Софью Михайловну в узкую комнатку за буфетом. Через минуту, уже без приглашения, появился и шофер, на ходу вытирая паклей руки.

— Раздевайтесь! — сказала Звонцову Софья Михайловна, снимая шубу, и властно обратилась к буфетчице: — Москвича надо бы попотчевать, Дарьюшка!

— Понимаю.

— Мясо ему и в столице надоело.

— Окуньков нажарим! — нараспев сказала Дарьюшка. — Капуста кочанная, ядреная, как молодуха, с брусникой...

Та молча кивнула.

Теперь Звонцов внимательно и пытливо взглянул на Софью Михайловну. У нее было широкое, тяжелое лицо с глубокими морщинами у рта. Она чуть-чуть кокетничала и размашистым грубым жестом и сильным телом. «Лет сорок пять», — подумал Илья Ильич.

— А библиотека... солидная? — спросил он.

— Сорок семь тысяч томов!

— Сколько-о-о? — удивленно протянул Звонцов.

Шофер быстро подтвердил:

— Сорок семь!

— Тебя не спрашивают, — оборвала его Софья Михайловна и, поставив локти на клеенку, спокойно поглядела на Звонцова; глаза ее были серые, и в них, как песчинки в роднике, дрожали, плясали, трепетали золотистые искорки. — Каждое лето в Москву и Ленинград ездила... Клянчила! Наконец приучила: сами присылают.

«Такая приучит!» — улыбнулся про себя Илья Ильич.

Он вспомнил, как здесь, у Кигов, когда они переезжали в город, Кузьма привстал на козлах и обрадованно сказал: «Наши воза!», — и тарантас поравнялся с обозом. Косопузые, низенькие, похожие на овечек лошади-«тагилки» с натугой волокли по песчаной дороге телеги, груженные домашними вещами и мебелью. Илюша заметил на заднем возу свой привязанный веревками трехколесный велосипед и сцепившиеся паучьими ножками венские стулья.

А затем он представил себе, как по этой же дороге, но уже от станции к Маркову, рыча от напряжения, разбрасывая колесами комья грязи и сучья, ползли грузовики, и на каждом — штабеля прикрытых брезентом книг...

И очарование детских воспоминаний померкло.

— Что с вами? — участливо спросила, коснувшись его руки, Софья Михайловна.

Звонцов встрепенулся, сконфуженно хмыкнул, теребя пальцами бороду.

— Да так что-то... взгрустнулось!

— Бывает. — Она опустила глаза.

Что-то необычное послышалось Звонцову в ее голосе, он с любопытством посмотрел на нее, но Софья Михайловна уже зычно крикнула:

— Дарьюшка, горчицы!

— Сейчас, голубушка Софья Михайловна, мигом, иду, иду! — играя переливами бойкого голоса, откликнулась буфетчица за перегородкой.

* * *

Звонцов очнулся от тяжелого, беспокойного, не приносящего отдохновения сна и, почувствовав, что ноги затекли, зашевелился. Клавиатура деревянного моста глухо рокотала под колесами машины. Стиснутый скалистыми берегами, Ай здесь кипел, как котел с лапшой, взбивая пену, перемешивая в водоворотах гальку. Невидимая в ранних осенних сумерках река шумела неистово и ожесточенно.

А за рекой лежало Марково — приземистое, скупо расцвеченное одинокими огоньками.

— Диссертации светятся! — сказала за спиной Звонцова Софья Михайловна. И, догадавшись, что он не понял, пояснила: — Кто ж в такой час не спит? Наши преподаватели... Строчат! Свет — очи науки!..

Насмешливый ее тон сейчас раздражал Илью Ильича. Напрасно он твердил себе: «Сам захотел, сам!» Против воли в душу закрадывалось сомнение: надо ли было на склоне лет так круто поворачивать жизнь? Не легче ли было дождаться пенсии, купить где-нибудь на Украине хату с вишневым садочком и коротать свой век...

Машина подкатила к крыльцу одноэтажного дома; захлопали двери; на дворе, вставая на дыбки и гремя цепью, завыл пес, и вот уже из окна в окно поплыла, лучась, свеча в руке хозяйки...

А за ночь выпал снег, и когда Илья Ильич проснулся, то угловая двухсветная комната была наполнена зыбким, очень прозрачным сиянием; в висевшем на стене зеркале проплывали светлые тени, кисейные занавески отливали голубизной, словно их только что накрахмалили и подсинили...

Он подошел к окну. По двору бродили куры, с брезгливым видом вытаскивая лапки из мягкой снежной пелены и тщательно отряхиваясь. Мятой черной тряпкой скатилась с дерева ворона, и ветки закачались, роняя на выглянувшую из конуры собаку мелкую, словно первосортная сеянка, серебристую пыль.

Звонцова поселили у старушки-учительницы; она уже отправилась в школу, и завтраком Илью Ильича угощала соседка, дряхлая, но суетливая, говорливая женщина.

— Та-а-арговое село было,— с упоением рассказывала она, подвигая ему то кринку с топленым молоком, то шаньги.— Из Красноуфимска на Сулею обозы, весь день, бывало, колеса скрипят... По избам шинки: бабешки водкой... ну и, сам понимаешь... тоже приторговывали!

— А теперь?

Старушка с неудовольствием повела носом.

— Скорость транспорта возросла! Шофер норовит домой хоть к утру добраться. Ну, конечно, заезжают, жаловаться не приходится!

Илья Ильич не знал, что ему теперь делать: то ли идти самому в институт, то ли дождаться Софьи Михайловны.

Дверца шкафа певуче запела на кухне: соседка убирала немытую посуду.

— Сапоги вам принесла!

В дверях столовой, откинув плечом занавеску, стояла улыбавшаяся Софья Михайловна. Она бросила на пол сапоги, смачно пахнущие дегтем.

— У нас и женщины так ходят,— объяснила она, здороваясь.— А ботинки в преподавательской будете оставлять. Как устроились? Да, здесь тихо, тихо... тишины избыток! А я, извините, похвастаться решила...

Она вывела из-за перегородки упирающуюся, пунцовую от смущения длинноногую девочку. В торчащие рогульками косы ее были вплетены яркоалые ленты. Отчаянно решительный блеск ее глаз и удивил и встревожил Илью Ильича. Сердце его дрогнуло, нырнуло, снова взлетело, а затем часто-часто забилось.

— Соня! — сказал он, вспоминая, как тронулся тарантас, звякнули колокольчики, Кузьма гаркнул: «Но-о-о, любезные!», — а за плетнем стояла босоногая девочка с косичками.

— Соня-то я, я, Илья Ильич,— сказала Софья Михайловна и нехотя, как бы насильно улыбнулась; янтарные зрачки ее разгорались все ярче и ярче.— Это Света... Светлана, моя меньшая. А старший — Славка, вы его знаете! Не признали меня? И я бы вас не признала... Старым стали. Я, поди, тебя помладше года на два... Муж? В Златоусте! Иди, дочка, на кухню. К бабушке!— Синее шерстяное платье ловко облегало ее статное тело, она раскачивалась на стуле.— Вот скажи-ка, Илья Ильич... Сочиняет у нас преподаватель, и, заметь, талантливый парнишка, кандидатскую диссертацию: «Политическая реакция при Хоремхебе» — был такой фараон.

— Да, тысяча триста сороковые годы до новой эры,— машинально сказал Звонцов.

— Вот, вот! И это нужно, не спорю, я ему из Ленинграда пять пудов первоисточников привезла... А почему не напишут диссертацию о деревенской бабе? — Она говорила спокойно, как бы не интересуясь, поймет ли он, согласится ли с нею.— Вот я из третьего класса ушла овец пасти! Рабфак, заочный учительский институт окончила,— усмехнулась Софья Михайловна.— И колхоз создавала, и секретарем сельсовета была, и председателем райисполкома, и секретарем райкома партии поработала, и на фронте комиссаром банно-прачечного батальона... Прибудет комиссия из министерства, обязательно отметит: директор без ученой степени — явление ненормальное... А партия говорит: пока работай, Софья, верим тебе! Нашли выход — назначили меня врио директора. Так третий год временная!

Стукнула дверь, на кухне послышался смех Светланы, дребезжащий голосок хозяйки.

Софья Михайловна задумчиво провела платком по глазам, по лбу, словно дремоту стряхнула.

— Утомила я тебя, Илья Ильич, извини...— Она без замешательства называла его теперь на «ты».— Света, домой пора!.. А вот сын не удался! — неожиданно призналась она.— Учиться не захотел, шофером ко мне же нанялся... На вольную жизнь потянуло!

— Пойдемте, Софья Михайловна, как-нибудь в Озерское,— сказал Звонцов, привлекая к себе, обнимая худенькие плечики подбежавшей девочки.

— Зачем? — равнодушно, пожалуй, даже сонно спросила она.— Смотри, не старей, Илья Ильич. Это от старости... тянет в воспоминания!

— Что ж поделаешь? — так же тихо сказал Звонцов.

— Тебе нельзя стареть, — нахмурилась Софья Михайловна.— Институт принимай! Триста двадцать студентов да четыре сотни заочников...

Илья Ильич в полнейшем замешательстве затряс бородой, на щеке его задрожал мускул, но в это время в прихожей затопали, застучали сапогами, пахнуло холодом от дверей, послышались веселые голоса, и Софья Михайловна просияла:

— Наши!

— Разрешите?

И, не дождавшись ответа, в столовую вошли гурьбой, улыбаясь от смущения то дерзко, то застенчиво, преподаватели. Это были по большей части молодые, стройные, с румянцем во всю щеку, с неуверенными порывистыми движениями, с ломающимся голосом люди, только что из аспирантуры, со студенческой скамьи. Бросалась в глаза одна особенность: и мужчины и женщины были в высоких сапогах.

Через полчаса Илья Ильич, признаться, позабыл, где он находится: в Маркове или дома, на Молчановке... Ломберный столик уже пошатывался под тяжестью бог весть откуда появившихся книг и рукописей; кисейные занавески казались уже не голубыми, а серыми от пелены табачного дыма; уже он обещал непременно проверить к завтрашнему дню конспект лекции, а к среде — план и первые главы диссертации; уже, расхаживая из угла в угол, он возбужденно рассказывал:

— Да поймите, голубчик, что Сергей Арсеньевич в двадцать втором, именно в два-а-дцать вто-ром говорил о Марре...

И все притихли, потому что Сергей Арсеньевич был знаменитый академик, а по тону Звонцова было заметно, что ему он приходился не только учителем, но и другом.

А после обеда Илья Ильич пошел в институт, и, конечно, сапоги промокли, и Софья Михайловна обещала нарвать Славке уши за то, что тот еще летом не смазал подметки касторкой.

— А разве это его сапоги? — засмущался Звонцов.

Идущая рядом Софья Михайловна ничего не ответила, а кто-то из преподавателей засмеялся:

— Подождите, Илья Ильич, мы для вас птичьего молока достанем!

Звонцов попросил прежде всего провести его в библиотеку. Едва переступив порог, он почувствовал, что счастливое волнение охватило его душу.

Он был опять среди книг — мудрых и сердечных друзей, которые тебе укажут верный путь, которые предостерегают тебя от заблуждений, с которыми и в детстве, и в юности, и в старости ты не одинок, ты силен.

— Что ж, база, как вижу,— прилипая к полкам, сказал Звонцов.— Да, база для научной деятельности неплохая... Софья Михайловна, если не ошибаюсь, курсовые лекции оборвались на Чехове? «Степь»? Превосходно, мне бы, пока моя библиотека не прибыла... собрание сочинений.

— Принесем,— кивнула Софья Михайловна.

На втором этаже, в актовом зале, Илья Ильич остановился.

— Представьте, вот вспомнил,— он вытер мокрую от растаявших снежинок бороду носовым платком.— Ведь тут, в этом доме, при царе было высшее начальное училище! Да... В году тысяча девятьсот девятом, припоминаю, показывали здесь туманные картины. Не кино, о нем и не знали, а, как тогда выражались, ту-манные картины. Пирамиды на берегу Нила, Альпийские горы... и прочее. Собрались крестьяне со всего Маркова. В зал уже не пускали, на дворе остались. Ничего не видели, не слышали, но не уходили... Я вон там,— он показал,— на стуле стоял! — Звонцов рассеянно, словно не узнавая окружавших его, посмотрел вокруг. — Давно было, давно!..

И опять стало тихо, ибо молодым — год рождения 1924, 1925 — было трудно представить сутулого, болезненного, с бородой Илью Ильича стоящим на стуле, в матроске, в бархатных до колен штанишках.

Софья Михайловна, отвернувшись, покусывала от злости нижнюю губу мелкими, как у хорька, зубами.

В коридоре она быстро пошла впереди Звонцова, распахивая одну за другой двери.

— Аудитории! Студенты разошлись уже... Поздно!

Илья Ильич заглянул в тускло окрашенную охрой комнату, похожую на все аудитории, где ему доведется читать лекции, и с надеждой, какая известна лишь артистам и учителям, подумал, что завтра здесь его встретит страстное, по-юношески нетерпеливое ожидание и как бы подтолкнет, приободрит, подскажет: «Ты нужен!».

В этот момент его подхватил под руку один из преподавателей — Илья Ильич запомнил его фамилию: Маторин,— костлявый, высокий юноша с оттопыренными ушами.

— Разрешите вечерком к вам заглянуть?

Предполагая, что речь пойдет опять о диссертации, Звонцов ответил дружелюбно:

— Прошу!

* * *

У Маторина были странные уши с ветвистыми прожилками под кожей, и когда он волновался, то уши не краснели, как обычно у людей, а, казалось, зеленели.

Сидел он в неудобной позе, зажав коленями кисти рук, наклонившись к Илье Ильичу, и возбужденно говорил:

— Разумеется, приехать по собственному желанию в глушь — поступок героический, едва ли не подвиг, но, Илья Ильич, Илья Ильич, не отрезайте пути к отступлению. Верю, после столицы приятна марковская тишина, даже марковская грязь забавляет. Но через три месяца? Через полгода? Я как вспомню афишу Большого театра в переулке на заборе, слеза жжет!.. Может, я туда и не пойду, а вот сама возможность пойти...

— Позвольте,— только и успел вымолвить Звонцов.

Его подмывало затопать ногами, накричать, но всегдашняя деликатность помешала.

На кухне возилась с посудой хозяйка, дверцы шкафа снова запели, снова запахло гвоздикой, корицей и прочими снадобьями, какие старушки в деревне копят и берегут десятилетиями.

— А с кем вы станете работать? — все торопливее, все громче говорил Маторин.— Грубая баба на посту директора. Сплетни, интриги, пьянство. Одно развлечение — залиться в «коктейль-холл».

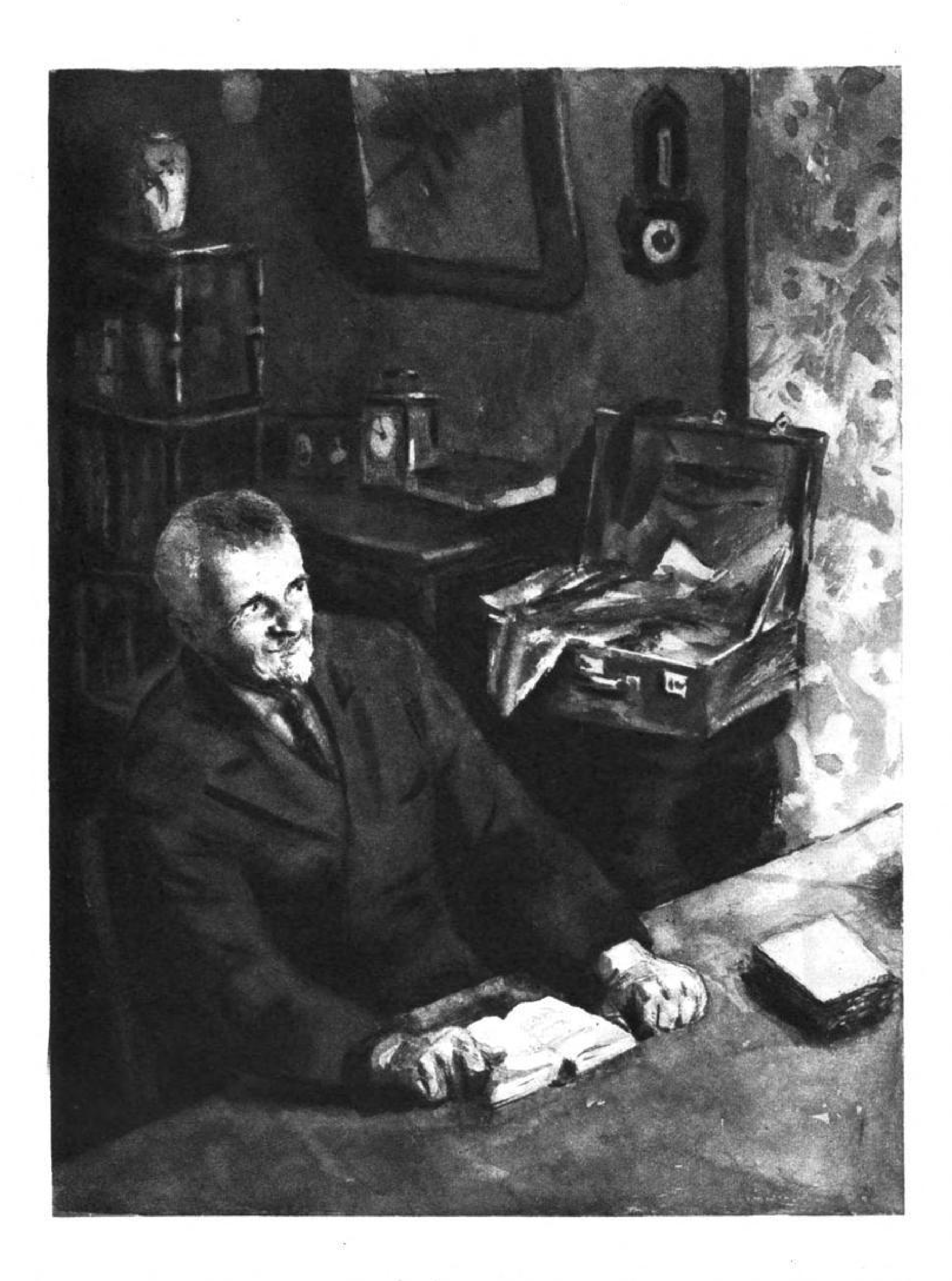
— Как? Как?

— «Коктейль-холл»! — объяснил, мелко смеясь, Маторин.— Бабешка тут... Марковская Нана! В любое время и яишенка и самогон, как слеза.

— А вы уезжайте! — сказал Звонцов, собравшись с силами.— Завтра!

— Но... учебный план! Да я бы с радостью! Сочтут дезертиром, закроют все дороги.

— Я вас заменю, ничего. Я! — сказал Илья Ильич, опираясь на спинку стула с такой яростью, что ножки хрустнули.— Поговорю с Софьей Михайловной! А я сюда приехал не

пьянствовать, не сплетничать, а жить, работать!

— Илья Ильич, поверьте... Мое глубочайшее уважение к вашим научным трудам...

— Не читали вы мои труды! И... не надо, уходите!

Он, не глядя на растерянного, перепуганного Маторина, прошел к столу и потянул к себе книгу. Чувство страшной усталости охватило его, и сердце защемило, и захотелось уткнуться лицом в подушку.

— Илья Ильич!

— Ну да, ну да, понимаю... Без семьи, молод, горяч, заскучал. Понимаю, но не оправдываю! Да поезжайте вы куда-нибудь на месяц, на два. Денег нету, так я дам! Встряхнитесь! А сейчас уходите, занят, лекция завтра, уходите!

Он подождал... Скрипнули половицы под медленными шагами, бухнула дверь, пес пролаял... Илья Ильич представил, как по грязи, по темному переулку идет Маторин (домой ли, в «Коктейль-холл» ли, к веселой бабехе).

«Ну, Софья Михайловна, будет завтра разговор,— подумал он, раздраженно засопев.— Недоглядела!»

И, раскрыв книгу, он через минуту позабыл о себе, о Маторине... Он читал, как повезли в город, в гимназию, мальчика «лет девяти, с темным от загара и мокрым от слез лицом», Егорушку. Поползли по степи возы с шерстью, а мимо проходила Россия, не нынешняя,— с варламовскими пыльными отарами, с постоялыми дворами, с красавицей графиней Драницкой, с озорным Дымовым, которому то ли в революцию, то ли в разбой, с вышедшим к ночному костру Константином, единственным счастливым человеком на земле.

«При виде счастливого человека всем стало скучно и захотелось тоже счастья. Все задумались».

И потом Егорушка остался в городе «и горькими слезами приветствовал новую неведомую жизнь, которая теперь начиналась для него... Какова-то будет эта жизнь?»

Илья Ильич затаил дыхание. Плотно сжатые, с рыжими волосиками на суставах пальцев кулаки его лежали на столе, словно оберегая книгу. Свет лампы то расплывался в его глазах золотисто-солнечным пятном, то сжимался в крохотный, с булавочную головку, ослепительный пучок лучей.

Кряхтя, он вытащил из чемодана бумагу, конверты и начал писать Казанскому:

«Дорогой друг! Завтра первая лекция, «Степь»,— вероятно, самое гениальное творение А. П...»

В открытую форточку слышался осторожный стук движка за рекой, в совхозе.

Разлука

Лев ОШАНИН

Разлука порой нестерпима,
Измучает сердце она,
И все же в разлуке с любимым
Хорошая есть сторона.

Лишь скроется милый от взора,
Как парус на глади морской,
Забудешь ты мелкие ссоры,
Что счастью мешали порой.

Твой друг за дождем иль
порошей,
За синими гребнями скал
Таким вспомянется хорошим,
Каким даже он не бывал.

В ночной тишине нелюдимой
И днем, ожидая письма,
Себе ты в разлуке с любимым
Покажешься лучше сама.

Разлука порой нестерпима,
Измучает сердце она.
И все же в разлуке с любимым
Хорошая есть сторона.

Все прошлое вспомнишь сначала,
Как милый для сердца рассказ.
А, встретив его, как бывало,
Душой угадаешь тотчас,—
Что он не такой, как мечтала,
А лучше во множество раз.

Признанье

Иван БАУКОВ

И ночами не спится,
И поэма заброшена,
И не в силах сердиться
На тебя, нехорошая.

Перепутала планы,
Распорядок нарушила,
Но под взглядом желанным
Я послушней послушного.

И, сказать откровенно,
Мне приятно становится
Ждать конца твоей смены,
О тебе беспокоиться.

Да и этого мало!
Рассказать все по совести:
Мне Сущевская стала
Чем-то вроде околицы.

Ничего, что там нету
Ни березы, ни ясеня.
Ты на улице этой
Даже лучше, прекраснее.

И глаза б дорогие
Расписал — не забудутся.
Да боюсь, что другие
Прочитают и влюбятся.

Канадские встречи

Софья ГОЛОВКИНА

Итак, мы в Канаде...

В Торонто — зеленом городе на берегах Онтарио — первая дружеская встреча. Цветы, улыбки, приветствия. Оказывается, нас здесь ждали, очень ждали. Среди радостно возбужденной толпы я заметила пожилого господина, который, как мне показалось, с холодным любопытством рассматривал нас. Он подошел поближе и представился — фамилия его была Вильямс. Человек высокого роста сказал, что впервые видит советских людей...

Первый наш концерт — в Торонто, в «Мессихолл»... Желающих присутствовать на концерте очень много. Билеты были распроданы в течение двух часов, но задолго до начала представления собралась огромная толпа жителей города.

При первых же звуках скрипки Леонида Когана зал замер. Люди слушали проникновенную игру молодого советского музыканта. О Елизавете Чавдар канадцы говорили: «Никогда еще «Мессихолл» не помнил таких оваций, как сегодня, разве только во время выступлений Поля Робсона...»

После концерта народ долго не расходился. Встреча со зрителями продолжалась уже на улице. Здесь стихийно возник митинг дружбы...

Перелетев через всю страну, мы опустились в Ванкувере, окруженном снежными вершинами и вековыми соснами.

Вечером мы выступали в зрительном зале, который был рассчитан на 4 500 зрителей, но их собралось здесь много больше. Так же, как и в Торонто, это был не только концерт. Снова были восторженные, с оттенком изумления слова о советском искусстве, о его человечности, о внутреннем огне, которым оно согревает сердца... Здесь, в Ванкувере, произошла наша новая встреча с господином Вильямсом. Он пришел за кулисы и объявил, что у него есть вопросы.

— Как это вы, балерина, соглашаетесь выступать на обычной, не приспособленной для балета сцене? — Мистер Вильямс испытующе посмотрел на меня.

Я ему ответила, что, конечно, в Москве, в Большом театре, выступать легче, но нам так хочется представить наш советский балет на суд канадских зрителей, что условия, в которых приходится играть, отступают на второй план. Старый джентльмен заинтересовался, из каких тканей сделаны костюмы артистов советского балета. Посмотрев их, он сказал, что материалы прекрасные и сшито все это с большим вкусом.

— Неужели эти костюмы сшиты в Советском Союзе? — снова спросил он. — Не верится...

Мы могли только улыбнуться в ответ на сомнения мистера Вильямса.

Он хотел еще что-то спросить, но уже было время готовиться к вылету в Эдмонтон.

Здесь нас встретила снежная метель, пурга, тем не менее на аэродром пришло много жителей города. Кто-то из нас заметил, что шубы и пальто у встречающих странно оттопыривались. Потом объяснилось: со всех сторон к нам протянулись руки с цветами, которые бережно укрывались под одеждой. Эта встреча всех нас согрела.

Советские артисты в Канаде. Слева направо: концертмейстер Г. Максимова, С. Головкина, Е. Чавдар.

Вечером в Эдмонтоне появился... мистер Вильямс. Он приехал сюда, чтобы предупредить нас: в городе Виннипеге, как он выразился, могут быть «провокации».

Я очень удивилась этим словам: во всех городах Канады нам оказывали теплый, дружеский прием. Мистер Вильямс объяснил, что группа фашистов получила задание сорвать наш концерт. «Берегитесь, в Виннипеге у вас могут быть неприятности», — с этими словами он исчез, оставив у портье два цветка — для Чавдар и для меня.

«Неприятности» в Виннипеге начались с того, что нас на аэродроме встречала огромная толпа. Мэр города сказал, что он рад приветствовать мастеров советского искусства.

Подойти к залу, где должен состояться наш концерт, оказалось не так легко: прилегающие улицы запрудил народ. Это была вторая «неприятность».

Концерт начался и шел без всяких инцидентов. Овация следовала за овацией. Возможно, что какие-то выпады против нас и готовились, но так велико было расположение к нам простых людей Канады, что недруги испугались атмосферы дружбы, царившей в зале...

Вечер мы встречали в Садбери — городе шахтеров.

Нас пригласили на товарищеский ужин в шахтерском клубе. Подошла с цветами маленькая девочка и сказала, тщательно выговаривая по-русски: «Спасибо за концерт». Было произнесено много теплых речей. Здесь мы почувствовали, что, несмотря на недобросовестную информацию о Советском Союзе, многие канадцы знают правду о нашей стране.

Каждый день приходили телеграммы: сообщались все новые даты концертов в разных городах. Один из них состоялся в Оттаве — городе учреждений и чиновников.

Перед самым концертом сорок минут лил дождь, но зал оказался переполненным.

После концерта десятки людей являлись за кулисы, чтобы лично поблагодарить нас, передать поздравления, получить автографы. Я снова увидела здесь нашего старого знакомого — мистера Вильямса. Вручая мне огромный букет, он сказал:

— Это знак преклонения канадцев перед большим советским искусством.

Он хотел еще что-то сказать, но снова нас окружили, и беседа не состоялась.

Срок нашей поездки истекал. Пора было возвращаться. Мы давали прощальный концерт.

Зал был рассчитан на семь тысяч человек, желающих же оказалось около двадцати тысяч. Атмосфера доброжелательности, искренней высокой оценки советского искусства, дружеского отношения к нам царила в зале от начала до конца вечера. После концерта тысячи людей встали и двинулись к эстраде. Протянутые руки, цветы, море глаз, светящихся тем приветливым блеском, который без слов говорит артисту, что он завоевал сердце зрителя. Люди пожимали нам руки, говорили: «Приезжайте к нам еще, присылайте своих товарищей!» Одна из крупных канадских газет, встретившая наш приезд молчанием, теперь писала:

«Все это больше, чем просто развлечение... Визит советских музыкантов и танцоров не устранит всех сомнений в отношениях между нашими странами, но мы были бы неблагодарными, если бы не дали своей высокой оценки как артистам, так и тем, кто сказал, что им следует предпринять эту поездку. Водородная бомба еще не заставила замолчать музыку, и через музыку растет понимание, если этого понимания искренне желают».

Снова вокзал в Торонто... Несколько минут оставалось до отхода нашего поезда. Расталкивая толпу, быстро шел к нам высокий человек. Еще издали я узнала его. Мистер Вильямс подошел и подал мне конверт, когда уже раздался последний звонок. В купе я раскрыла конверт. В нем лежала копия статьи Вильямса в канадскую газету. Возможно, он не был уверен, что статья будет напечатана у него на родине, а может быть, и что-то другое заставило его принести нам, советским людям, эти странички, исписанные мелким почерком. Не буду приводить письмо полностью, смысл его сводился к следующему: нас много обманывали, нам рассказывали о вашей стране и о вас самих так много нелепых вещей, и мы были так глупы, что верили им. Спасибо вам за то, что вы приехали к нам в Канаду, спасибо вам за ваше искусство, спасибо за то, что ваше искусство раскрыло перед нами кусочек советской жизни.

* * *

Я хотела бы быть совершенно искренней перед читателями и поэтому должна сказать: мистера Вильямса, который так часто встречается в моих заметках, не было. И в то же время он был с нами на протяжении всей нашей поездки по Канаде. Он возникал перед нами неожиданно то в Торонто, то в Эдмонтоне или Виннипеге. Иногда это был деловой человек, иногда чиновник, бывал он и шахтером и клерком. Все то, что я о нем написала, — правда от первого до последнего слова. Да, он был растерян, когда впервые увидел советских людей, и был счастлив, когда его ожидания не были обмануты. Наш успех он расценивал как свой личный успех. Теперь, после встреч и бесед с советскими людьми, он смотрел на многое по-другому. Короче говоря, это был один из тех миллионов Вильямсов, которые в разных странах мира, разными путями меняются к лучшему под влиянием нашей советской правды.

— Я умру сейчас! — злобно сказала Леночка.

Прохожий в растерянности остановился. Леночка сердито отвернулась и прошла мимо.

Ничего не было стыдно, только больно, до ужаса больно.

На ходу расстегнула пальто, засунула руку за корсаж юбки и прижала изо всех сил ладонь к горячему боку.

Это иногда помогало.

— Операцию лучше не откладывать! — предупреждал доктор.

Но Леночка гордо ответила:

— Сначала сдам все экзамены, перейду на второй курс, и только после того я смогу заняться личными делами.

Приступы повторялись, она научилась превозмогать боль, прибегая к различным уловкам.

Хорошо щипать руку, а еще лучше начать петь или говорить быстро, быстро...

Уже утром она почувствовала себя скверно. Не нужно было ей ходить за конспектами к Зыковой. А еще этот грубиян Костя при всех сказал:

— Ты зачем, Елена, с грелкой на зачет ходила? Профессора разжалобить?

— У тебя, кажется, только по физкультуре пять? — холодно спросила Леночка и, повернувшись в профиль к Косте, сказала Зыковой: — У некоторых товарищей физическое развитие происходит за счет умственного.

— А некоторые гражданки воображают, что все достоинства заключены в длинных ресницах.

Леночка хотела ответить как можно более едко. И вдруг почувствовала, как это началось снова. Она опустилась на стул и, спрятав под скатерть руку, стала щипать ее.

— Что, — торжествовал Костя, — нечем крыть?

Леночка приняла вызов. Она вскочила, подошла к зеркалу, как будто для того, чтобы поправить прическу, хотела громко запеть. Пусть не воображает, что она расстроилась от его слов.

Холодная тошнота подступила к горлу. Поверхность зеркала стала мягкой, глубокой, как вода, и Леночка ощутила, как ее всю начала всасывать внутрь эта мягкая глубина.

Никто на свете не знал, каких усилий стоило ей вырваться из этой бесцветной пустоты.

Она стояла посреди комнаты, бледная, опираясь рукой о что-то противно-гладкое, и, с ненавистью глядя в испуганное лицо Кости, сказала:

— Ты не думай... Я тебя не люблю... Ты тупой, грубый, ты ничего не понимаешь. Вот ты кто!

В передней она пыталась снять с вешалки свое пальто.

Костя, стоя в темноте, незнакомым голосом просил:

— Прости меня! Пожалуйста, Леночка!

— Уйди! И не смей идти за мной, а то я не знаю, что сделаю!

Она сбежала с лестницы, выскочила на улицу, и ей стало совсем плохо. В глазах поплыли нефтяные радужные пятна...

«Я падаю, — подумала она. — Ой, нет, не здесь. Дойду до угла и там лягу. Пускай делают, что хотят. Ой, мамочка!»

— Гражданка! Вы сумку бросили!

— Я не бросила, я уронила.

— Послушайте! Вам же плохо.

— Уйдите! — с отвращением сказала она. — Уйдите! — И, согнувшись, пошла быстрее.

«Если это еще раз повторится... Я не дойду. Я умру на улице».

— Ой! — громко вскрикнула Леночка и присела на корточки.

Машина, задев колесом кромку панели, остановилась. От машины пахнуло жаром и нагретой резиной.

— Садитесь, товарищ!

— Что вы все ко мне пристаете? — жалобно спросила Леночка. — Не нужно, я сама!

— В родильный дом, что ли? — обернувшись, спросил, озорно улыбаясь, шофер.

— Свиньи вы все. — И Леночка заплакала. — Я умираю, а вы издеваетесь. У меня аппендицит!..

Она сползла с сиденья на пол.

— Не трогайте! Мне так... не так больно.

Машина покачивалась.

Боль от толчков плескалась по всему телу.

Леночка

Рассказ

Вадим **КОЖЕВНИКОВ**

Рисунки Г. Храпака.

Леночка толкнула дверцу.

— Я не могу терпеть больше! — кричала она, вырываясь, и укусила чей-то палец. Потом снова опустилась на пол машины.

Рядом были чужие ноги в калошах, она подумала, может, они холодные, и прижалась лицом к ним.

Машина остановилась.

Леночка, притихнув, стонала.

— Я потороплю, — сказал кто-то.

— Замки опустите: выскочит, — посоветовал шофер.

— Он ушел? — спросила Леночка.

— Вернется, — сказал шофер и, перегнувшись через сиденье, погладил ладонью плечо Леночки. — Вы молодец! Другая на вашем месте кричала бы на всю улицу.

— Не трогайте меня! А орать я все равно еще буду. Не ваше дело!

— Пожалуйста, — согласился шофер, — это я просто так сказал.

С двух сторон в окна машины заглядывали лица с одинаковым выражением тревожного соболезнования и любопытства.

— Зачем они смотрят? Как им не стыдно? Зачем?! — И Леночка зарыдала.

— Ну, уж это вы зря, — растерянно сказал шофер.

— Не ругайте меня. Ну, не нужно. Пожалуйста. Мне так больно!

— Девочка моя, у меня у самого руки дрожат. Я вам лицо вытру.

— Пожалуйста, — согласилась Леночка. — А то оно у меня все зареванное.

Леночка подняла голову и, ожидая нежного прикосновения, почувствовала, как сладкая усталость охватывает все ее тело.

— Пожалуйста, — томно повторила она, закрывая глаза.

Ужасное, раздирающее снова обожгло все внутри.

Она резко поднялась, ударилась головой о мягкий потолок машины. Стало темно и не больно...

Она с удивлением открыла глаза.

Лицо, наклонившееся над ней, расплывалось и таяло в воздухе.

Леночка хотела громко сказать:

«Позвоните маме».

Но вместо этого она бессильно мяукнула:

— Маа.

— Хорошенькая, как котеночек, — произнес незнакомый голос.

Леночка закрыла глаза. Ей стало неприятно видеть лицо какой-то женщины. «Откуда она взялась?» — подумала Леночка. И снова с усилием подняла веки.

— Здравствуйте! — сказал, улыбаясь, доктор.

Леночка хотела приподняться, но доктор не позволил ей этого сделать.

— Доктор! Умоляю! — поспешно сказала Леночка. — Усыпите меня, иначе я не выдержу, я умру!

— А вы еще не выспались? Ну, знаете!.. — И доктор развел руками.

Леночка сердито посмотрела на него.

— Если вы не дадите мне хлороформа, я выброшусь в окно. Так и знайте!

И заплакала. Слезы, приятно теплые, стекали за шею и щекотали кожу. Леночка удивлялась, что плакать может быть так приятно, и старалась плакать подольше.

— Милая! Да все уже кончено, — сказал доктор, — соберите ваши слезки в чашечку и покажите мужу.

— Какому мужу? — удивилась Леночка. — У меня нет мужа! Я холостая... — И, смутившись от этого глупого слова, она повернулась лицом в подушку.

— Доктор! — раздался веселый голос с соседней кровати. — Это же ее посторонний подобрал. Во время наркоза мы всё городим. Вот Сережа все спрашивал: «Мамочка, где мои штанишки?»

— Это он маленьким себя вообразил, — объяснил кто-то милым грудным голосом. — И вечно вы, Петухова, зря болтаете. Сережа — герой, и о нем нужно говорить только с уважением: у него обе ноги ранены.

— Тяжелый перелом берцовых костей, — сказала Петухова. — Вы не перебивайте! Скажешь «Сережа», так вы сейчас же как на пружине вскакиваете, а у вас от этого температура поднимается.

— А вы как «стук, стук» услышите, сейчас же сами не своя делаетесь и губы мажете.

— Ну и пусть, — согласилась Петухова. — Хорошо, у вас халат по фигуре, а я в своем, как матрешка. Доктор! Скажите, чтоб мне синий дали, как у Егошиной, или разрешите с ней поменяться; он ей все равно не к лицу, и потом она лежачая.

— Здесь у нас не ателье мод, — сказал доктор.

— Ах, доктор! — воскликнула Петухова. — Я никогда не забуду, как за руки вас хватала, и все целовала их, и просила: «Доктор, миленький, мне же только девятнадцать, это же неправильно будет, если я умру».

— А я, — протяжно сказала женщина с милым грудным голосом, — все угрожала, если умру, то вас в тюрьму посадят.

— Как же, помню, — вздохнул доктор.

— А как карточку я вам свою все показывала, — томно произнесла женщина с красивым, но исполосованным красными шрамами лицом. — Помните, кричала: «Доктор! Ведь я когда-то ничего себе была». А вы на карточку смотрите и грубо так говорите: «Перестаньте! Вы еще долго ничего себе будете».

Доктор крякнул и немного смутился.

Женщина взяла с тумбочки зеркало, глядя на себя, озабоченно спросила:

— Я думаю, от массажа краснота пройдет?

— Конечно, — сказал доктор, — со временем. А пока, ну, попудритесь, если это так уж

необходимо. Кстати, Петухова, где это вы губную помаду берете, и вообще зачем вы здесь мажетесь?

— Это она не помадой. Это она химическим карандашом.

Доктор удивленно посмотрел на Петухову.

Та покорно согласилась:

— Хочу быть красивой. Но вы не беспокойтесь, температура у меня не от этого.

— С постели встаете? — строго спросил доктор.

— Когда для себя надо, тогда встаю, — смущенно пролепетала Петухова.

— У нее «для себя» всегда совпадает со стуком костылей в коридоре, — заметила женщина с больным лицом.

— Знаете, Петухова, чтоб больше таких рефлексов не было, а то я вас в другую палату переведу.

— Доктор, голубчик...— Петухова сложила покорно руки и с мольбой посмотрела на доктора.

Пришел профессор, он говорил с доктором по-латыни. Когда они остановились у постели женщины с красным лицом, доктор равнодушно смотрел себе на ноги, слушая профессора. Когда подошли к постели женщины с милым грудным голосом, доктор озабоченно закусил губу, а профессор снизил свой голос почти до шепота. Потом они ушли. А женщины стали снова разговаривать.

Леночка закрыла глаза и притворилась спящей.

«Какие пошлые женщины, — думала Леночка. — Как они смеют здесь говорить так! Если б они знали, что я пережила, как это страшно, как отвратительно страшно! А жить! Жить ведь очень красиво. А университет? Они, наверное, не знают, как это замечательно...»

Петухова рассказывала:

— Дышу я, знаете, изо всех сил, даже в ушах свистит, а действия никакого. Доктор, говорю, чего мне на вату мало капают, велите налить побольше. Доктор подошел да как даст мне по голове. Я, конечно, в обморок и уж больше ничего не помню.

— Не сочиняйте, Петухова, доктор не мог вас ударить!

— Да ведь не кулаком! А вроде молотка такого, в вату обернутого, особым приемом. Я все помню!

— Глупости, Петухова! А вот когда я на столе была, так вижу, доктор нервничает и, представьте, разрез не там делает, где нужно. Я кричу: «Доктор! Не там! Не там! Доктор...»

— Вы под каким наркозом были? — ехидно спросила Петухова.

— Под общим.

— Ну, так вы ничего не могли видеть. Вот если под местным, тогда можно замечания доктору делать. Местный наркоз мужчины предпочитают, им интересно, как у них там внутри. А женщина всегда догадается в обморок упасть, если в общем откажут.

— А Люля?

— Да ведь она лейтенант. Какое может быть сравнение!..

Ночью Леночка проснулась.

Лунный свет белым квадратом лежал на полу.

Протяжно гудел лифт. Хлопнула дверь. В коридоре послышались шаркающие шаги. Что-то тяжелое повезли в коляске на резиновых шинах. Кто-то поспешно пробежал по коридору, и где-то далеко закричала кошка. «Кто ее там мучает?» — подумала Леночка. И вдруг поняла...

Воспоминание боли внезапно прошло сквозь все тело действительной болью. И она застонала — сначала слабо, потом сильнее. И уже не знала, правда ей так больно или нет. Она хотела столкнуть с тумбочки кружку, чтоб кто-нибудь проснулся.

— Болит, а? — услышала Леночка голос Петуховой.

— Ой! — простонала Леночка.

— А ты кнопку нажми, дежурная придет, капель даст.

— Не хочу я капель. Больно мне!

— Ты вот что! Протяни-ка руку. Достала до моей? Вот и хорошо!

Боясь, чтоб Петухова не заснула и не убрала руку, Леночка спросила:

— Вы чем больны?

— А ничем! Из-за погоды повредилась, — сказала Петухова сонным голосом. — Ехали на трехтонке, гололедица страшная, машину так и заносит. И вдруг хулиган-мальчишка выскочил на шоссе в санках. И откуда он взялся? Я на тормоза легла. Машина юзом на него. Гляжу, такой компот, ну я круто рулю — и на мачту...

— А мальчик?

— Вгорячах выскочила, догнала, хочу уши ему трепать, а руки не ходят, слабость какая-то. Ну, говорю: «Беги звони в скорую помощь, а то все равно отшлепаю». Упала я, что ли, толпа собралась, волнуются. И вдруг этот самый мальчишка прямо через ноги людей пролез ко мне и говорит: «Тетенька, я уже позвонил. А вы милиционеру теперь скажите». Я ему: «Пошел вон, а то я тебе прямо уши оборву». А он плачет и говорит: «Пожалуйста, рвите». Такой упрямый, нахальный ребенок попался. И какие родители бывают странные! Да я бы с такого необыкновенно хорошего ребенка глаз не спускала.

Леночка поднесла свою руку ко рту и стала, задыхаясь, кусать ее.

— Ты что? — тревожно спросила Петухова.

Леночка сдавленным от спазмы в горле голосом сипло произнесла:

— Простите меня! Я так о вас думала, и мне так стыдно!

— Это вы про Сережу слышали? — спросила Петухова. — Он верхолаз, недавно расшибся. Очень интересный молодой человек. Только я не влюблена в него вовсе. — Судя по скрипу кровати, Петухова приподнялась на локоть и горячим шепотом объяснила: — Скучно здесь, вот я и делаю представление. Не все, знаете, женщины отсюда в полной сохранности выйдут. Тяжело им. А я вроде доказываю: любовь при любых обстоятельствах в полном порядке расцвести может. Женщине не увечье страшно — ей без любви остаться страшно. Любовь для женщины — это не только закон природы, а что-то большее. У Сережи одна нога до колена отнята, а другая волочится. Ну и я тоже не вполне. А я ему записочки да улыбочки. Всем и приятно.

— А Сережа вас любит?

— Сережа? И вовсе нет! — удивленно и даже несколько обиженно воскликнула Петухова. — Я же замужняя.

— Петухова, послушайте! Как ваше имя?

— Мотя.

— Мотя, я прямо расцеловала б вас!

— Когда поправитесь, встанете, тогда и расцелуемся.

...Леночка проснулась от солнечного света, теплого и щекотного.

Женщины разговаривали шепотом и занимались своим туалетом.

Где-то в коридоре послышался мерный стук костылей по кафельному полу и одинокое шарканье ноги.

Петухова, сидя на койке, поспешно мазала себе губы огрызком карандаша. Женщина, которая вчера говорила таким милым голосом, озабоченно повязывала волосы лентой. А женщина с красными шрамами на лице держала перед собой зеркало: послюнявив мизинец, провела им по бровям и произнесла протяжно в нос:

— Ой, Петухова! Отобью я у вас Сережу.

Стук костылей приближался.

Петухова, наклонившись, в напряженной позе, держала в руке веревочку, конец которой был привязан к ручке двери, и тоже прислушивалась.

Когда стук костылей послышался совсем рядом, Петухова потянула веревочку к себе, и дверь открылась.

В коридоре стоял юноша с высоко поднятыми от костылей плечами; ноги его бессильно висели между костылями, словно он нарочно поджимал их.

Но Леночка не успела как следует рассмотреть Сережу. Санитарка резко захлопнула дверь:

— Смотри, Петухова, я дежурному врачу пожалуюсь! — И, обернувшись ко всем, сказала с укоризной: — И как ей не стыдно!

Санитарка оборвала с двери веревочку и унесла с собой.

Женщина с изуродованным лицом, громко смеясь, сказала:

— Петухова! А он даже на вас не взглянул, он мне улыбнулся...

Ночью у Леночки начались опять боли. Петухова снова держала ее руку в своей и говорила шепотом:

— Ты стонать не стесняйся, я сама слабодушная. Вот Зыкова, Зоя Алексеевна, у которой лицо ранено, вот это человек! Она своего профессора заслонила, когда у них там в лаборатории посуда с кислотой лопнула. У ней не только лицо, полтела ошпарено было. Ей каждая перевязка — все равно что с живого кожу сдирать, а она только зубы стиснет и молчит. А вот та, которая лежачая, голос у ней такой приятный, на муку-мученическую пошла для того, чтобы ребенка иметь. Ее под местным два часа резали, и тоже, говорят, даже не всхлипнула. Понимаешь, какие уважаемые женщины! Я здесь словно на фронте среди героев побывала, прямо душой выросла. Вот тебе и больница! А вот в седьмой палате одна женщина, так та уж такая стойкая оказалась, дальше некуда...

Леночка слушала горячий, взволнованный шепот Петуховой и плакала, плакала не от боли, нет, боль уже почти исчезла, а от какого-то высокого, восторженного чувства, которое заполнило все ее существо. Словно какой-то новый мир открылся ее взору, где живут только очень красивые люди, нежные и сильные, и говорят они словами, волнующими, как музыка, где несчастье, постигшее одного, приносит страдание всем и радость, доставшаяся одному, разделяется всеми. Мир необыкновенных людей, каких она до сих пор еще никогда не видела в своей жизни.

В палате горел синий ночник.

Глухие звуки города слабо доносились сюда, а Петухова все говорила и говорила, но Леночка уже не слышала ее слов. Она спала, прижавшись лицом к твердой маленькой руке Петуховой.

К последним параллелям

С. МОРОЗОВ Фото Я. РЮМКИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

1. ХОЗЯЕВА ПОЛЯРНЫХ ЛЬДИН

Воздушное путешествие в Арктику поражает и быстротой и внезапной, вопреки календарю, сменой пейзажа. Погожим мартовским утром под колесами самолетного шасси плещут лужицы на бетоне Московского аэропорта. В полдень под крылом голубеют первые проталины на снежном покрове Северной Двины и недвижно маячат портовые краны на пустынных еще причалах Архангельска. А к вечеру в теплой кабине на окнах нарастают морозные узоры, такие же белые, как и тундра, едва различимая внизу, за помутневшим стеклом.

Курсовая черта на полетной карте прорезает градусную сетку все дальше и дальше на северо-восток, и ширококрылый золотистый «ИЛ» оставляет позади сотни километров пространства и часовые пояса. Большеземельскую тундру сменяют пловучие морские льды. Расцвеченные темными пятнами разводий, они кажутся с нашего «воздушного потолка» причудливой мозаикой гигантского «пола». Как не вспомнить тут, что Карское море, отделенное от теплого Гольфстрима скалистым барьером Новой Земли, звали в старину «ледяным погребом»!

В наши дни, когда волею партии и народа Северный морской путь осваивается прочно, на века, в Карском море начинается великая судоходная трасса, связывающая бассейн Атлантики с Тихим океаном, трасса, идущая вдоль всего северного побережья Азии.

Весной 1954 года тут, на острове Диксон, скрестились и воздушные пути в Центральную Арктику. Тремя отрядами идут советские авиаторы и ученые к высоким широтам, чтоб стереть с карты Северного Ледовитого океана последние белые пятна.

В район полюса, где под толщей океанских вод простираются горные цепи хребта Ломоносова, отправляются летный отряд Ивана Ивановича Черевичного и группа ученых во главе с магнитологом Михаилом Емельяновичем Острекиным. Пионеры исследования высоких широт Черевичный и Острекин вместе со своими спутниками продолжают работу, начатую еще накануне войны и широко развернутую в послевоенные годы. Множество «воздушных прыжков» совершат они по дрейфующим льдам близ полюса, исследуя глубины и течения океана, атмосферные и магнитные явления.

На Чукотку и к мысу Челюскину отправляются отряды Михаила Алексеевича Титлова и Ильи Спиридоновича Котова, чтобы оттуда высадить на дрейфующий лед высоких широт долговременные дрейфующие научные станции.

Большой грузовой склад, большая перевалочная база развернуты в эти дни на льду бухты Диксона. Тут и там штабелями сложены разборные каркасные палатки, газовые плитки и баллоны с газом, ящики со всевозможным оборудованием, помеченные условными знаками «СП-3» и «СП-4». И ранним утром, и в полдень, и поздним вечером можно встретить тут океанографа Алексея Федоровича Трёшникова и синоптика Евгения Ивановича Толстикова. Руководители будущих научных станций «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4» вместе со своими спутниками по предстоящему дрейфу внимательно сортируют грузы, заботливо следят за отправкой самолетов. Бывалые полярники, не один год проведшие на зимовках и в экспедициях, тщательно готовятся к сложной научной работе во льдах океана.

Командиры воздушных кораблей, сменив колеса на лыжи, «облетывают» новые шасси, механики проверяют их в воздухе и на прибрежном, пока еще неподвижном льду закрытой бухты. А скоро самолетные лыжи коснутся дрейфующих льдов в центре Северного Ледовитого океана.

Строго по графику улетают на восток, к Чукотке, флагманский корабль руководителя экспедиции, начальника Главсевморпути В. Ф. Бурханова и летный отряд Титлова вместе с группой Толстикова. Следом за ними через несколько дней стартует и отряд Котова с группой Трёшникова.

Под нами пловучие льды, полыньи, подернутые испарениями. В морозной дымке проплывают внизу редкие поселки полярных станций на пустынном побережье Западного Таймыра. Незаходящим солнцем долгого полярного дня встречает нас мыс Челюскин.

Илья Спиридонович Котов не задерживается и здесь. На двух головных машинах в паре с Петром Павловичем Москаленко, он уходит дальше, на север, за 85-ю параллель. Скоро оттуда, из только что созданного лагеря на дрейфующем льду, приходит первая радиограмма: «Льдина отличная, расчищаем площадку». На другой день там уже опускались другие машины, подвозя горючее для следующего «прыжка», в еще более высокие широты.

Нам довелось лететь в лагерь Котова с уже знакомым экипажем Федора Анисимовича Шатрова. Тяжело нагруженный «ИЛ» долго бежал по тундре мыса Челюскин, но оторвался легко и пошел ввысь так же быстро, как и несколько дней назад, когда мы покидали Москву. Но теперь под крылом были не дачные рощи в проталинах редеющего снега, а густо торошенные льды пролива Вилькицкого. Потом пролив затянуло туманом, и внизу открылись глетчеры Северной Земли.

Остатки древнего оледенения, свидетели юности нашей планеты, они скрывают под собой добрую половину обширного архипелага, превосходящего площадью такие европейские государства, как Бельгия или Голландия. Североземельским ледникам миллионы лет, а территория Северной Земли появилась на географической карте только в XX веке.

Правда, еще в конце прошлого столетия выдающийся географ и революционер П. А. Кропоткин, предсказав существование Земли Франца-Иосифа, писал также об «Архипелаге, который должен находиться к востоку от Новой Земли». За год до империалистической войны Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана открыла восточные берега

Илья Спиридонович Котов в пилотской кабине.

этого архипелага и подняла там русский национальный флаг. Но только Советская страна приняла новые земли в свое лоно. Нанесенные на карту в 1930—1932 годах нашим современником Г. А. Ушаковым, североземельские острова недаром носят гордые имена: Октябрьской революции, Большевик, Комсомолец, Пионер.

Сегодня, пролетая над ледяными куполами острова Большевик, мы с благоговением думаем о первых большевиках Арктики. Какого напряжения стоили им санные маршруты по нехоженой земле в пургу и полярную ночь! И как далеко за минувшее двадцатилетие шагнула научная мысль географов, как развились технические средства познания Арктики! От геодезической съемки земной поверхности — к всестороннему исследованию глубин океана. От собачьих упряжек — к мощным воздушным кораблям.

Но и Северная Земля остается у нас на юге. Мы летим уже над открытым морем к границам материковой отмели. Неподвижный береговой припай, похожий сверху на туго накрахмаленную скатерть, словно смят, разорван чьей-то могучей рукой. За мелководным морем Лаптевых, опресненным водами великих сибирских рек, начинаются океанские глубины. Титанически силен океан с его многоярусной мешаниной холодных и теплых вод, непрестанно движущихся между полюсом и экватором. В извечной тревоге и тесноте громоздятся друг на друга поля старого, многолетнего полярного пака. После сжатий тут и там возникают нагромождения торосов, причудливые изломы трещин. Сквозь дымку испарений бездонными окнами пучины чернеют полыньи.

Никогда ни один морской корабль не заплывал так далеко. А у советских воздушных кораблей тут уже есть своя обжитая стоянка, свой походный лагерь на льду.

Вот стрелка радиокомпаса, поплясав по циферблату, замирает на цифре нашего курса. И штурман Федор Андреевич Бурлуцкий, надев наушники, вслушивается в нарастающий гул. Это старый приятель Николай Алексеевич Богаткин, радист экипажа Котова, где-то внизу, на льду, нажимает на ключ. Командир корабля Шатров уверенно выводит «ИЛ» на радиопривод и через несколько минут уже слушает по радиотелефону распоряжения Котова о посадке.

На белом снегу чернеют куполы двух палаток, темнеют флажки посадочного «Т». Ярко рдеют под незаходящим солнцем красные чехлы на крыльях лыжных машин Котова и Москаленко. Третий самолет выруливает на старт и тотчас взлетает, ложась курсом на юг. Это «ИЛ» пилота Н. В. Мироненко. Он уже освоил новую трассу — прямо от Диксона к дрейфующему лагерю. И теперь Мироненко уходит уже во второй рейс, за следующей партией горючего и грузов.

Котов тепло приветствует выходящих из кабины на лед рослого Шатрова и невысокого Бурлуцкого:

— Ну, Федя-большой и Федя-маленький, принимайте вахту. А мы с Алексеем Федоровичем дальше пойдем.

— Да, пора уж и мне выбирать постоянное местожительство, — поддерживает рослый Трёшников, кажущийся сейчас особенно массивным в теплом полярном костюме,— пора, пора, Илья Спиридонович. На востоке-то Титлов с Масленниковым уж начали высадку группы Толстикова.

Не беда, что титловский отряд отделен от нас тысячами километров. Каждый день радио доносит вести оттуда, и мы от души радуемся первым успешным посадкам на лед Михаила Алексеевича Титлова и Виталия Ивановича Масленникова.

Вместе с Трёшниковым и Котовым мы отправляемся дальше на северо-восток, чтобы выбрать льдину для дрейфующей станции «Северный полюс-3».

Из всего личного состава будущей дрейфующей станции начальника сопровождает пока только кинооператор Евгений Павлович Яцун. Неутомимый летописец высокоширотных экспедиций, он еще в 1950 году провел несколько месяцев на дрейфующей станции «Северный полюс-2», использовав светлое летнее время для съемок. Сейчас у Евгения Павловича планы куда более обширные: задумана круглогодовая съемка в центре Арктики: и летом и зимой, в полярную ночь.

Первые кадры кинолетописи Яцун запечатлевает по пути, едва самолет Котова взлетает со льдины и ложится на курс. В просторной, вместительной кабине тесно, как в багажном вагоне. Тут и жилая палатка, и плитки, и баллон с газом, и ящики с продовольствием, и лопаты, ломы, пешни для расчистки льда. В полумраке, когда почти все узенькие окна кабины закрыты грузами, Яцун все же умудряется снимать. Подключившись к самолетному аккумулятору, он тянет за собой длинный кабель, держа в руках ослепительный софит:

— Посветите, друзья, пожалуйста.

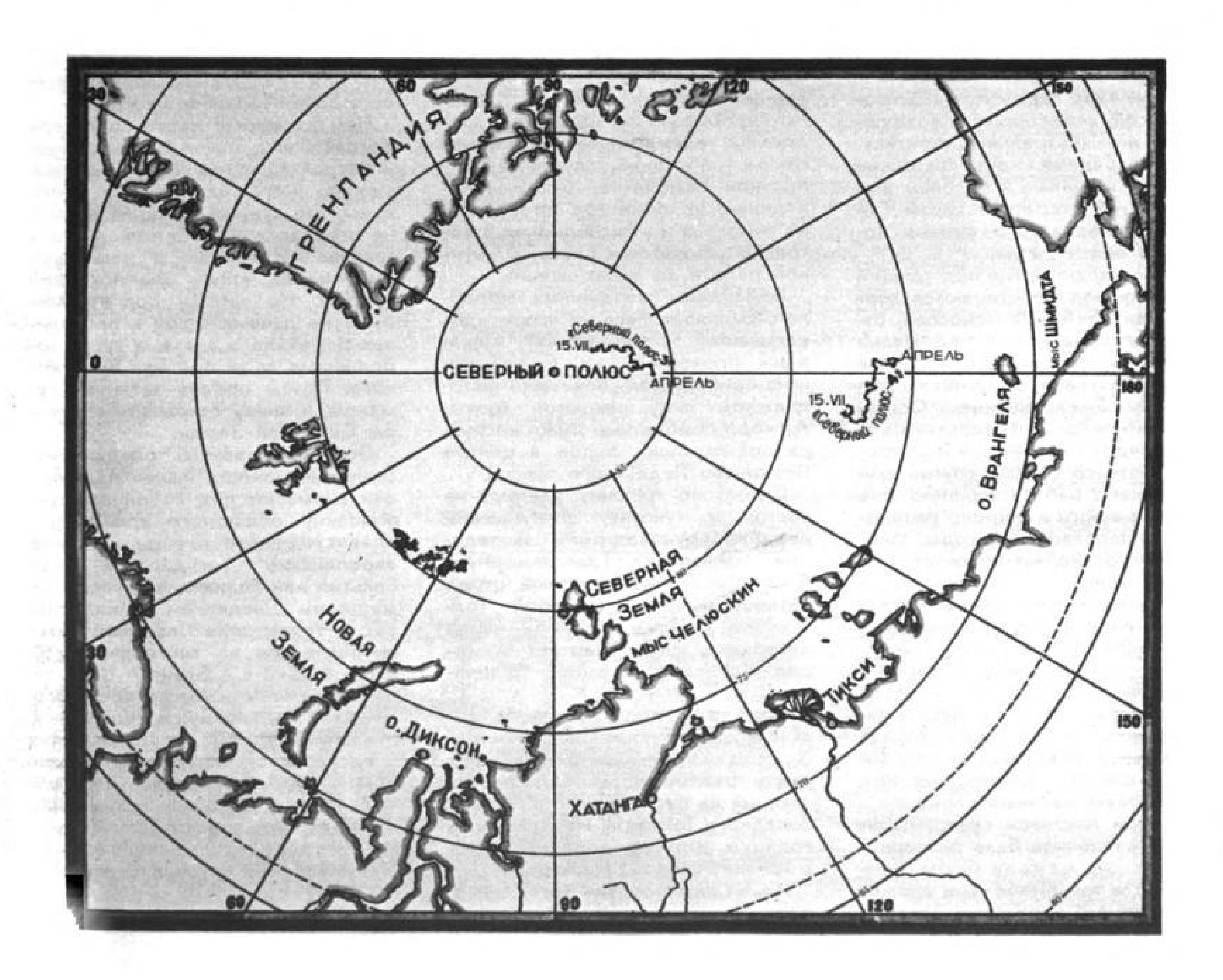
Лед под нами пока что неважный. Всюду, куда хватает глаз, тянутся белые ровные поля, прочерченные грядами торосов, испещренные частыми полыньями. Точно белые реки в темных берегах, разводья исчезают за горизонтом. Котов, поглядывая вниз, недовольно хмурится:

— Нет, не тот лед, не тот.

Полярники наметанным глазом сразу определяют возраст и прочность ледяного покрова океана. Поля, которые тянутся под нами вот уж четвертый час, конечно, вполне пригодны для посадки. Но как поведет себя этот молодой лед при очередном сжатии? Для будущего поселка научной станции, которой предстоит за год пересечь в дрейфе всю Центральную Арктику, нужно прочное, надежное основание. Нужен паковый массив — мощный, многолетний, спрессованный ветрами и морозами, уже выдержавший не одно сжатие, не одну подвижку льдов.

И мы терпеливо ищем такой массив. Михаил Фролович Шерпаков часто поднимается к стеклянному колпаку астролюка, чтобы взять секстантом высоту солнца. Потом он берется за логарифмическую линейку и, выписывая цифры, сверяет их с данными радиопеленгов, принятых радистом от береговых станций. Мы — в четырехстах примерно километрах от Северного полюса, близ 180-го меридиана, разделяющего Восточное и Западное полушария. Тут намечено высадить дрейфующую станцию.

Сменяясь у штурвала, Котов и Пименов ведут самолет на неболь-

шой высоте, ломаным курсом. Галс за галсом мы «утюжим» воздух, внимательно приглядываясь ко льдам.

— Нашли! — восклицает вдруг Трёшников, наклоняясь над ветровым стеклом.

— Как вам сказать, Алексей Федорович,— недоверчиво щурится Котов,— массивчик, конечно, подойдет вам для жилья. А садиться тут мудрено.

Белая поверхность под нами выглядит, как застывшие волны. Паковый массив продолговатой формы, видно, дрейфует уж не первый год и хорошо выдерживает натиск окружающих его молодых льдин. Летние оттепели и зимние ветры порядком сгладили бугристую поверхность пака. На месте былых торосов виднеются пологие возвышенности — «лбы», как их называют полярники. Да, опуститься сюда на тяжелой двухмоторной машине можно только с риском аварии.

Котов и Трёшников решают продолжать поиски. Но вот на исходе уже шестой час полета, но ничего другого, более подходящего мы не видим.

— Как хотите, Илья Спиридоныч, а придется возвращаться к тому массиву. Отличное поле, кондовое эдакое, лучше нам не найти,— настойчиво повторяет Алексей Федорович.

— Что ж,— подумав, соглашается Котов,— вернемся, пожалуй. Только площадочку для нашей посадки придется искать где-нибудь по соседству. И грузы ваши, Алексей Федорович, волей-неволей будем возить с перевалкой, вроде как от вокзала в город.

Посмеявшись, друзья пришли к выводу, что в общей сумме транспортных расходов экспедиции еще одна перевалка грузов по дрейфующему льду не будет уж такой накла́дной. И Котов быстро нашел ровную льдину для посадки километрах в девяти от пакового массива.

Сколько раз ни высаживайся на дрейфующий лед, всегда это связано с тревожным ожиданием. Как поведет себя зыбкая ледяная кора, когда ее коснутся тяжелые лыжи? Сверху кажущаяся такой устойчивой, она может быть недостаточно прочной, и тогда, едва прикоснувшись ко льду, многотонная стальная машина навсегда исчезнет в пучине океана. В какой бинокль разглядеть с высоты припорошенные снегом трещины, крутые надувы и острые заструги, чьи очертания скрадывает слепящий свет солнца?

Но, видимо, годы опыта сообщают глазу полярного летчика какую-то особую, сверхчувствительную зоркость. Тщательно оглядев льдину, Илья Спиридонович ведет машину на снижение, и вот уже торосы, сразу став огромными, стремительно проносятся под нами, сверкая острыми голубыми гранями. Развернувшись против ветра, Котов идет на посадку, и резкий гудок из пилотской кабины предупреждает всех нас: «Внимание! Не двигаться! Сидеть по местам!»

Толчок... Второй... Третий... Лыжи скользят все медленнее, и безвестное ледяное поле, на которое мы только что с опаской поглядывали с высоты, становится нашим пристанищем, домом. Открыв дверь кабины, мы спускаем трап, сходим на лед и сразу же волчком вертимся вокруг стального бура, просверливая лед.

— Толщина в самый раз,— торжествует Трёшников, вытягивая из отверстия рейку, мокрую от морской воды. Сияя, он обнимает Котова.

— Ну, спасибо, отец-командир. Такой лед любую машину выдержит.

— Выдержать-то выдержит,— нехотя соглашается Котов,— да разровнять, пригладить малость не мешает ледок, а то как бы не сковырнулись тут наши «ИЛы».

И командир первый выносит из кабины увесистую пешню. Мы все следуем его примеру, и в следующие два—три часа весь экипаж добросовестно выполняет работу, хорошо известную дворникам. Прошагав льдину из конца в конец, разметив флажками посадочную полосу, мы скалываем неровности льда, разравниваем надувы и заструги.

«Без устали»? Нет. Не решусь воспользоваться этим ходячим выражением. В тяжеленных, крытых брезентом ватных костюмах, в меховых унтах мы обливаемся потом. Темные очки, непрестанно покрываясь испариной, леденеют на тридцатиградусном морозе. Пешни и лопаты с каждым новым взмахом все более тяжелеют, а на льду все еще немало бугорков, холмиков, рытвин. Котов и Трёшников, равномерно взмахивая ломами, идут вперед, то и дело оглядываясь, возвращаясь. С придирчивостью контрольных мастеров они осматривают каждый квадратный метр расчищенной нами поверхности. Да, у пилота и ученого — Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда — большой опыт в этом нехитром, но весьма трудоемком и важном деле.

Ну, кажется, все!.. Волоча за собой лопаты, пешни и ломы, мы плетемся к самолету, над которым пляшет по ветру картонный змей походной антенны.

Радист Богаткин уже «вышел в эфир» — наладил связь и с Большой Землей и с другими дрейфующими лагерями.

До отдыха еще далеко: надо собирать палатку, монтировать газовую плитку и баллон, заготовлять снег, чтобы, перетопив его, обеспечить себя водой для умывания, чая, обеда. Мы хозяйничали, как умели, когда от взлетной полосы к палатке подошел взволнованный механик Валентин Николаевич Ананьев.

— Видел след песца,— заявляет он категорически.

Мы сначала не верим. Но Валя клянется и божится, пока все мы гурьбой не устремляемся за ним. И действительно, близ торосов видны отпечатки лап, непохожие на следы наших унтов и на полосы, оставленные самолетными лыжами.

— Песец, безусловно, песец,— подтверждает Котов,— а песцы, как известно, всегда сопровождают медведей. Значит, надо нам, друзья, глядеть в оба.

И он тут же составляет список дежурных по лагерю, самолично проверяет заряды в карабине.

Но у медведей, бродивших где-то по соседству, были, видно, свои заботы. И мы трое суток прожили спокойно, без стрельбы. Возможно, извечным хозяевам дрейфующих льдов стало не по себе от шумного появления новых жителей: у нас то и дело стрекотал движок радиостанции, ревели самолетные моторы.

Что греха таить, изрядно поволновались мы, принимая самолет Мироненко, привезший нам горючее. Но Николай Васильевич сел молодцом и, подрулив к лагерю, вышел из кабины довольный, улыбающийся. Пока мы выкатывали из «ИЛа» бочки по круто поставленным наклонным доскам, гости с Большой Земли пили чай и закусывали в нашей палатке. Закусив и отдохнув, поблагодарили за угощение и улетели обратно.

Провожая Мироненко, мы шутили:

— Что ж, вокзал начал работать, а города все еще нет.

— В город поедем на такси,— сказал Трёшников, когда на другой день у нас опустилась одномоторная машина «АН-2».

Колхозникам и сельским врачам хорошо знакомы такие самолеты. Их можно встретить и над посевами, и над фруктовыми садами, и в бездорожных районах, где они оказывают медицинскую помощь. Летчик Михаил Протасович Ступишин уверенно провел свой «АН-2» полторы тысячи километров над дрейфующими льдами.

— Прелесть, что за стрекоза! — любовался Котов легким бипланом, который после посадки не пробежал и полусотни метров.— На такой стрекозе куда угодно можно лететь.

Девять километров над торосами и разводьями — короткую воздушную дорогу от «вокзала» до будущего «города» — наше «такси» пролетело в считанные минуты. Но, опустившись на волнистую поверхность пака, биплан прыгал и дребезжал, как тарантас на ухабах. И снова Трёшников и Котов бурили лед, измеряли поле в ширину и длину. Многолетний паковый массив, прежде детально осмотренный с воздуха, теперь исследовался почти на ощупь. И снова авиатор и ученый остались довольны своим выбором.

— Значит, можно тут строиться, хозяин? — спрашивал Котов на обратном пути в кабине воздушного такси.

— Убежден, что можно,— отвечал Трёшников. — Лучшего поля здесь не найдешь. Вот покажем Василию Федотовичу, согласится он с нашим выбором, — тогда и заложим городок.

Василий Федотович Бурханов тем временем уже дожидался возвращения Котова и Трёшникова на ледовом «вокзале». Флагманский «ИЛ» только что опустился в нашем лагере.

Москва — Дрейфующая научная станция «Северный полюс-3».

«Ну, ледок разровняли. Теперь можно и отдохнуть!» Слева направо: Герой Социалистического Труда А. Ф. Трёшников, пилот А. Н. Пименов и Герой Советского Союза И. С. Котов только что закончили расчистку посадочной полосы на дрейфующей льдине.

Туристы в горах Заилийского Ала-Тау.

В горах Тянь-Шаня среди обрывистых скал и узких расщелин, по крутым склонам и глубоким ущельям вьются тропы — это маршруты туристов и альпинистов, дороги к снежным вершинам и вечным ледникам. Они не обозначены на обычных географических картах, их знают только любители горного спорта.

Этим летом в горах Заилийского Ала-Тау пролягут новые пути-маршруты. Они доведут туристов к подножию ледника Титова, к Туюк-Суйским воротам, вырезанным среди гранитных вершин когда-то сползшим ледником, к Мохнатой сопке, на альпийские луга.

В красивейших местах близ столицы Казахстана — Алма-Аты—созданы туристские базы новых маршрутов.

Целый городок белых палаток разбит на берегу быстрой горной реки Малая Алматинка. Здесь начинается путь по маршруту «65» — в горные сады и альпийские луга. Высоко в горах, в ущелье, которое замыкают скалистые вершины и мощные ледники, под широкими ветвями вечнозеленых елей раскинулся туристский лагерь Горельник. На берегу высокогорного озера Иссык возвышается недавно отстроенная красивая и благоустроенная третья туристская база.

Опытные инструкторы, мастера спорта поведут туристов в походы по новым маршрутам.

Более трех тысяч спортсменов побывает за лето в горах Заилийского Ала-Тау.

В. ЛАВРОВА

Слет туристов и альпинистов в ущелье реки Малая Алматинка.
Фото А. Бахвалова.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПУТЕШЕСТВИЙ

У заставы Ильича в Москве среди других домов затерялся двухэтажный домик — клуб любителей дальних путешествий. Фасад его украшен эмблемой: на фоне палатки и компаса выписаны три буквы — ТЭУ — туристско-экскурсионное управление.

По вечерам сюда сходятся инструкторы, туристы. Они заходят в свою библиотеку, где собраны уникальные книги по туризму, брошюры, альбомы, маршрутные карты, или «маршрутки», как называют туристы своих неизменных «спутников» по трудным переходам и восхождениям.

Над столом склонился молодой человек с университетским значком на пиджаке. Он внимательно «читает» лежащую перед ним карту. Это учитель логики и психологии 46-й школы Кирилл Николаевич Волков. Еще в университете он стал туристом и теперь готовится к путешествию с группой молодых педагогов.

— Я пять раз бывал в этом районе, но впервые пройду по такому интересному маршруту,— рассказывает Волков.— Мы начнем поход с Домбайской поляны, преодолеем перевал, минуем долину реки Аксаут, побываем на Красной горе — месте героических боев Советской Армии с фашистами,— пройдем через поселок лесорубов Архыз с его богатыми историческими памятниками и, наконец, познакомимся с Сухумской ГЭС...

Совсем недавно от туристов-автозаводцев пришло в клуб сообщение о том, что у них открывается лагерь в Лисицыном бору Калининской области. Приглашали к себе спортсмены общества «Медик» — их лагерь раскинулся в горах Алтая.

...Однажды (это было в 1950 году) лучших спортсменов Московского электролампового завода — футболиста Василия Агафонова, легкоатлета Леонида

Старейший турист страны заслуженный мастер спорта Н. М. Губанов отправляется в поход вместе с молодежью.
Фото А. Бочинина.

Аверина и штангиста Юрия Пронина — премировали туристическими путевками на Карельский перешеек.

Путешествие было им в диковину, и отправлялись они неохотно...

Прошло немногим больше месяца, и на заводе уже знали о «походе трех». Расспросам не было конца...

Минуло 3 года. За это время ряды любителей путешествий выросли на заводе с трех до трехсот. В прошлом году туристы на плотах пересекли Телецкое озеро. Поход не из легких! А сколько километров исхожено по Подмосковью!..

Этим летом группа рабочих и служащих электролампового завода под руководством электромонтера Алексея Ивина проводит свой отпуск на Московском море и на Волге. И вот сейчас они пришли в клуб, чтобы взять напрокат шлюпки, палатки и другое походное снаряжение.

Частые гости клуба — туристы Московского университета. Следуя старой студенческо-туристской пословице «сессия не за горами, но горы за сессией», они давно начали готовиться к путешествию. И когда осенью они вернутся в свои просторные студенческие аудитории, то будут еще долго вспоминать прозрачную чистоту горного утра, зеленые берега рек, широту полей, бивуаки в тайге и чай с «дымком» возле уютного костра.

Б. БАЗУНОВ

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Верность теме

Борис Галин верен своей теме. Почти все его творчество — это вдохновенный рассказ о Донбассе. Новую книгу Галина, «Чудесная сила», хочется назвать, пользуясь выражением одного из ее героев, одой о механизации.

Везде и во всем писатель рядом со своими героями, вместе с ними — вот ощущение, едва ли не самое отчетливое из всех, какие испытываешь, читая книгу. Такая близость могла возникнуть лишь при доскональном знании материала и пристальном его изучении. Невольно сравниваешь труд автора с работой исследователя, шаг за шагом приближающегося к открытию.

Так, в «Чудесной силе» Галин «открыл» нам замечательного человека — Алексея Ивановича Бахмутского. Простой горный механик, он был создателем первого угольного комбайна. Весь Донбасс знал этого талантливого конструктора-самородка, «человека активного настроения». Бахмутский и сам считал и другим доказывал: «Если и есть на свете что-либо наиглавнейшее, так это — горная механика».

Бахмутский погиб еще в 1939 году. Но смелая творческая мысль создателя комбайна «Б-6-39» живет и в нынешних, усовершенствованных конструкциях, а биение беспокойного сердца Бахмутского можно и сегодня услышать и в шахте и в конструкторском бюро.

И вот Бахмутский оказался в строю, рядом с людьми, близкими ему по силе, по духу, по полету мысли: с Гуриным, Гвинерией, Курасовым, Мишей Федоровым. В этом строю не только конструкторы и инженеры. Сила очерков Галина еще и в том, что в них с равным вниманием, с равным п о н и м а н и е м и уважением описан труд таких, как, например, Паня Бирюлева — учетчик социалистического соревнования. Ее так и зовут на шахте — Винтик. Эта маленькая быстрая девушка с тетрадкой подмышкой и счетной линейкой, торчащей из кармашка спецовки, — неотъемлемая, органическая частица чудесной силы, о которой написана книга. Сила эта — люди, делающие общее дело, живущие общими интересами и стремлениями.

Ни в одном из очерков, составивших книгу, мы не встретим мимолетного героя, тотчас исчезающего из памяти, так называемого «второстепенного персонажа». Одни герои переходят из очерка в очерк и потому постоянно остаются в поле зрения читателя, другие (врач Иван Севастьянович, или архитектор Ксения Андреевна, или «привыкший жить по команде» Дорофеев) встречаются очень редко или даже только однажды, но и они отнюдь не статисты. Это тем более отрадно, что в нашей очерковой литературе еще слишком часты серые, скучные персонажи, призванные лишь иллюстрировать тот или иной производственный факт.

Почти в каждом очерке Галина появляется новый герой, но уже после одной — двух страниц рассказа о нем его не спутаешь ни с кем другим. Как лаконично, скупо, но в то же время выразительно даны в очерке «Громиков и Курасов» два характера: словоохотливый, веселый, обаятельный Андрейка и сдержанный, несколько даже отчужденный, замкнутый конструктор Курасов, живущий идеей «крупного скола»!

Или Каращук. В сущности говоря, этот конструктор уже после первых очерков был выведен автором за пределы действия и в дальнейшем лишь кратко упоминается в рассказе о других героях. Но его характер вырисовывается очень ясно.

Каращук не довел до конца ни одной из спроектированных им машин. Он считал доводку машины, ее корректировку, проверку в шахте черной работой, уделом тех, у кого «нет крыльев». Это барство и привело к тому, что талантливый, смелый искатель, подобно своим незавершенным конструкциям, как бы покрылся ржавчиной и стал бесполезным.

Большая и несомненная удача Галина — образ штатного пропагандиста Пантелеева. Он проходит через всю книгу, и светом его ума, пытливой, по-горьковски широкой души освещен каждый очерк. Стиль пантелеевской работы — не «дежурные» доклады и беседы, предшествующие той или иной политической кампании. Пантелеев — пропагандист по призванию, в пропаганде смысл его жизни. Непрерывное тесное общение с людьми, интерес к их труду, к их мечтам, планам — вот особенность Пантелеева. Он постоянно «шукает добру людыну»: такие люди именно и являются для него средством пропаганды — самым верным и самым ярким средством.

Люди сами идут к Пантелееву, не сговариваясь, собираются вокруг него, ждут его рассказов о «завоеванном и записанном», о первых днях ударничества или о Сталинградском тракторном, о Горьком или вообще о жизни... Его так и зовут — Пропаганда. «Привет, Пропаганда!», «Как дела, Пропаганда?» И в этом обращении тоже слышится уважение к своему «штатпропу» за то, что он сумел оказаться в самом ядре большого коллектива, завоевать доверие и любовь.

В книге Галина мы встречаем множество интереснейших людей старшего поколения, таких, как «командир общественного мнения» старый рабкор Герасим Иванович Приходько, свято верящий в силу печатного слова и, в частности, в силу своей «стенновочки» «Горняк». Колоритна фигура Варвары Бирюлевой, почетной шахтерки. Запоминается и Дионисий Петрович Степанченок, которого за беспокойный творческий ум все называют Догадкой...

Герои Галина часто обращаются ко всякого рода литературным ассоциациям и цитатам. Это весьма характерно для авторской манеры. Но порой органической необходимости в обращении к литературным источникам не ощущается. Примерно то же следует отметить и в речи героев. Сама по себе она, живая и выразительная, соответствует характерам и темпераментам героев. В ней встречаются и великолепные находки. Но, почувствовав особенную удачу того или иного выражения, автор злоупотребляет им, и в конце концов острое слово или меткая фраза утрачивает свою свежесть.

В. ОСТРОГОРСКАЯ

Борис Галин. Чудесная сила. Очерки. «Советский писатель». М. 1954. 503 стр.

Новый документ об адмирале Ушакове

Год рождения адмирала Ф. Ф. Ушакова, как известно, не был до сих пор установлен и указывался приблизительно, чаще всего в пределах 1744—1745 годов. Гораздо определеннее решался вопрос о месте рождения адмирала: с легкой руки его первого биографа Р. Скаловского Ушаков был объявлен уроженцем деревни Алексеевки, Темниковского уезда, Тамбовской губернии, хотя данных для этого не было никаких. Кроме того, Р. Скаловский внес в биографию Ушакова ряд довольно ярких подробностей, которые последующие его жизнеописатели вынуждены были повторить. Между тем все эти «тамбовские» детали, включая охоту юного Ушакова на медведя под руководством деревенского старосты, оказываются легендарными. Дело в том, что ни отец Ф. Ф. Ушакова, ни он сам не имели никакого отношения к деревне Алексеевке в описываемое Р. Скаловским время: деревня эта, вопреки традиционной версии, никогда не была родовым имением Ушаковых и, по меньшей мере до конца 1767 года, даже не принадлежала им.

По данным 3-й ревизии (переписи податного населения) по Темниковскому уезду за 1761—1767 годы, деревня Алексеевка и числившиеся в ней одиннадцать душ крестьян «мужеска пола» показаны принадлежащими темниковскому секретарю Алексею Мыльникову. С другой стороны, существует не менее достоверный архивный документ — подлинная родословная Ушаковых, где их родовым имением названо сельцо Бурнаково, но совсем не в Темниковском, а в Романовском уезде, Ярославской губернии. Из этого же документа мы узнаем, что у адмирала Ушакова было три брата — Иван, Степан и Гаврила — и что с одним из них, Степаном, он, семи лет от роду, являлся на «первый смотр».

В те времена дворянские недоросли по достижении семилетнего возраста должны были являться в Петербурге и в Москве в герольдмейстерские конторы Сената, «сказывать свои лета» и объявлять, кто чему учился, где служили предки и т. д. Недорослей записывали в книги и отпускали до двенадцати лет, то есть до второго смотра, на который следовало являться уже умеющими читать и писать. Тут делали им «разбор» и определяли в военную или в гражданскую службу. В Центральном государственном архиве древних актов нам удалось разыскать «сказку» (показание) недоросля Федора Ушакова за его личной подписью (автографом), отобранную от него в Герольдмейстерской конторе Сената за неделю до его поступления в Морской корпус. Документ этот по своему исключительно интересному и богатому новыми данными содержанию превосходит всю документацию ранней биографии Ушакова, известную до сих пор.

Приводим текст этой «сказки»:

«1761 года февраля 7 дня по указу ее императорского величества Правительствующего Сената в Герольдмейстерской конторе недоросль Федор Федоров сын Ушаков явился по второму смотру и показал: от роду ему девятый год, грамоте российской и писать обучен, на первом смотре был в 759 году марта 12 дня Правительствующего Сената в конторе у герольдмейстерских дел и по желанию для обучения российской грамоте читать и писать со основанием отпущен в дом до указных двенадцати лет, то есть, 1764 году до марта месяца; предки ево ис каких чинов были и в какой службе находились, о том значит в производимом в Герольдмейстерской конторе в прошлом 1758 году о брате ево двоюродном Александре Силине сыне Ушакове деле имянно, а отец ево, Федор Игнатьев сын Ушаков, служил лейбгвардии в Преображенском полку солдатом и отставлен сержантом, а ныне живет в доме своем в Романовском уезде; крестьян за отцом ево в том же Романовском уезде двадцать душ. Желает де он, Федор, в Морской кадетской корпус в кадеты; а показанные крестьяне предков его родных; а на дворянство предков ево герба и на деревни жалованных грамот он не имеет, а более о дворянстве своем, в силу Табели о рангах 16 пункта, доказать чем не знает, а что подлинно он такой человек, как о себе показывает, во свидетельство подпишется ниже подписавшейся

К с е й с к а с к е н е д о р о с л ь Ф е д о р Ф е д о р о в с ы н У ш а к о в р у к у п р и л о ж и л...»

Собственноручная подпись восьмилетнего Ушакова абсолютно грамотна. Кажется даже, что она сделана вполне взрослой рукой. Но текст этого замечательного документа убеждает нас в обратном. Оказывается, Федор Ушаков явился на первый смотр в семилетнем возрасте (что согласуется с упомянутой ранее родословной) и был отпущен «для обучения российской грамоте» на пять лет, то есть до 1764 года. Выдающиеся способности позволили ему обучиться грамоте гораздо раньше положенного срока — в два года — и явиться на второй смотр вне очереди, имея от роду неполных девять лет.

И наконец — важнейшая подробность: из публикуемого документа явствует, что отец адмирала жил «в доме своем в Романовском уезде», как видно из контекста, и в 1761 году и до того. Разумеется, при Федоре Игнатьевиче жил и его сын Федор. В Романовском уезде он и родился, судя по выписке из дела Адмиралтейств-коллегии, помещенной в сборнике документов «Адмирал Ушаков» (Военно-Морское изд-во, М., 1951, т. 1, документ № 2, стр. 16). В этой выписке местом рождения Ф. Ф. Ушакова назван город Романов, что, конечно, в данном случае означало не самый уездный город, а лишь находящийся в этом уезде пункт.

Таким образом, тамбовское происхождение адмирала Ушакова оказывается вымышленным, да и аргументов в пользу такового, в сущности, нет.

Деревню Алексеевку надо считать поздним приобретением Ушаковых. Что же касается местной легенды о ранних годах жизни знаменитого адмирала, то легенду эту, видимо, создали монахи соседнего Санаксарского монастыря, где Ушаков погребен.

Вопрос о дате его рождения также заново решается благодаря новому документу, позволяющему установить для нее 1752 год. Основанием для прежней датировки (1744 и 1745 годы) служили выписки из формулярных списков Ф. Ф. Ушакова 1768 и 1788 г., а также копия указа о его отставке, последовавшей в 1807 году. Мы не знаем, при каких обстоятельствах и по какой причине в первом из этих списков Ушакову в 1768 году показано 24 года, тогда как ему должно было быть только 16 лет. Но дело, быть может, обстояло просто: нельзя забывать, что все три источника известной до сего времени датировки вышли из канцелярии Адмиралтейств-коллегии, где могла иметь место первоначально допущенная ошибка, которая из формулярного списка 1768 года перешла затем в документы последующих лет.

Г. ШТОРМ

Из книги «Страницы морской славы», выходящей в Военном издательстве Министерства обороны Союза ССР.

Коротко о книгах

Значительная часть произведений, включенных в сборник избранных повестей и рассказов Елены Богушевской и Ежи Корнацкого, выпущенный Гослитиздатом, объединяется общей темой: они знакомят читателя с жизнью простых людей предвоенной Польши в пору растущей безработицы.

В повести «Эти люди», впервые появляющейся на русском языке, Е. Богушевская раскрывает перед нами двери деревянных бараков в предместье Варшавы, где живут семьи безработных. Постоянная нужда, бесплодные поиски работы, отсутствие какой бы то ни было надежды на будущее приводят безработную Яблоньскую к самоубийству. Один за другим теряют работу молодые, здоровые парни — братья веселой Броньци, и вот все они вынуждены жить на жалкие гроши, которые та зарабатывает на поденщине. Повесть написана очень скупым языком, но даже в маленьком факте автор умеет показать многое. У портного долго не было работы. Наконец он получает большой заказ, над которым придется трудиться всю ночь. И жена портного счастлива, она готовится к этой бессонной ночи, «как к ночи блаженства».

Несмотря на всю безотрадность изображаемой ими жизни, писатели не впадают в пессимизм. Их героям знакомо «чувство локтя», крепкая дружба помогает этим людям переносить невзгоды. Вот перед нами группа мальчиков — подмастерьев, будущих портных, героев повести Корнацкого «Глаза и руки», переведенной на русский язык впервые. Оставшись без работы, они организуют свою мастерскую. У них может не оказаться заказов; возможно, им, чтобы собрать несколько грошей, придется играть по дворам на гитаре или мандолине, но они смело смотрят в будущее, говоря: Мы будем всегда вместе.

О росте революционной борьбы в массах рассказывает уже известная советскому читателю повесть Богушевской и Корнацкого «Везут кирпич».

Впервые познакомится читатель с рассказом Е. Богушевской «Катюши» бьют». Заново переведен для сборника ее же рассказ «Дануся».

Н. ЦВЕТКОВА

СЕДЬМАЯ ВСТРЕЧА

Сцена

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Действующие лица: Он. Она. Официант. Пожилой официант. Метрдотель. Танцор.

Вечер. Ложа летнего ресторана. Звучит танцевальная музыка. Официант, с которым только что рассчитались покинувшие ложу гости, пересчитывает деньги и сверяет что-то по счету. Затем он начинает приводить в порядок стол. Захватив с собой поднос, заставленный грязной посудой, официант выходит. В ложу в сопровождении Метрдотеля входят Он и Она. Ему на вид лет двадцать семь. У него привлекательная внешность. Держит себя непринужденно. Она моложе своего спутника. В отличие от него она чувствует себя несколько неловко в необычной обстановке. У нее милое лицо неизбалованной девушки. В руках у нее книга.

Он. Леночка! Вам здесь нравится?

Она (смущенно). Олег, мне, право, все равно!

Метрдотель. Можно организовать отдельный столик в общем зале, будьте любезны!

Он. Нет, нет! В общем зале у вас шумно и тесно...

Метрдотель. Ресторан сегодня первый день работает. Опять же оркестр... Танцы в зале... Я полагаю, здесь вам будет спокойнее посидеть, культурно отдохнуть, будьте любезны!

Он. Ну так как же, Леночка? Останемся здесь?

Она. Да, конечно.

Оба садятся.

Метрдотель (протягивая меню). Чем прикажете угостить? Что будете кушать?

Он (вертит в руках меню). Мы будем есть пломбир.

Метрдотель (записывает). Два пломбира. Пить ничего не будете? Вино? Шампанское?

Она. Нет. Мы пить ничего не будем.

Он. А может быть, возьмем бутылочку шампанского? Леночка! Давайте уж посидим как следует! Сегодня ведь у нас знаменательная дата, почти юбилейная! (Метрдотелю.) Бутылку полусухого, и похолодней.

Метрдотель. Не извольте беспокоиться: заморозим, будьте любезны.

Он. Вы нас будете обслуживать?

Метрдотель. Нет. Я гостей не обслуживаю. Я передам ваш заказ официанту.

Он. Ах так?.. Ну, хорошо... Только проследите, чтобы там особенно не задерживали.

Метрдотель. Не извольте беспокоиться, будьте любезны! (Исчезает.)

Он кладет свою руку на ее руку, лежащую на скатерти.

Он (нежно). Лена!.. Леночка вы моя! (Помолчав.) Ну?..

Она (улыбаясь). Что «ну»?

Он. Вы знаете, кто я такой? Я самый счастливый человек на свете! Счастливее меня нет сейчас никого в этом городе! И даже на целой земле!

Она (смущенно улыбаясь). Чем же вы так счастливы?

Он. Тем, что я могу какое-то время быть рядом с вами, смотреть на вас, слушать ваш голос и исполнять любое ваше желание...

Она. Одного моего желания вы уже не исполнили.

Он. Какого, Леночка?

Она. Я не хотела идти в ресторан, а вы меня затащили сюда.

Он. Против вашего желания?.. Верно... Упросил... Уговорил... Да! Я виноват! Виноват... Но, поймите меня, мне так хотелось побыть с вами в каком-нибудь таком месте, где бы играла музыка, где бы мы могли сидеть друг против друга, говорить обо всем, обо всем!.. Вот так, как сейчас... Разве вам здесь не нравится?

Она. Нет. Здесь, правда, очень мило.

Он. Я знаю, что вы не любительница ходить по ресторанам, а потом, вероятно, домашние...

Она (перебивая). Нет, домашние здесь ни при чем. Я уже достаточно взрослая для того, чтобы бывать там, где я хочу, но я просто сама не люблю... Ну, что хорошего? Пьяные... и вообще... Не люблю! Я чувствую себя в этой обстановке как-то не на месте.

Он. И сейчас тоже?

Она. Нет. Сейчас как будто нет.

Он. Скромница вы! Вот вы кто!

Она. Вовсе нет.

Он. Еще какая скромница! Вы знаете, я первый раз в своей жизни встречаю такую девушку, как вы. Честное слово, вы уникум!

Она (улыбаясь). Чем же я уникум?

Он. Всем своим существом! Одеваетесь вы скромно. Не краситесь.

Она. Что еще?

Он. Увлекаетесь литературой, живописью, музыкой, театром.

Она. Что же тут особенного? Это же интересно.

Он. О! Далеко не все девушки придерживаются ваших взглядов. Многие из них в вашем возрасте увлекаются больше танцами. Пустая, шумная компания им гораздо интереснее, чем хороший концерт.

Она. Есть, конечно, и такие.

Он. Все равно вы, Леночка, представляете собой редкое исключение. Подумать только! Мы познакомились полгода назад, а виделись всего только шесть раз! Шесть раз за полгода!

Она. Сегодня седьмой!

Он (проникновенно, с грустью). Я с ужасом думаю о том, что вот кончится сегодняшний вечер, я провожу вас до дверей вашего дома, вы, как всегда, не разрешите мне зайти к вам... Лена! Обещайте мне, что наша восьмая встреча не за горами! Обещаете?

Она. Обещаю.

Он (после паузы). Вы знаете, Леночка, как я живу последние полгода?

Она. Нет, Олег, не знаю. А как вы живете?

Он. Хотите, я вам расскажу?

Она. Расскажите.

Он. Впрочем, не сейчас. Это особый рассказ. Мы нальем по бокалу шампанского, чокнемся, и я... словом, я расскажу вам то, что я могу рассказать только вам...

Она (смотрит на часы). Олег! Вы не забыли? Вам нужно было позвонить куда-то в десять часов. Сейчас пять минут одиннадцатого.

Он (вспомнив). Да, да... Совсем вылетело из головы... (Встает.) Вы разрешите?

Она. Конечно. Я же вам сама напомнила.

Он выходит. Некоторое время **Она** сидит одна, просматривая книгу. На пороге ложи появляется **Танцор** — один из завсегдатаев ресторанов.

Танцор (нарочито вежливо). Прошу извинения! Разрешите пригласить вас...

Она (с удивлением). Куда?

Танцор. На вальс-бостон.

Она. Благодарю вас. Я не танцую.

Танцор. Вы не танцуете? Почему?

Она. Не умею.

Танцор. Трудно этому поверить.

Она. Ничем не могу вам помочь.

Танцор (сладко улыбаясь). Может быть, организуем попытку?

Она (сердито). Я сказала, что не танцую!

Танцор. Значит, категорически?

Она. Я все сказала.

Танцор. Простите. Ошибся. И разошлись, как в море... пароходы. (Исчезает.)

В ложу входит **Официант.** В руках у него поднос с заказом. Подняв голову и увидев официанта, она вдруг стремительно поднимается со своего места.

Она (смутившись). Как?.. Разве ты здесь?

Официант (с подносом в руках). Да, с сегодняшнего дня. Перевели сюда на все лето. (Ставит поднос на угол стола.)

Она (растерянно). Я не знала...

Официант. А ты с кем?

Она. Я... я потом тебе все объясню...

Официант (накрывает на стол). Я его знаю?

Она (не отвечая на вопрос). Мы сейчас пересядем... Нет, мы лучше уйдем отсюда! (Берет со стола книгу.)

Официант. Не беспокойся. Я сделаю так, что вас обслужит другой. (Выходит.)

Она стоит в нерешительности, затем садится. Входит **Он.**

Он. Насилу дозвонился. Занято было... (Садится.) Леночка! Что с вами? Вы чем-то взволнованы?

Она. Нет. Нисколько.

Он (с тревогой). Но я же вижу, что вы взволнованы! Что-нибудь произошло?

Она (пытаясь улыбнуться). Ничего, если не считать, что какой-то гражданин настойчиво уговаривал меня пойти с ним танцевать.

Он. Он оскорбил вас?

Она. Он был немного назойлив, но все окончилось вполне благополучно: я ему отказала, и он исчез.

Он. И все же вы разволновались. Не надо было мне оставлять вас одну!

Оба молча едят пломбир. Появляется **Пожилой официант.** Она взглянула на официанта и успокоилась.

Пожилой официант. Ничего не потребуется?

Он. Откройте шампанское.

Официант открывает шампанское. Разливает по бокалам. Ставит бутылку в лед.

Пожилой официант. Будут еще заказы?

Он. Пачку папирос и спички.

Пожилой официант. Какие разрешите?

Он. «Казбек». Если нет «Казбека», то любые в эту же цену.

Официант выходит.

Метрдотель (заглядывая в ложу). Вас не обижают?

Он. Все в порядке.

Метрдотель. Будьте любезны! (Исчезает.)

Она (после паузы). Олег! Вы хотели что-то рассказать мне.

Он. Вы знаете, меня огорчила вся эта история с приставшим к вам нахалом. Честное слово, эдакая бестактность!

Она. Ну, стоит ли в самом деле обращать на это внимание! Я уже забыла.

Он. Правда?

Она. Конечно, правда.

Он (поднимает бокал). Ну, хорошо! Давайте тогда чокнемся и выпьем. Только раньше придумаем, за что.

Она (поднимая бокал). Предлагайте.

Он (подумав). За то... за то, чтобы мечты сбывались.

Она. Какие мечты?

Он. Самые сокровенные! Согласны?

Она. Согласна.

Чокаются. Пьют.

Он. До дна! До дна!

Она (выпив бокал до дна). Ну, а теперь я слушаю.

Он (не сразу, многозначительно). Это будет исповедь. Если вам надоест слушать, вы мне скаже-

те... Я замолчу, не обижусь. Хорошо?

Она (с интересом). Рассказывайте.

Пауза.

Он (не торопясь). Это случилось пятнадцатого декабря прошлого года, около пяти часов вечера... Молодой человек, аспирант одного из промышленных институтов, размышляя о предстоящей защите своей диссертации, шел по одной из московских улиц. Видно, сама судьба завела его в этот день на выставку живописи. В раздумье бродил он по выставочным залам. Ничего не радовало глаз, ничто не волновало его чувства. И вдруг он услышал рядом с собой голос. Он обернулся и увидел молодую девушку в синем платье, с блокнотом в руках. Она стояла в группе молодежи и удивительно живо и горячо оспаривала право художника на собственное живописное восприятие действительности. Может быть, она не во всем была права, ей возражали, но она твердо стояла на своем, и нельзя было не восхититься ее страстной заинтересованностью в том, что ей самой, очевидно, не было достаточно ясно... При выходе, в раздевалке, он оказался рядом с ней, подал ей пальто. Она сдержанно-вежливо поблагодарила его и вышла на улицу. Он последовал за ней. Переходя через улицу, она, на его счастье, поскользнулась. Он ее подд-ержал. Состоялось знакомство. Она разрешила ему проводить себя до дома... Он узнал ее номер телефона. Стал ей звонить. Он пытался с ней встретиться — она уклонялась от встреч. Он написал ей письмо — она не ответила. Однажды он встретил ее на улице. Она узнала его. Он подошел, заговорил... На следующий день он позвонил ей. Ее не было дома. Он позвонил через два дня. Она подошла. Он умолял о встрече. Она была неумолима... Если бы она только знала, что он пережил за эти дни!.. (Помолчав.) Наступил канун Нового года. Он решил поздравить ее с наступающим праздником. Набрался храбрости, позвонил. Позвонил, чтобы сказать хотя бы несколько слов и услышать ее голос. И вдруг холодная Снегурочка заговорила. Этот короткий разговор с ней поддержал в нем самые светлые новогодние надежды. И в то же время еще больше ощущалось одиночество, отсутствие той, с кем праздник был бы подлинным праздником... На следующий день он не выдержал и поехал к ней. Походил вокруг дома, посмотрел с тоской на знакомое окно, собрался с духом и поднялся на третий этаж. Постоял несколько мгновений у двери, чтобы хоть на секундочку быть поближе, а потом бегом через две ступеньки, как мальчишка, вниз... Так и остались от встречи Нового года минутный телефонный разговор да несколько волнующих секунд перед заветной, но запертой дверью...

Она (взволнованно). Вы мне не рассказывали об этом, Олег!

Он. Да. Не рассказывал... Можно продолжать?

(Она молчит.)

Он (продолжает свой рассказ). Шли экзамены. Изредка они переговаривались по телефону... Первое февраля! Это был один из счастливейших дней его жизни: они были в концерте. Потом встреча на Выставке китайского искусства. Десятого марта — спектакль в Большом театре. В апреле — снова концерт. В мае — случайная встреча на улице, у Художественного театра, — еще один минутный разговор... Одиннадцатого июня, поздно вечером, — набережная Москвы-реки... Трехчасовой разговор. Большой, настоящий, хороший человеческий разговор о жизни, об отношениях между людьми, о дружбе... Всего шесть встреч за полгода, а ему кажется, что он, как никто другой, знает ее, такую далекую и такую близкую, знает и понимает... (Помолчав, а затем с подъемом.) Когда я смотрю на вас, думаю о вас или говорю с вами, мне представляетесь не только вы, а та, о которой я давно мечтал. Поэтому вы для меня не просто вы, а та, образ которой я давно ношу в своем сердце. Может быть, вы теперь поймете настойчивость моих попыток видеть вас чаще. Мне только очень больно, что вы иногда как-то настороженно относитесь ко мне... Скажите: почему вы ни разу не разрешили мне зайти к вам домой? Вы боитесь меня? Я этого не допускаю. Я джентльмен! Вы опасаетесь возможных сплетен соседей?

Она. Нет, что вы, Олег! Ни вас, ни тем более сплетен я не боюсь.

Он. Я вам не нравлюсь? Знаете, Леночка, будем сегодня друг перед другом до конца откровенны! Как бы ни горька была правда, но я готов и ее сегодня услышать от вас.

Она (не сразу). Хорошо. Я скажу вам, почему я ни разу не пригласила вас зайти ко мне домой... Вы на меня не обидитесь?

Он. Нет. Не обижусь. Обещаю!

Она. Помните, вот тогда, на улице, возле Художественного театра, я познакомила вас с моим отцом? Мы были с ним на спектакле и случайно встретились с вами.

Он. Помню.

Она. Мы вместе дошли до угла, где мы расстались. Помните?

Он. Помню.

Она. Так вот, Олег... Вы не понравились моему отцу.

Он (не без удивления). Я не понравился вашему отцу?

Она. Да. Не понравились.

Он. Любопытно!.. Ваш отец меня совершенно не знает. Мы тогда обменялись рукопожатием и двумя — тремя ничего не значащими фразами... Мне кажется, для того чтобы иметь право судить о человеке, надо знать его. Первые впечатления могут быть обманчивы. Обоюдно обманчивы... На меня, например, ваш отец произвел самое хорошее впечатление... (Пожав плечами.) Не понравился отцу!.. Какие же у него были для этого основания?

Она. Не знаю. И тем не менее именно поэтому я как-то до сих пор не решалась пригласить вас зайти ко мне. Я люблю и уважаю отца. С самого раннего детства я привыкла прислушиваться к его мнению. Я ведь воспитывалась без матери... Мне не хотелось бы, чтобы он, придя домой, застал вас у меня.

Он (горячо). Я уверен, что при ближайшем знакомстве мы понравились бы друг другу и нашли бы общий язык.

Она. И я уверена.

Он. Познать друг друга можно только в общении. Бывает, что внешность человека противоречит его взглядам, и наоборот. На основании мимолетного знакомства трудно судить о подлинном моральном облике человека.

Она (тронув его руку). Олег! Вы на меня не обиделись?

Он. Что вы, Леночка! Я вам очень благодарен за откровенность. Знаете, что? Выпьем за здоровье вашего отца!

Она. С удовольствием!

Появляется **Пожилой официант.**

Пожилой официант. Извините, задержал.

Он (недовольно). Куда вы пропали?

Пожилой официант. Гостей много. Не успеваем.

Он. Мне нет никакого дела до того, сколько у вас там гостей! Не можете справиться — не беритесь обслуживать... Налейте нам шампанского!

Официант разливает вино по бокалам.

Пожилой официант. Я в зале работаю. Меня попросили вас обслужить.

Он (грубо). Вас хорошо за смертью посылать!

Пожилой официант (спокойно, с достоинством). Она, гражданин, за мной сама скоро придет. (Ставит бутылку в лед.)

Он (усмехнувшись). Что? Тоже где-нибудь задержалась? Других обслуживает?

Пожилой официант (спокойно). Больше ничего не потребуется?

Он. Да. Молодой человек! А где же спички? Я просил папиросы и коробку спичек. Я же не могу от пальца прикуривать.

Официант уходит.

Она (сдерживая волнение). Олег! Почему вы с ним так разговаривали?

Он. С кем? С официантом? А как я с ним разговаривал?

Она. Вы назвали его «молодым человеком»?

Он. Возможно. А что?

Она (горячо). Он же старше вас больше чем в два раза! Он пожилой человек! Старик!

Он (усмехнувшись). Разве? Я не заметил. Ленуля! Дорогая вы моя! Они привыкли, когда с ними так разговаривают. Вы их не знаете. Во всяком случае, уверяю вас, он на меня не обиделся: он знает, что за мной не пропадет... (Поднимает бокал.) Ну так что же? За вашего папу!

Она (немного медлит, затем поднимается). Извините, Олег! Я должна вас оставить...

Он (не поняв). Вас проводить?

Она. Спасибо. Провожать не надо.

Она, оставив на столе книгу, медленно выходит. Некоторое время он сидит один. В ложу заглядывает **Танцор.**

Танцор. Здорово, Олег!

Он. А! И ты здесь? Садись. (Танцор присаживается.) Один?

Танцор. Тут, с компанией. Один чудак угощает. А ты с той? Да?

Он. С ней.

Танцор. Я, понимаешь, видел, как вы зашли в ложу. Сунулся к вам, вижу: тебя нет, она одна сидит с тоской во взоре. Решил временно занять, пригласил на бостон. Полный отбой!

Он. Так это ты ей тут нахамил?

Танцор. О хамстве не может быть и речи. Разошлись культурно, как в море пароходы.

Входит Первый официант. Друзья не обращают на него никакого внимания. Официант молча кладет спички на край стола.

Он (через плечо официанту). Чистый бокал!

Танцор. Фигурка у нее ничего... Стильная фигурка!

Официант. Разрешите налить?

Он (через плечо официанту). Налейте! (Машинально вертит в руках книгу.)

Танцор (недвусмысленно). Лед тронулся?

Он. Да нет еще. Тут, братец, характерец...

Танцор. Смотри, еще влюбишься! Который заход?

Он (усмехнувшись). Сегодня седьмой.

Танцор. Ого! На тебя не похоже!

Он. А я не тороплюсь.

Танцор. Познакомишь?

Он. Можно.

Танцор. А где же она?

Он. Вышла. Сейчас придет.

Официант (неожиданно). Она не придет!

Он (обернувшись, с удивлением). То есть как это «не придет»? Вас, кажется, не спрашивают? Чего вы влезаете в разговор? И вообще... откуда вы тут взялись, папаша? Вы нас не обслуживали.

Официант (строго). К счастью, я вам не папаша, гражданин. А кроме того, вы меня не узнали...

Он. То есть как это не узнал?..

Официант. Моя дочь Лена познакомила нас этой весной возле Художественного театра... Помните?

Он (растерянно). Так это... значит...

Официант. Вот именно... Позвольте книжечку, гражданин!.. (Берет из рук растерянного посетителя книгу и выходит из ложи.)

Занавес.

Отвечаем читателям

«Чайный гриб»

Читатели нашего журнала Ф. Я. Озерной (Славянск, Сталинская область) и З. Е. Шабунина (Кропоткин, Краснодарский край) спрашивают о происхождении и свойствах «чайного гриба».

Об этом интересном грибке, культивируемом в домашних условиях, рассказывает кандидат биологических наук Ф. А. Александров из города Горького.

«Чайный гриб» появился у нас в 1905 году. Вначале в Прибалтике, потом в Поволжье. В дальнейшем он распространился по всей стране. После русско-японской войны его стали ошибочно называть также и японским грибом, хотя в Японии он даже не культивируется.

Настой этого гриба широко используют как прохладительный напиток и как домашнее лечебное средство при отсутствии аппетита, пониженной кислотности желудочного сока, желудочно-кишечных заболеваниях, головных болях, артериосклерозе, гипертонии. В медицинской литературе отмечается, что этот настой, или чайный квас, обладает способностью задерживать рост одних бактерий и убивать другие. Врачи рекомендуют больным стрептококковой ангиной полоскать им горло. О каком-нибудь вредном его действии указаний в литературе нет.

В природе «чайный гриб» неизвестен. Это симбиоз, или сожительство, трех микроорганизмов: дрожжевого грибка (торуля), уксусно-кислой и глюконовой бактерий.

Дрожжевой грибок превращает сахарозу в спирт, углекислый газ и частично глюкозу. Уксусно-кислые бактерии превращают спирт в уксусную кислоту, а глюконовые бактерии превращают глюкозу в глюконовую кислоту. Уксусная и глюконовая кислоты вызывают хорошее (пышное) развитие дрожжевого грибка. Таким образом, эти организмы при совместном существовании развиваются лучше. Соединившись вместе, они образуют студенистую беловато-серую толстую пленку, похожую на большой гриб. Вот эту пленку обычно и называют «чайным грибом».

Пленка состоит из нескольких слоев. По мере ее роста один из слоев отделяют по торцу и обычно передают желающим иметь свой «чайный гриб». Этот слой также помещают в широкую стеклянную банку и наливают в нее подсахаренный жидкий настой чая из расчета 100—120 граммов сахара на литр воды. Настой становится вкусным напитком, а пленка продолжает расти. Потом ее тоже отслаивают. Настой чая можно заменить кофе, гороховой или соевой мукой: пол чайной ложки на литр.

Пленка удерживается на поверхности настоя потому, что углекислый газ, образуемый дрожжевыми грибками, поднимает ее.

Настой следует сменять через каждые 5—6 дней зимой и через 2—3 дня летом. Гриб надо промывать кипяченой водой: зимой — через каждые 2—3 недели, а летом — через 1—2 недели. Более длительное пребывание его в настое вредно отражается на нем. Пленка стареет, отмирает, приобретает бурую окраску и начинает распадаться. Настой, где идет разрушение и побурение пленки, пить не рекомендуется: в нем появляются вредные для человека вещества. Холод и сильный свет задерживают рост гриба.

Изучением свойств «чайного гриба» занимаются главным образом биологи, врачи используют его мало. Поэтому многие особенности его настоя как лечебного препарата пока не выяснены.

Из почты «Огонька»

Храбрый заяц

Говорят: «Труслив, как заяц». Однако там, где нет непосредственной угрозы для заячьей жизни, где запрещена охота, в заповедниках, там заяц не так уж труслив. Лежит под кустом и равнодушно провожает взглядом проходящего вблизи человека.

Мне довелось быть свидетелем заячьей храбрости.

Однажды, бродя по лесу в районе Судиславля, я чуть не наступил на притаившихся в густой траве двух крохотных зайчат. Я быстро накрыл их фуражкой, и зверьки очутились в моих руках.

В то же время на полянку выбежала из лесу зайчиха-мать. Странно повела она себя. Зайчиха делала большие концентрические круги, приближаясь ко мне, иногда она останавливалась и бросала тревожные взгляды на детенышей, которых я держал в руках.

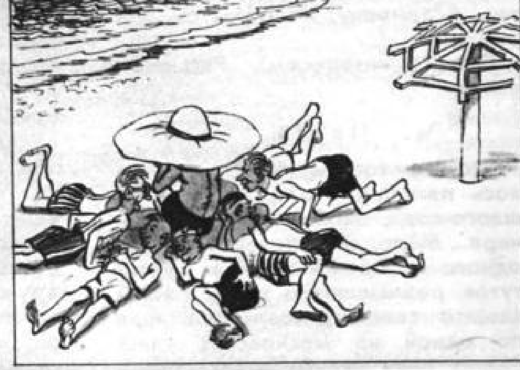
Материнский инстинкт оказался сильнее природной боязливости этого беззащитного зверька.

Мне стало жалко храбрую мамашу, и я пустил зайчат в траву. Все семейство быстро скрылось в лесу.

С. ЮРЧУК

Костромская область.

НА ПЛЯЖЕ

Изошутка Ю. Черепанова.

Между прочим

ДОЧКИ И БОЧКИ

И. А. Крылов был в театре на одном из представлений своей комедии «Урок дочкам». Случилось так, что роли молоденьких дочек исполняли пожилые артистки, отличавшиеся притом солидной полнотой.

Когда после спектакля у Крылова спросили, как ему понравилась их игра, баснописец ответил:

— Что ж, обе они, как опытные актрисы, сыграли очень хорошо; только название комедии следовало бы переменить: это был урок не дочкам, а бочкам.

БЛАЖЕН МУЖ...

В наказание за шалость лицейское начальство пересадило юного Пушкина и двух его товарищей на самый конец обеденного стола и лишь постепенно подвигало обратно. По этому поводу Пушкин сказал:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе.

ГОСТИ ПРИЕХАЛИ

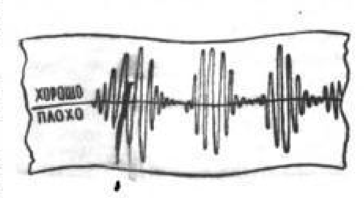
Чехова часто отрывали от работы разные посетители. Деликатный по натуре, он откладывал рукопись или корректуру и, не подавая вида, что ему некогда, занимался с ними.

Бывало, в Мелихове, под Москвой, Чехов терпеливо сидел с московскими гостями и лишь время от времени скрывался в кабинет, а вернувшись к гостям, объявлял:

— Написал на шестьдесят копеек!..

КРИТИК ВИХЛЯЕВ...

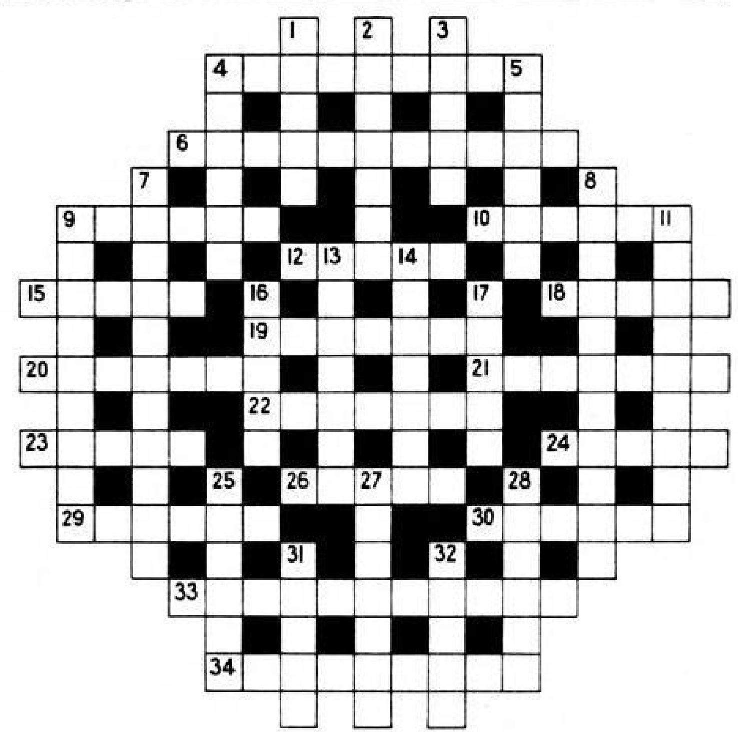

...и запись его выступления на пленку.

Рисунок Ю. Федорова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Украинский поэт и мыслитель XVIII века. 6. Прибор для накопления энергии. 9. Командир. 10. Рассказ А. П. Чехова. 12. Полоса ткани. 15. Название некоторых учебных заведений. 18. Материал для промышленной обработки. 19. Вид барометра. 20. Язвительная насмешка, ирония. 21. Пьеса Бомарше. 22. Первоцвет. 23. Литературное произведение. 24. Химический элемент. 26. Остров в Тирренском море. 29. Профессия служащего. 30. Безбожие. 33. Языкознание. 34. Прибор для измерения углов в кристаллографии.

По вертикали:

1. Сподвижник Богдана Хмельницкого. 2. Музыкальный интервал. 3. Представитель западнославянского народа. 4. Тайна. 5. Многолетнее растение семейства лютиковых. 7. Прямая, делящая угол пополам. 8. Советский поэт. 9. Растение из сложноцветных. 11. Горный туризм. 13. Лесная ягода. 14. Пешеходная дорожка. 16. Часть сцены. 17. Высшее совершенство. 25. Массовое собрание. 27. Многочлен. 28. Приспособление для механической загрузки топлива. 31. Пламя. 32. Кусок ткани.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

4. Караван. 8. Рекордист. 10. «Саша». 11. Агин. 12. Нукус. 15. Шпат. 19. Фаст. 22. Балакирев. 24. Кодекс. 26. Период. 27. Край. 28. Юмор. 29. «Тучи». 30. Кипа. 31. Факт. 32. Гнев. 33. Карелы. 36. Отпуск. 37. Слушатель. 38. Фтор. 40. Метр. 43. «Садко». 46. Толк. 47. Кров. 48. Крупчатка. 50. Полевод.

По вертикали:

1. Нанкин. 2. Кадр. 3. Хариус. 5. Врач. 6. Стан. 7. Гага. 9. Дина. 13. Указ. 14. Упит. 16. Президент. 17. Махачкала. 18. «Жерминаль». 20. Сорокопут. 21. Полувал. 23. Роспись. 25. «Скифы». 26. Прево. 34. Яшма. 35. Уток. 39. Озон. 41. Енот. 42. Юкка. 43. «Скупой». 44. Остров. 45. Скат. 49. Чтец.

В этом номере на вкладках восемь страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 05092. Подп. к печ. 27/VII 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 599. Заказ 2197. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Лучший путевой обходчик Серпуховской дистанции пути Московско-Курско-Донбасской дороги Дмитрий Павлович Гаврилин.

Фото А. Новиков

Цена номера 3 руб.